

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

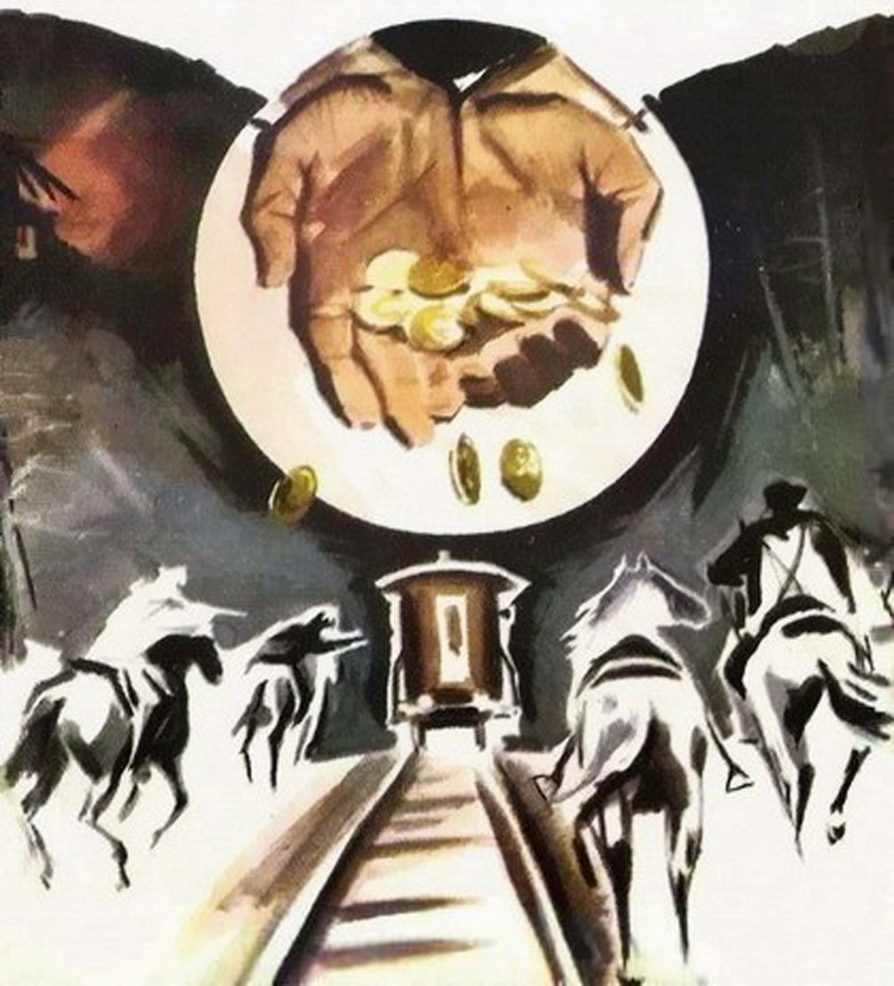
ВОКРУГ СВЕТА

И

СКАТЕЛЬ

4

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1977

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

4

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1977

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор ВУЧЕТИЧ — Долгий путь на Баргузин	3
Вячеслав НАЗАРОВ — Зеленые двери Земли	52
Х. ПЕНТЕКОСТ — И пусть я погибну...	112
Вацлав КАЙДОШ — Игра с Призраком	144

№ 100

С Е М Н А Д Ц А Т Ы Й   Г О Д   И З Д А Н И Я

© «Искатель», 1977 г.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках «Искатель» № 100. Сто выпусков — это целая библиотека приключенческих и фантастических произведений. Мы старались отобрать для этой библиотеки самые остросюжетные, увлекательные рассказы и повести. И, конечно, полные драматичной приподнятости, возвышающие человека, помогающие увидеть мир глазами героев, смелых, решительных, предприимчивых, преданных Родине и своему делу, гуманных, готовых в самых трудных обстоятельствах протянуть товарищу руку помощи. Лучшие черты коммуниста, советского человека старались и стараются воплотить в своих произведениях авторы, пишущие для «Искателя».

Оглядываясь назад с высоты ста выпусков, мы в числе строителей этого «стоэтажного здания» фантастики и приключений видим всех крупнейших советских и многих зарубежных мастеров этих литературных жанров. У истоков создания «Искателя» стоял Иван Антонович Ефремов, человек, который впервые, пожалуй, в «Туманности Андромеды» с необыкновенной художественной достоверностью нарисовал коммунистическое общество. «Автор посмотрел в будущее глазами ученого и художника, попытался первым всесторонне показать жизнь через тысячелетия... Это книга о победе коммунизма, ее нельзя читать без волнения» — так отзывался о ней Юрий Гагарин.

На страницах «Искателя» публиковались признанные советские мастера фантастики и приключений — А. Казанцев, А. Адамов, Л. Платов, Л. Лагин, Н. Томан; зарубежные — Р. Брэдбери, Р. Шекли, К. Саймак, Г. Продль, Ж. Сименон...

Как-то Иван Антонович Ефремов сказал: «...смелая мечта, а не скептическое разочарование побеждает в жизни!» Именно этому девизу и следует «Искатель». В портфеле редакции — новые произведения приключенческого и фантастического жанров. Авторы их — видные мастера и начинающие писатели, имена которых еще неизвестны.

Редакция

ДОЛГИЙ ПУТЬ НА БАРГУЗИН

Повесть

1

Верхнеудинск — маленький городок. Со всех сторон его окружают сопки, одетые хвойным лесом. Нынче, накануне рождества, трескучие морозы сковали своенравную Селенгу, намели метели высокие снега, утопили в сугробах одноэтажные дома, дворы, обнесенные двухметровыми оградами из лиственничных плах, амбары, сараи, пристанционные постройки и железнодорожные пути.

Темнело быстро. Солнце, уходя за сопки, в последний раз облило стылым огнем сизые шапки изб, бревенчатые стены цвета запекшейся крови, коротко сверкнуло в маленьких оконцах и угасло. Серая мгла окутала городок.

В эту пору по накатанной ленте Селенги, вдоль Баргузинского тракта, мелко трусила запряженная в сани низкорослая бурятская лошадка. Груз казался велик для нее: двое широкоплечих, кряжистых ездоков, горбящихся под заиндевелой медвежьей полостью, и обложенный сеном узкий длинный ящик, конец которого высовывался из саней. Но лошадка привычно тянула свою поклажу. В виду городка она прибавила рыси. В морозном тумане, спустившемся в долину реки, глуше стали равномерный перестук копыт и скрип полозьев; заворочались, покряхтывая от долгого сидения, ездоки, выбрались из саней и торопливо зашагали рядом, шумно вдыхая сладковатый печной дым, подталкивая сани и помогая лошади подняться по береговому откосу в узкую улицу.

Сбивая сугробы, тесно обступившие проезжую часть, путники выбрались к железнодорожной станции и въехали в товарный двор, исполосованный санными колеями, притрушенный сеном и покрытый черными пятнами мазута. Остановились под навесом пакгауза, огляделись. Двор был пустынным. Неподалеку пыхтел и подавал короткие гудки маневровый паровоз, лязгали буфера сцепляемых вагонов, волнами накатывала паровозная гарь.

— Никого вроде... — сипло сказал один из путников. — Я пойду, дед. — Он помолчал, вздохнул. — Может, у нас заночуешь? Лошадь укроем...

— Нет, Олега, — медленно заговорил второй. — Ни к чему это. Есть у меня тут знакомый... Полукровка он, но обычаи на-

шей веры соблюдают, да. У него остановлюсь. Рождество Христово встречу, к заутрене схожу. А там и обратно. Ступай, Олеха, лошадь застынет.

Алексей Сотников, или Олеха, как звал его старик Лешаков, постоял еще чуть, покивал утвердительно и пошел в глубь двора. Он отсутствовал долго. За это время Лешаков на ощупь проверил упряжь, стряхнул игольчатый иней с мохнатой спины лошади и, ласково потрепав ее по холке, скормил малую горбушку хлеба.

Наконец невдалеке показались силуэты четверых мужчин. Лешаков поспешно отступил во тьму навеса, соображая, что, хотя Олеха привел своих людей, все же лучше, чтобы было меньше лишних глаз да языков. Береженого и бог бережет, особенно в наше смутное время.

— Мы это, — услышал он голос Олехи и легонько кашлянул в рукавицу.

Похрустывая валенками, четверо подошли к саям, разгребли сено, приподняли ящик и поставили его поперек саней. Алексей разглядел старика, шагнул к нему, сказал вполголоса:

— Спасибо тебе, дед...

— Дак пошто благодаришь-то? Все мы православные, все под ним ходим. Прощай покуда, Олеха. В случае чего помни разговор. Поеду, мне не след задерживаться.

Алексей вынул ладонь из рукавицы, сжал дедово плечо и, повернувшись к своим, негромко сказал:

— Поднимай.

И подставил свое плечо под узкий и длинный ящик.

Лешаков посмотрел вслед уходящим, не снимая рукавицы, перекрестил их и подхватил вожжи. Лошадь дернула сани...

Они медленно несли ящик мимо сараев и пакагузов, вышли на железнодорожные пути и, перешагивая через заметенные снегом рельсы и стрелки, направились туда, где гукал и посапывал маневровый. Возле одного из товарных вагонов их встретил хрипло и нутужно кашлявший мужик в длинной, до пят, дохе. Ни слова не говоря, он откатил в сторону дверь вагона и, когда ящик опустили на пол и придвинули к стенке, закрыл дверь и опломбировал ее.

2

Сибирцев проснулся сразу, будто его кто толкнул. Откинул жаркий овчинный полушубок, вытер ладонью испарину на лбу и висках. В закутке, за печкой, где стоял его топчан, было темно и душно.

Он потянулся к столу, нашаривая спички, наткнулся на твердую кобуру маузера, опрокинул ненароком консервную жестянку, служившую ему пепельницей, и наконец нащупал жирный бок керосиновой лампы. Свет зажженной спички резанул по глазам. Сощурившись, Сибирцев подкрутил копящийся фитилек лампы и щелкнул крышкой «Павла Бурэ». Четверть пятого. Это значит, он вовсе не спал. Короткое пятиминутное забытие.

Спустив ноги с топчана и ощущая голыми ступнями тонкие струйки холода, сочившиеся по-над полом, он достал из кармана кожаной тужурки кисет, оторвал от газеты узкую полоску и стал неуверенными пальцами сворачивать самокрутку, размышляя при

этом, какая причина вышибла из сна его, не спавшего толком уже несколько ночей подряд. Причины вроде бы не было. Но она была, не могла не быть.

Пристально разглядывая подрагивающий огонь лампы, Сибирцев послушивал самокрутку, набитую крепчайшим хозяйским самосадом, и машинально оттягивал первую затяжку, словно бы не готов был еще закурить... А мысли текли. О чем? О службе? Пожалуй, нет. Она была привычной. Другой Сибирцев, по сути,

Рисунки А. ГУСЕВА

и не знал. Как началась в восемнадцатом, так и по сей день. Вот уж два года, считай... Последние месяцы, по возвращении в Иркутск, стало вроде бы поспокойней. Вроде бы. Потому что среди своих.

Сибирцев приподнялся, потянулся самокруткой к надколотому стеклу лампы и, втянув щеки, прикурил. Тронул ладонью подбородок и подумал, что надо бы побриться, но подумал вяло, как о постороннем. Он задохнулся и со всхлипом закашлялся. И тут же услышал, как на печи закричал, заворочался под жестким тулупом хозяин дома Семен Каллистратович.

— А? Чего?.. — забормотал он сонно. — Слышь, Лекастрыч, случилось чего? А?

Сибирцев усмехнулся: случилось... Ни днем ни ночью нет старику покоя. Нашел постыльца на свою голову.

— Спи, дядя Семен. Рано еще. Пяти нет. Просто покурить захотелось. Спи.

— А-а, — глухо вздохнул хозяин, — а я уж подумал чего...

И в этот миг сквозь толстые стены и наглухо запертые ставни донесся до Сибирцева визг кольца по тугой проволоке, протянутой наискось через двор, а следом свирепый рык и басистый гулкий лай старого кобеля Бурана. Совсем уже старого. Так, видимость одна, что сторожит.

«Вот и случилось, — мельком подумал Сибирцев, вслушиваясь в наружные звуки. — Крепко, видно, прихватил мороз».

В ворота громко застучали чем-то железным, вероятно, рукояткой нагана. Звук был отрывистым и нервным. Спокойно, будто давно ждал этого стука, Сибирцев размышлял, кто бы это мог быть. Мизинцем стряхнул пепел в банку, еще разок затянулся и пригасил окурок.

«Небось Шумков, — решил он. — Все-то он нервничает, спешит, словно оправдывает свою фамилию. Трудно ему в милиции. Тут нервозность — гроб с крышкой».

Сибирцев понимал, конечно, что все это у Шумкова от возраста, от молодости. Себя он молодым не считал, хотя и был всего на пять лет старше. Но в эти его пять лет вошли война, революция и снова война.

Однако что-то действительно случилось. Не стал бы его Евстигнеев будить. Пожалел бы.

Заскрипела, застонала лесенка, приставленная к печи. Простуженно кашляя и неразборчиво матерясь, с печи спускался хозяин.

— Погоди, дядя Семен, — позвал Сибирцев, — я сам встречу.

— Сам, сам, — бормотал хозяин. Он шлепал босыми ногами по полу, шумно отыскивал в темноте катанки, сердито сморкался. — И чего им, к черту, не спится?.. Ты вот собирайся давай. Портки-то надень, не за мной, поди, пришли...

Хлопнула дверь, и Сибирцев вздрогнул, почуввав морозную струю воздуха, хлестнувшую по пяткам. Быстро одеваясь, он услышал сердитый окрик хозяина, и Буран вмиг смолк, полагая, что честно отработал свою кормежку. Потом загревели засовы, пронзительно завизжали петли отворяемой калитки, и раздались быстрые хрупающие шаги. Забухали сапоги в холодных сенях — это пришедший сбивал снег, много его нынче в Иркутске. Снова хлопнула дверь, впустив клубы ледяного пара, и вошли хозяин с Шумковым, закутанным до глаз в желтый башлык.

— Ждراштвуйте, Михаил Алекшандрович, — с трудом проговорил Шумков, обеими руками оттягивая край башлыка, застывшего на морозе, — шичаш... — С трудом развязал узел, откинул концы башлыка за спину и тяжело сел на лавку.

— Здоров, — с легкой иронией отозвался Сибирцев. — Чего это ты, брат, расшумелся, а? Всю, понимаешь, улицу согнал с печи, всех соседей переполошил. Опять небось говорят, в милиции чепе, коли среди ночи своих собирают.

— Виноват, Михаил Александрович, бежал, — с готовностью подтвердил Шумков, но видно было, что нисколько он себя виноватым не считает, хотя бежал — это точно. — Товарищ Евстигнеев велел передать срочно явиться. Серьезная беда, Михаил Александрович.

— Что за беда? — отрывисто бросил Сибирцев и поднес лампу к самому лицу Шумкова. — Говори, можно, — он кивнул в сторону хозяина.

Шумков поморгал ресницами и шмыгнул носом.

— Творогова привезли, — сказал он наконец.

— Как привезли? В каком смысле привезли? — Сибирцев вонзил взгляд в Шумкова, и тот отвел глаза.

— В гробу привезли... Сотников...

— И Сотников? — вскинулся Сибирцев.

— Нет, Сотников привез, — поправился Шумков, снова шмыгнул носом и утерся рукавом худой своей шубейки.

«Всего мальчишка, — глядя на него, тоскливо подумал Сибирцев и тяжело опустился на лавку. — Как же так? Что ж это ты, Творогов?..»

Замерла огромная, во всю стену, тень хозяина. Сибирцев смотрел на нее и тщетно старался поймать какой-то ускользающий вопрос, какую-то важную мысль.

— Нынче привезли, — снова заговорил Шумков. — Вот как вы ушли... Товарищ Евстигнеев велел дать вам маленько поспать, а теперь вот, значит, послал.

Сибирцев нагнулся, стал шарить под лавкой. Шевельнулся хозяин, достал из припечка сапоги с обернутыми вокруг голенищ портянками, подал Сибирцеву.

— На-ко, Лександрыч. Я их тут поставил. Теплые.

Сибирцев кивнул благодаря, начал закручивать портянки, натянул сапоги. Медленно прошел в свой закуток, надел куртку, сунул в карман кисет и спички, перекинул через плечо ремень маузера. Вернувшись, увидел запавшие, скорбные глаза хозяина.

— Вишь, какая беда, дядя Семен...

Хозяин участливо покивал, спросил:

— Может, хоть пожуете чего? Надолго, поди?

— Да ведь кто знает...

— Тады погодь малость, — заторопился он и загремел печной заслонкой. — Эх ты, горе, щи-то мы с тобой, почитай, выхлебали. Картохи вот есть. Теплые. Сальца сейчас отрублю... — Он зашлепал к двери.

— Голодный небось, — не столько спросил, сколько подтвердил Сибирцев, услышав, как сглотнул слюну Шумков. — Давай-ка, брат, подкрепись. Знатное у деда сало... Что случилось, того не воротишь. А чтоб голова варила, ее кормить нужно. Садись к столу. Шубу-то сбрось.

Сибирцев подвинул Шумкову пяток картофелин, сваренных в мундире, деревянную солонку, а сам, достав кисет, начал сворачивать новую сигарку, прикурив от лампы. Возвратился хозяин с куском замерзшего сала в сверкающих крупницах темной соли. Хорошее сало, с прожилками мяса. Хозяин нарезал его толстыми ломтиками, посунил на середину стола.

— Поел бы, Лександрыч.

— Спасибо, дядя Семен. Я уж сбил аппетит. Давай, Шумков, нажимай, брат.

Шумков деликатно очищал кожуру, двумя пальцами присыпал картофелину солью и тут же запихивал ее в рот целиком. Голод брал свое, какая уж тут интеллигентность. Он жевал, откусывал сало, жирным пальцем утирал хлопающий нос, и глаза его, видел Сибирцев, так и норовили закрыться в истоме.

«Их-то за что? — возник наконец все тот же немой вопрос. — Павел ведь ровесник этому губошлепу. Тоже мальчишка был. Уже был...»

Многое видел Сибирцев. Сердце, бывало, рвалось на части от жалости, а то от ненависти. Но больше всего боялся он увидеть трупы расстрелянных, замученных мальчишек. Срыва боялся. А сорваться никак было нельзя. Работа была такая. Да, многое он видел, в конце концов, понимал, что всегда присутствовала в его профессии некая необходимость, фатальность, что ли. Но ведь это для него. Для него! А они-то мальчишки. Их-то за что?..

Самосад показался горьким, от него першило в горле, стоял жесткий и острый ком, и никак его невозможно было проглотить.

Хозяин неслышно двигался по избе, шебаршил чем-то, бормотал под нос.

Сибирцев встал. Немедленно поднялся и Шумков, взглянул виновато.

— Дядя Семен, дай ему клок газеты... Заверни остатки да возьми с собой, — сказал Сибирцев Шумкову. — Там доешь... Идти надо, дядя Семен, ты уж прости, служба такая.

— Да что служба, — бормотал хозяин. — Я ить службу понимаю. Идите, сынки, с богом. Берегите себя. Ты, Лександрыч, того... особо не того... Не подставляйся. Пуля она не понимает. Я-то знаю. Ну, Христос с вами...

3

Кабинет начальника губернской милиции Евстигнеева был тесным и низким. Собственно, это был временный кабинет. Постоянным помещением милиция еще не разжилась. Здание старое и сырое, бывшая контора складских помещений, и эта комнатка с единственным забраным решеткой окном была, по сути, тоже единственным местом, где усталые милиционеры могли отогреться. Половину кабинета занимал диковинный, под зеленым сукном стол, черт те как попавший в это строгое учреждение. Сбитые его края, мощные формы и витые фигуристые ноги определенно указывали на бильярдное происхождение. На этом столе по очереди спали дежурные. Помимо него, в кабинете находилась гордость всей милиции — настоящая чугунная с литыми узорными дверцами «буржуйка». Она стояла у окна на железном листе,

и на ее раскаленных докрасна конфорках постоянно шумел чайник. Тускло светила под потолком электрическая лампочка.

Евстигнеев, худой, болезненный мужчина в застиранном старом френче, поверх которого он постоянно носил меховую душегрейку, шаркал подшитыми валенками, маяча от стола к окну. Увидев вошедшего Сибирцева, он молча кивнул и жестом пригласил садиться. Сибирцев сбросил на стул полушубок и шапку, сел на соседний. Сунув руки в карманы широких бриджей и зябко подергивая плечами, Евстигнеев продолжал толочиться в узком пространстве, поглядывая то на телефонный аппарат на дальнем конце стола, то на закипающий чайник.

Среди бумаг на столе, до которых Евстигнеев был небольшой охотник, стояла загодя приготовленная кружка со щепотью сушеного брусничного листа. Когда чайник наконец закипел, Евстигнеев ловко подхватил его и быстро залил кружку кипятком, помешал черенком столовой ложки и прикрыл надколотым блюдцем, чтоб настоялось. Взглянул вопросительно на Сибирцева; тот, отказываясь, качнул головой и потянулся за кисетом. Тогда Евстигнеев наклонил, как бык, свою лобастую лысеющую голову, подошел в упор к Сибирцеву и скрипучим голосом произнес:

— Его сейчас Шильдер осматривает. Составляет протокол. — Он вздохнул, отошел к столу. — Взглянешь сам потом?

Сибирцев кивнул.

— Всё бумаги, — снова проскрипел Евстигнеев и приподнял бледнечко. — Человек погиб, а им бумаги...

— Кому им? — Сибирцев поднял голову.

— Нам, — вяло отмахнулся Евстигнеев. — Видел я его... Страшной смертью погиб Павел. На-ко вот. — Он протянул Сибирцеву несколько листов, плотно исписанных расплывчатыми чернилами. — Сотников это. Я велел, чтоб самым подробным образом. Все факты и никаких фантазий. А дальше мои соображения.

Сибирцев прошел за стол Евстигнеева, потеснив его к окну, раздвинул бумаги и положил перед собой листки. Сел, сжав ладонями виски, начал читать. А потом вдруг задумался, пристально глядя куда-то поверх бумаг. За сухими, грамотными фразами показаний Сотникова он снова увидел многомечную мрачную и кровавую историю колчаковского исхода в Сибири...

Последний акт этой драмы разыгрался в снежных полях между Красноярском и Иркутском ровно год назад, в январе двадцатого. Взятие красными частями Красноярска явилось, по существу, тем курком, который спустил пружину всеобщего бегства из России. В направлении к Владивостоку мчались эшелоны с награбленным добром, войсками, дипломатами и «высокими комиссарами» с их многочисленной штабной прислугой, личными секретаршами и автомобилями.

События же, о которых невольно вспомнилось сейчас, разворачивались еще в апреле восемнадцатого, когда во Владивостоке высадились десанты японцев, а позже — американцев и англичан. Тогда же в Харбине, при штабе главноначальствующего в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги Дмитрия Леонидовича Хорвата — «длиннобородого харбинского Улисса», как тайком звали его подчиненные, — появился недавно вернувшийся с германского фронта бывший прапорщик Михаил Сибирцев. Хоть в чинах он был невысоких, зато фронтовая за-

калка: такие скоро становились штабс-капитанами, а то и полковниками. Именно здесь, под негласным покровительством и на денежные субсидии Хорвата и, кстати, с помощью оружия, которое от имени главы японской миссии в Харбине генерала Накашимы доставлял полковник Куроки, формировались отряды спасителей родины под фирмами Семенова, Орлова и других. Для этих вольных атаманов не существовало никаких законов, и слушались они лишь тех, кто давал деньги. А контр-адмирал Колчак, только что приплывший из Сингапура, был назначен для начала членом правления КВЖД и, видимо, еще не совсем четко представлял себе судьбу, уготованную ему английскими союзниками. В общем, то были дни всеобщего помешательства на идее реванша скорого и жестокого, отождествляемого со спасением России. Сибирцев запомнил эти слова, сказанные знакомым штабным офицером из окружения Хорвата; они потом сошлись накоротке, и странным показался Сибирцеву этот поручик, польский князь, невеста за какие грехи заброшенный сюда от далекой своей ясно-вельможной. Но в какой связи вспомнился этот офицер? Ах да, это он прислал Сибирцеву письмо, передал с оказией, — очень неосторожное письмо, хорошо, что в эту пору был еще Сибирцев вне зоркого ока семеновской контрразведки. Дорого могло бы оно обойтись. Так вот, писал он Сибирцеву на станцию Гродеково: «...а штабные должности у нас, дорогой Мишель, нынче переполнены, и всюду еще толпы прикомандированных. Я спросил давеча опору нашего всероссийского правительства полковника Маковкина, — вы должны помнить его, Мишель: смутьян и бабник, — зачем же так-то раздуваются штаты? Знаете, что он ответил? «Сие нужно для флага и для получения содержания: надо же как-нибудь кормиться». Нагл, да хоть откровенен... Все харбинское начальство обзавелось стадами личных адъютантов, по городу носятся автомобили с супругами, содержанками и ординарцами высшего начальства и всяческих кандидатов в атаманы. Семенов завел себе атаманшу из харбинских шансонеток и на днях преподнес ей кольцо в 40 тысяч рублей. И уж вовсе новость: появились «кузины» милосердия. В штабах теперь порхают для красочности, поднятия фантазии и настроения многочисленные машинистки с голенькими ручками. Мы же помним, что Наполеон проиграл Бородино оттого, что отяжелел, и потому заранее обеспечиваем себе легкость мыслей... Ах, милый друг, ей-богу, настроение такое, что, будь деньги, попробовал бы пробраться на Дон...».

Вот как начинали. А через два года они мчались назад, из России, крали все, что могли украсть, что можно было поднять и погрузить в вагоны. Союзники спешно покидали Колчака, окончательно убедившись, что его карта бита. И среди этого поистине вавилонского столпотворения удиравших завоевателей, теснимые и отгоняемые на запасные пути, медленно двигались из Омска к Иркутску два поезда «верховного правителя России», теперь уже «полного адмирала» Колчака. Сам «верховный», накинув на плечи серую солдатскую шинель, стоял у окна своего салона и смотрел, как мимо на большой скорости проскакивали составы, битком набитые российским добром. Плыли печальные аккорды старого романа: «Умру ли я, ты над могилою горн, сняй, моя звезда...», мелькали в памяти пятнадцать месяцев упоения

властью и славой под бело-зеленым знаменем, символизирующим снега и леса Сибири. Пятнадцать месяцев... Много это или мало?.. Нет, он еще не верил в свое поражение, он на что-то рассчитывал. Может быть, на верность союзников своему слову.

«Про нашего адмирала говорят, — писал Сибирцеву в том письме поручик, — что он вспыльчив, груб в выражениях и как будто предан алкоголю. Человек с норовом до полной неуравновешенности и взбалмошности. Но расклад таков, милый Мишель, что на эту серую лошадку наши партнеры, кажется, делают ставку. А великолепный Улисс все танцует какой-то чрезвычайно пестрый танец и, судя по всему, уже уходит в тень. Что-то будет?..»

А случилось то, что и должно было быть. Точку поставили рабочий класс и партизаны Сибири. Союзным миссиям был предъявлен ультиматум: либо выдача Колчака и золотого запаса России, который увозил с собой «верховный» под усиленной охраной, либо взрыв туннелей Круго-Байкальской железной дороги. И уж тогда ни один эшелон не покинет Иркутска. Решение союзников было единогласным и абсолютно логичным.

Ввиду бесперспективности дальнейшего продолжения совместной борьбы передать представителям Советской власти Иркутска адмирала Колчака и вместе с ним председателя совета министров Пепеляева, нет, не Анатолия Пепеляева, лихого генерала, дошедшего в восемнадцатом от Сибири до Волги, а его старшего брата, аполлексического обжору Владимира Пепеляева. Черт с ним, с Колчаком, в конце концов, черт с ним, с золотым запасом. Свое награбленное дороже. Логично. Чисто по-европейски.

Последними под непрерывными ударами 30-й дивизии 5-й Красной Армии отходили наиболее крепкие, отборные колчаковские части — 15-тысячная армия генерала Каппеля. Двадцатисемилетний генерал, гордость белого движения — его Колчак прочил в свои преемники, — отступая вместе с армией, обморозил ноги и умер от гангрены. И теперь его везли в гробу, чтобы пышно похоронить в Иркутске. Командование армией принял генерал Войцеховский. Озлобленная, сжигающая все на своем пути белая орда сбивала заслоны и рвалась к Иркутску, где в тюрьме изнывал Колчак и нынешний председатель Иркутской губчека Самуил Чудновский уже вел протокол допроса «верховного правителя».

Навстречу белым к станции Зима были спешно выдвинуты рабочие и партизанские соединения Иркутска. Здесь они стали на смерть. И тогда каппелевцы разделились. Отдельные отряды, увозя часть награбленного, повернули в тайгу, к Верхоленску, имея намерения перейти Байкал у Баргузиня и оттуда спускаться к югу, на Читу. Основные же части, во главе с Войцеховским, использовав предательство чехословацких гусар, нарушивших нейтралитет и арестовавших руководителей рабочих отрядов, прорвали оборону красных и устремились к Иркутску на соединение с казаками атамана Семенова, требуя немедленного освобождения Колчака и выдачи золотого запаса.

Иркутский ревком связался с Реввоенсоветом 5-й армии и получил указание Совета Народных Комиссаров: сохранить жизнь Колчаку, но при особо тяжелых обстоятельствах поступить так, как потребует обстановка.

На подступах к Иркутску разгорелись тяжелые бои. Дальше

медлить было нельзя. И ревком вынес постановление: «Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв».

Колчак и Пепеляев были расстреляны на льду Ангары, и тела их спущены под лед. Войцеховский же и Семенов вынуждены были во избежание встречи с регулярными частями Красной Армии снять осаду Иркутска и уйти в Забайкалье. Оттуда их уже окончательно выбили в конце октября двадцатого года, когда была освобождена Чита и образована Дальневосточная Республика — ДВР — временное буферное государство. Но ни о каком спокойствии, конечно, говорить сейчас не приходится. Это Сибирцев хорошо понимал. Интервенция затаилась на станции Маньчжурия, подобрала когти, словно подлая рысь, выжидая только удобного случая, чтобы всадить их в спину революции. Убить-то теперь уже не убьет, силенок неостанет, но поранить может крепко.

Да... Ну а те, что пошли через тайгу и северный Байкал, те, крепко потрепанные партизанами, вышли-таки к Чите. Выйти вышли, но, судя по разным слухам, пришлось им большую часть награбленного оставить в тайге. Что просто бросить, а что и припрятать до лучших времен. В том, что придут лучшие времена, никто из них не сомневался. Более того, кое-кто уже и теперь пробует вернуться к спрятанным своим богатствам. И это не слухи — в сводках сообщают из уездов: там и сям появляются разной численности вооруженные группы и отряды. Грабят население, шарят по тайге, совершают налеты на прински, убивают старателей, забирают золото и тут же исчезают. Скорее всего многие бандиты родом из этих мест, знают потайные ходы и тропки, сторожки и займки, имеют многочисленную родню, а следовательно, и хорошо разветвленную агентуру. Если добавит к этому, что богатый сибирский мужик крепок и никогда, по сути, не знал крепостного рабства, а те, в глубинке, кто лично не пострадал от Колчака, к Советской власти относятся весьма прохладно, то возвратившиеся вчерашние колчаковцы в такой ситуации свободно могут раствориться в своей среде, жить, не вызывая подозрений, и в нужный момент с оружием в руках — благо его по всей России-матушке бери не хочу — занять место в банде.

На такую примерно банду, действующую в Баргузинском уезде, как следовало из показаний Сотникова, они с Павлом Твороговым и нарвались. Но что их занесло в Баргузин, когда они должны были заниматься делом на западном побережье Байкала, в Большой Тарели, Качуге? Сибирцев еще раз внимательно просмотрел показания Сотникова, но объяснения так и не нашел. Видно, тут и крылось самое главное.

— Ну? — Евстигнеев присел и в упор взглянул в глаза Сибирцеву, заметив, что он прочитал все и теперь, сложив листки в стопку, словно бы машинально подравнивал края. — Понял, в чем беда?

Сибирцев неопределенно пожал плечами, однако Евстигнеев принял этот ответ как согласие и продолжал своей скрипучей скороговоркой:

— Вот и я полагаю, что нечего нам в это дело соваться.

Но, увидев недоуменный взгляд Сибирцева, удивился и сам:

— Непонятно? Чудак человек, Баргузинский-то уезд территориально никаким боком нам не подчиняется. Больше того, он в другом государстве. В сопредельном государстве. Он не только Иркутску, но и Москве не подчиняется. Нет, я просто уверен, надо передать это дело читинским товарищам, так сказать, по дружбе, и на том поставить точку. Нам и своих забот по горло. Да и народу где взять? Нет у меня лишних людей. И сил таких нет, чтоб соседских бандитов гонять.

— Да ведь это как смотреть: сегодня у соседей они, как ты говоришь, а завтра перешли границу — и у нас. Им ведь наша граница — плюнуть и растереть.

— Ну вот, перейдут границу, и будем ломать себе головы... Нет, я тебя понимаю, мне, может, тоже Павла жалко. То есть, что я говорю, конечно, жалко. Но я смотрю реально: не сложилась у нас сейчас такая ситуация, чтобы бросить силы на это дело.

— Ох и умный ты, Евстигнеев, ох и голова! — с нескрываемым сарказмом заметил Сибирцев. — Куда как тонко чувствуешь ситуацию. По всему ты, выходит, прав. И государство за Байкалом другое, и в задачи наши не входит... Все у тебя верно. Слишком верно. Одного ты понять не хочешь: ДВР — явление временное. А Советская власть у нас одна. Права ты свои четко усвоил, а вот обязанности... Не могу тебя понять. Вроде из рабочих ты, а рассуждаешь как самый завзятый бюрократ. Не видишь ты сути момента, это в тебе меньшевик сидит, и ничем его, понимаешь, не вытравить.

— Кто бы говорил... — обиделся Евстигнеев.

— А я вот и говорю. Имею, значит, право, потому что сам был эсером. Был, да сплыл. А ты, я вижу, не собираешься расставаться со своим прошлым. И ежели не хочешь понимать, будем мы тебя, Евстигнеев, гнать из милиции в три шеи.

— Так уж и гнать, так сразу и гнать, — примирительно заговорил Евстигнеев. — Ну что ты мне душу мотаешь? Приставили комиссара на мою голову! Ведь я ж всей душой, да факты против нас. А то — гнать... Доразгоняетесь.

— Нет таких фактов, чтоб мешали Советской власти раздвигаться с мерзавцами. Бандитами и убийцами. Нет, понимаешь? И самое вредное — это быть в милиции бюрократом. Усвой.

— Ну предположим. Выходит, я не прав. Хорошо. А сам что предлагаешь? Снимать всех наличных людей и бросать их в тайгу? Нарушать хоть и временные, но все же государственные границы? Да и где они, эти твои бандиты?..

— Пока не предлагаю. Речь идет о твоём отношении к делу. О твоей, извини, брат, незаинтересованности. Вот о чем. А одним нам, конечно, не справиться.

— И я о том толкую, — облегченно вздохнул Евстигнеев. — Не ссориться бы нам с тобой надо, а думать.

— Ну, Евстигнеев, ну, артист! — усмехнулся Сибирцев. — Что ж, давай думать... Скажи-ка, брат, ты внимательно читал показания Сотникова?

— А как же! — удивился Евстигнеев.

— Внимательно. Так... А не можешь ты мне объяснить, за каким чертом они потащились на Баргузин? Ты им давал такое задание?

— Не-ет... — Евстигнеев морщил лоб и мучительно соображал, наконец его что-то осенило. — Так ведь следы бандитов вели туда. — Он внимательно посмотрел на Сибирцева. — Не то? А ты думаешь иначе?

— Это все на поверхности. Да и выглядит примитивно: вдвоем против банды. С Сотниковым говорил?

— В общих чертах. Велел написать все. Вот он и...

— Не написал, — закончил Сибирцев. — Давай-ка, брат, поступим так. Ты пока человек действительно новый, а тут, видимо, все непросто. Этим делом займусь я. Может быть, даже на Чека придется выйти, посмотрим. Распорядись, пожалуйста, чтоб Шильдер прислал мне сюда протокол осмотра тела, вызови Сотникова и оставь нас одних... Да, и еще одна вещь, на всякий случай. Очень советую не устраивать Павлу пышных похорон. Родственников у него в Иркутске, насколько мне известно, нет, так что в обиде никто не останется. А нам сейчас надо поменьше шума.

Евстигнеев заметно обрадовался. Дело-то, как оказалось, не такое простое, а Сибирцев человек опытный, опять же свои люди в Чека, тоже немаловажно. Вот только с похоронами зря он так. С оркестром надо. Чтоб внимание привлечь к героической деятельности милиции, народ привлечь. Нет, решил Евстигнеев, тут Сибирцев не прав, тут он перебирает. Да и кого здесь, в Иркутске, боятся? Свои же кругом. Не прав Сибирцев.

4

Появился Сотников — русоволосый, ясноглазый парень богатырского сложения. Гимнастерка, казалось, трещала на его широкой груди.

— Садись, Алексей, — пригласил Сибирцев и невольно подумал: как же так случилось, что щуплый и застенчивый Паша Творогов, приняв нечеловеческие муки, погиб и лежит теперь на цинковом столе у Шильдера, а этот красавец сидит напротив, и в чистых глазах его не видно боли, разве что едва уловимое смятение? Ведь они были вдвоем.

— Показания твои я прочитал. Толково написано. Четко и поделовому. А сейчас расскажи мне все это еще раз. Особо остановись вот на чем. Каким образом вы оказались в Баргузинском уезде? Раз. Затем, как взяли Павла, кто допрашивал и пытал? Что, по твоему мнению, могло заинтересовать бандитов и что они могли узнать? Два. И наконец, каким образом удалось увезти его тело? Давай, и как можно подробнее.

Сотников опустил голову на ладони, прикрыл глаза, помолчал, а потом, тряхнув упрямыми своими кудрями, поднял взгляд на Сибирцева. И тот изумился — столько в них было откровенного отчаяния. Вдруг совершенно преобразился человек.

— Михаил Александрович, — глухо заговорил Сотников и огляделся: нет ли посторонних, — то, что я написал, это все не то. То есть, я хочу сказать, не самое главное.

— Знаю, — спокойно отозвался Сибирцев.

— Откуда? — удивился Сотников.

— Концы не сходятся, Алеша.

— Да вы, наверно, правы. Но я объясню вам...

— Этого мне и хотелось бы, — так же ровно говорил Сибирцев. — Только ничего не упускай. Никаких деталей не упускай.

— Тут вот в чем дело, Михаил Александрович, у нас же, вы знаете, какое помещение. Мне начальник велел написать показания. Я сел там, у себя, так ведь каждый подходит, через плечо наклоняется, смотрит. Я же все понимаю, ребята жалеют Павла, сочувствуют. А кто и наоборот: что ж ты, думают, жив-то остался, бугай этакий. Пашка, мол, хлипкий, а герой. А ты...

Сибирцев поймал себя на мысли, что и он не разглядел и тоже, наверно, обидел парня недоверием. Ведь такие вещи чувствуются особенно обостренно. Так-то, брат...

— В общем, эти показания можно выбросить, потому что нет в них самого главного, — продолжал Сотников. — А потом я и сам чувствую, что виноват в гибели Павла. Я старше его по возрасту, мог предвидеть.

— Но ведь ты ему был подчинен.

— Ну и что же? Все равно здесь моя вина.

— Знаешь что, Алексей, — жестко сказал Сибирцев, — степень твоей личной вины еще пока никто не собирался определять.

Придет время — займемся и этим. Дело давай. А прав ты или виноват — покажут обстоятельства.

— Ну ладно, — вздохнул Сотников. — Вот как все произошло...

Павел Творогов был родом из Баргузинского уезда. Село Шилово, таежная глухая сторона. Потомки сосланных сюда когда-то духоворов, не то староверов. Жили скрытно, посторонних не любили, стерегли свой уклад. Революция ворвалась и сюда, в богом забытую глухомань, кровавой межой разделила семьи, человеческие судьбы. Одни, подобно Павлу, ушли в революцию, другие к многочисленным атаманам — Семенову, Анненкову, Красильникову, Калмыкову, да мало ли их повылезало на свет...

Творогов с Сотниковым были направлены в Верхоленский уезд для организации милиции и главным образом обмена опытом борьбы милицейских групп с бандитскими шайками. Дело было для них не новое, на протяжении года приходилось не раз выбираться в самые отдаленные уголки губернии, ничего особенного поначалу не представляла и эта их поездка. Но в районе Большой Тарели они вышли на след полковника Мыльникова, по-видимому, одного из близко стоящих к самому Каппелю. Этот Мыльников увел от Войцеховского довольно сильный отряд и двинул через тайгу на Баргузин. Мужики говорили, что он вез с собой много золота и драгоценностей под большой охраной. Бросал все, если приходилось туго, бросал обмороженных солдат своих, расстреливал не то что по подозрению, а за косой взгляд, но золото держал при себе. Лютовал. Рассказывали, что известный каратель Меллер-Закомельский по сравнению с ним белогубый щенок. И вот за Байкалом что-то с ним произошло: то ли сыпняк свалил, то ли еще что, но отряд застрял надолго. До весны. А в марте или в апреле он с остатками отряда — многие к той поре разбежались — и с малым количеством золота ушел к Чите. И опять-таки по слухам — это надо тщательно проверить — там и погиб. Осенью на Байкале появился его холуй, ведавший у Мыльникова контрразведкой, штабс-капитан Дыба. Зверь почище самого. Собрал отряд около сотни штыков и сабель и бесчинствует в уезде. Есть определенные подозрения, что он ищет спрятанное мыльниковское золото. Узнав об этом, Творогов, естественно, не мог оставаться спокойным. Его увлекающая натура требовала немедленных действий, он готов был забросить все свои дела и тоже ринуться на поиски золота. «Когда еще такой случай выпадет? — с жаром доказывал он свою правоту Сотникову. — Да за это нам все простится!» И Сотников не устоял: соблазн был действительно велик.

Самое удивительное, что они вышли на золото.

А случилось это так. Когда Мыльников отдавал богу душу, за ним ходил только один дед Лешаков, остальные боялись заразы. Этот Лешаков был дружком покойному Павлову отцу, но старательством не занимался, он сызмальства охотник. Лешаков-то и рассказал Павлу по старой дружбе, значит, что полковник вроде бы доверил ему свою тайну. А может, еще как узнал, может, больной в бреду проболтался, про то дед говорил уклончиво. Но только когда полковник оклемался, взял он деда за горло и пригрозил страшными карами, если тот хоть слово пикнет. С тем и ушел на Читу, обещая вскорости вернуться и хорошо

наградить за молчание и службу. Не вернулся. И дед потихоньку переправил то золото от греха на свою охотничью заимку, там и спрятал. А потом появился Дыба. И так и этак приступал к деду, страшал, за бороду дергал, клялся, что полковник золото ему велел взять, только дед — молчок. Знать ничего не знаю — и все. Ведать не ведаю. Ну и стал Дыба по округе шнырять, убивал старателей, кооператоров, мужиков грабил и пытал все про то поганое золото. Да ведь никто ничего и не знал. А Павел каким-то нюхом, что ли, вышел прямо на Лешакова, и тот раскрылся, видно, Дыба ему уже поперек горла стал.

— Ни я, ни Павел не учли самого главного, Михаил Александрович, — тихо рассказывал Сотников, уставясь в какую-то точку на стене. — Мало найти золото, надо его еще вывезти. А вывезти его мы не могли — не на чем, да и Дыба дороги перекрыл. И тут произошла наша ошибка. Перед уходом Павел решил выяснить, где Дыба имеет свою основную базу. Пошел в село, все ж таки родня, а тут Дыба и наскочил... Кто-то из своих Павла и выдал... Появился, мол, один из Иркутска, говорят, в комиссарах. Тут и взяла Павла...

— А дальше? — негромко сказал Сибирцев.

— Три дня он его... — Сотников опустил голову на побелевшие кулаки. — Три дня, товарищ Сибирцев, я сидел и ждал, как договорились, у деда на заимке. Сидел и не знал. А на четвертые сутки привез его дед Лешаков... Под сеном. Уже такого. Перепились, говорит, охранники, он его из сарая и выкрал... Мертвого... Ничего не сказал им Павел. Голову на отрез даю. Не такой он был, чтобы... сказать... В ту же ночь дед сколотил домовину, и мы поехали какой-то дорогой, теперь не помню, только где-то в стороне от тракта. На тракт мы уже у Гремячинской выбрались... Ну а в Верхнеудинске я сразу к начальнику транспортной Чека, объяснил, мол, погиб товарищ, дело было секретное, тот и дал вагон.

— Та-ак, — протянул Сибирцев. — Ну что ж, Алексей, кончим на этом. Ты хоть спал, как вернулся?

— Какой тут сон...

— Давай-ка, брат, вот что: даю тебе три часа, и чтоб спал, я займусь делами, а потом пойдем в Чека, и там ты все повторишь.

— Вы мне не верите, — с тоскливой горечью прошептал Сотников.

— Ах, Алеша-Алексей, — Сибирцев укоризненно покачал головой. — Я-то думал, ты поумнел за это время. Какое же это недоверие?

— Так ведь в Чека же...

— А сам ты кто? Самый ты что ни на есть настоящий чекист. Идеальный борец с контрреволюцией. Сотрудник милиции. Одно мы дело делаем, одни муки принимаем, все вместе сторожим завоевания революции. А ежели ты обижаешься, что повторятьставляю, так в том и секрет нашей службы: десять, двадцать раз вспомни, если надо. Ты вот, может, и не замечаешь, а каждый раз, все рассказывая, вспоминаешь все новые детали, нюансы, тонкости. Для тебя они могут ничего не значить, а для меня... ой как много они мне говорят. Понял? И давай договоримся, никаких обид. Иначе будем считать, что Павел погиб бессмысленно.

— А какой же смысл? — вскинулся Сотников.

— Вот почему, — мягко перебил его Сибирцев, — нам очень важно знать, что хотел вырвать из Павла пытками тот самый Дыба. Не стал бы он из одной только своей жажды убийства три дня, как ты говоришь, пытать комиссара. Понял?

— Понял, — пробормотал Сотников.

— Ну, то-то. Иди спи.

Едва за Сотниковым закрылась дверь, появился Евстигнеев. Он протянул Сибирцеву два листа бумаги.

— Протокол осмотра. От Шильдера. Ну?

— Мы с тобой были правы, Евстигнеев, дело оказалось серьезнее, чем мы думали.

— Да-а?.. А что будем делать с Сотниковым, он же нарушил приказ, сорвал задание...

— Сотникова я отправил спать. На три часа. Распорядись, чтоб его потом разбудили. Он мне будет нужен... И давай условимся, Сотников ничего не нарушал. Старшим в группе был Павел. Конечно, разговор с Сотниковым состоится. Позже.

— Ну как знаешь, — Евстигнеев был чем-то недоволен. — Как знаешь. Дело это ты на себя взял. Я звонил в Чека, самого нет, доложил заместителю Бровкину, что ты должен сделать ему важное сообщение. Могу ж я, в конце концов, поручить это дело тебе — своему заместителю? Вот я и поручаю. А мне доложишь о результатах. Ты, главное, на нас это дело не вешай...

— Ты действительно артист, Евстигнеев! — восхитился Сибирцев. — Свет не видал таких артистов!

— Да будет тебе: «артист, артист». Я был в губкоме, они оркестр дают. На завтра, в три часа. Речь надо будет.

— Значит, все-таки по-своему сделал?

— Сделал так, как считаю нужным. И полезным. В целях пропаганды.

— Ну-ну, пропагандист... Вся надежда на мороз. Если будет такая холодина, как нынче, наверняка только наши и соберутся. Во всяком случае, любой посторонний будет замечен... Да... Хоронить — это мы потянем, еще как потянем. А дело делать — нет, не потянем...

— Ты чего? — насторожился Евстигнеев.

— Да так, ничего, своим мыслям.

5

Как нарочно, в первый день рождества морозы отпустили. Повалил крупный мокрый снег. Обшитый красным сукном гроб поставили на грузовик с опущенными бортами и медленно повезли по центральному улицам на городское кладбище. Хрипло разносились в сыром воздухе звуки траурного марша, застревала в снежных заносах машина, и тогда провожающие дружно толкали ее, наваливаясь все вместе. Народу собралось много, день праздничный, обыватель выбрался на улицу. Казалось странным, никого ведь, по сути, не удивишь похоронами в такое время, это стало делом привычным; сколько смертей повидал человек, сколько крови пролилось, и правой и виноватой, а вот услышал глуховатый рокот барабана, тонкие, нестройные вскрики труб и побежал смотреть, выяснять, кого хоронят, да почему с оркестром, видно, непрост был покойник, ох ты господи, упокой его душу, все там будем...

Сибирцев пришел прямо на кладбище за старым кафедральным собором. Отыскал свежую могилу, осмотрелся и встал в стороне, низко надвинув на глаза меховую шапку. Ему хотелось подойти поближе, в последний раз взглянуть в неузнаваемое лицо Павла, но он по-прежнему стоял в стороне, внимательно наблюдая за всем происходящим и отмечая про себя лица знакомые и посторонние, равнодушные и заинтересованные — почему заинтересованные? — вслушивался в обрывки разговоров. Потирая морщинистую шею и трубно откашливаясь, Евстигнеев произносил речь. Нет, все-таки он дурак, решил Сибирцев. Причем дурак самолюбивый. Зачем нужны все эти подробности? Жертва бандитов, героически перенесенные пытки и без конца имя-фамилия, имя-фамилия.

Когда под звуки «Интернационала» и троекратный залп все закончилось, Сибирцев еще некоторое время наблюдал за расходящимися. Его острый глаз не обнаружил ничего явно подозрительного. Но ведь и они, думал Сибирцев, тоже не лыком шиты. А то, что «они» здесь были, в этом можно не сомневаться. Тем и опасен зверь, что умеет приспосабливаться, умеет становиться незаметным, когда это требуется. Но зверь есть зверь, самим не надо быть дураками. Хорошо хоть, Сотникова удалось убедить не появляться на кладбище. Такого верзилу не спрячешь в толпе — сразу привлекает внимание, а внимание — как раз то, что должно быть полностью исключено в предстоящей операции.

К вечеру ударил настоящий рождественский мороз. Ангара окуталась тяжелым колючим туманом. Он мешался с паровозным дымом, тяжело оседал, давил и жег легкие, вызывая надрывный сухой кашель. Свечками уходили в небо дымы из печных труб, высоко в черном небе хороводили крупные звезды.

Все это вспоминал Сибирцев, сидя на нижней полке вагона и задымленного вагона поезда, сквозь ночь тащившегося из Иркутска в Верхнеудинск. Рядом, привалившись к забитому куском фанеры окну, дремал Сотников. Из всех щелей сквозило, сыпало снежной пудрой, по вагону тянули сквозняки, и Сибирцев с тоской думал о своем хозяине Семене Каллистратовиче, уговорившем его сменить привычные сапоги на теплые просторные бродни.

Перед отъездом Сибирцев зашел в гостиницу «Модерн», где жил заместитель председателя Иркутской Чека Борис Петрович Бровкин. Сибирцев почти не знал его, связан был с самим председателем. А о Бровкине слышал только, что прислан он из центра, человек дельный, толковый, немолодой уже, с большим опытом подпольной работы. Несколько раз встречались в губкоме, но как-то не познакомились, не было общих дел. Рассказывая Бровкину о чрезвычайном происшествии в Баргузинском уезде, выслушивая еще раз сообщение Сотникова, Сибирцев несколько раз ловил на себе показавшийся ему странным, какой-то очень заинтересованный, что ли, взгляд Бровкина. Впрочем, это могло относиться к работе. Видимо, заместитель председателя был в курсе еще недавней деятельности Сибирцева в колчаковском тылу. Бровкин сразу понял всю важность сообщения, обещал срочно разобраться и вообще всячески содействовать в подготовке и проведении будущей операции против банды. Иркутяне немедленно связались с чинтинцами, были подняты все сводки и документы, имеющие пусть даже косвенное отношение к отряду Мыльникова, донесения из Баргузина, дела об ограблениях приисков, в общем, все, что могло пролить хоть какой-нибудь свет на таинственного штабс-капитана Дыбу, который до сегодняшнего дня, как оказалось, нигде не значился.

Наконец, когда план операции против банды был в общих чертах составлен и утвержден, Сибирцев отправился к Бровкину за последними указаниями.

Суховатый и сдержанный, Борис Петрович встретил его на этот раз исключительно радушно. Немедленно заварил самый настоящий чай, придвинул на блюдечке несколько кусков сахара. Лицо его по-детски лукаво улыбалось, и как-то по-особенному весело искрились даже стеклышки очков. Сибирцев несколько растерялся от такого приема.

— Ладно, — не выдержал наконец и сам Бровкин, — не стану душу томить, вижу, как ты ерзаешь на стуле. Значит, так и не вспомнил? Хотя тебе-то зачем... Это я, дорогой мой, долженечно помнить. А может, все-таки вспомнишь? — Он захохотал. — Нет... Шестнадцатый год, под Барановичами... Попался агитатор. «Долой царя, долой войну!» Садист поручик, был там такой, все зубы выбил на допросе. Потом полевой суд — и к стенке. И тут юный прапорщик... А?..

Ну конечно, Сибирцев вспомнил.

Ночью пришел он в землянку, где ждал рассвета арестованный, отослал охрану, а потом вывел агитатора наружу и дал ему пинка под зад, чтоб больше не попадался. Вот уж поистине тесен мир... Сперва Сибирцеву самому грозил трибунал за самовольство, но тут немцы вжарили с такой силой, что все забылось в круговерти отступления.

Он пил душистый чай мелкими глотками, поглядывая на земляное, с темными мешками под глазами лицо Бровкина и размышлял о том, что его заставило тогда, в шестнадцатом, спасти пожилого агитатора. Обычная человеческая жалость? Нет, пожалуй. Презрение к поручику, известному своей изощренной жестокостью? Тоже нет. Мальчишеское удалство? Или понимание того, что публичная казнь произведет отвратительное впечатление на солдат, среди которых и так уже началось брожение? Черт его знает, видно, и к нему начало в ту пору подбираться ощущение какой-то несправедливости, творящейся вокруг, протеста, сперва и не очень осмысленного, стихийного. Тот протест, который привел его к эсерам, а позже к большевикам.

— Послушай, — сказал Бровкин, — ты не помнишь фамилии того поручика?

— Дыбов, кто ж его, подлеца, забудет, — спокойно ответил Сибирцев и вдруг замер. — Не может быть... Борис Петрович, неужто случаются такие совпадения?

— Внимательно читал протокол осмотра тела?

— А как же. Так ведь это ж его, дыбовский...

— Вот-вот, и я, как прочел, сразу того садиста вспомнил. По черк его. Да и разве забудешь? Все, чем мне он тогда грозил, все на вашем товарище выместил... Итак, что мы имеем? Имеем ниточку к Дыбе или Дыбову, как пожелаешь. Имеем, наконец, его портрет. Ведь до сегодняшнего дня его один старик Лешаков и видел. Да еще Павел ваш, но он уже ничего не расскажет. Ты его тоже помнишь: время, какие-то четыре года не должны его сильно изменить, узнаешь. А теперь давай уточним последние детали...

...Дребезжал и дергался вагон, поблескивала в тусклом свете оплывающего огарка свечи снежная пыль, нещадно дымили воющим самосадом и хрипло переругивались мужики — дикие, дремучие, заросшие, запуганные и обманутые, разбойные и отчаянные, только нащупывающие свою правду, мечтающие о ней и не шибко пока верящие в нее. Сибирь-матушка поднялась, всколыхнулась, сдвинулась, и в этой кутерьме легко было не то что затаиться, но развернуться во всю свою разбойную силу и Мыльникову, и Дыбе, и любому самочинному атаману.

Пораженный открывшимся сходством Дыбы и Дыбова, Сибирцев забыл или постеснялся поговорить с Бровкиным, вспомнить прошедшее, неловко как-то... А поговорить хотелось. По душам, откровенно, о будущем. Не век же сидеть в милиции, перевоспитывать Евстигнеева, есть дела поважнее: опять Семенов зашевелился, японцы того и гляди нарушат шаткое перемирие. Пока живы старые связи, их надо использовать. Нет, не кончилась война со смертью Колчака. Сибирцев отчетливо понимал это. А если война — нужны оружие, хлеб, одежда. Нужно золото, много золота. И тут нельзя оставлять без внимания ни одной крупницы, не говоря уже о пудах, оставленных в Баргузине полковником Мыльниковым.

Операция по изъятию этого золота была разработана Иркутской Чека совместно с читинцами. Сибирцеву, как исполнителю, оставалось лишь кое-что уточнить и, разумеется, при необходимости менять какие-то детали по ходу дела.

Суть сводилась к следующему. Под видом записи доброволь-

цев в Красную Армию и сбора брошенного оружия — и то и другое, кстати, все равно необходимо было сделать в ближайшее время — небольшая группа, не привлекающая к себе особого внимания, проникает в район, где действует банда Дыбы. Большой отряд вызвал бы подозрение. Два-три человека немедленно станут жертвой бандитов. Итак, не более десяти человек, среди которых Сотников — он знает Лешакова, и Сибирцев — он может узнать Дыбова, — выходят на золото и тайно вместе с собранным оружием вывозят его. Надежной охраной, сами того не подозревая, должны стать добровольцы. Однако о золоте знают лишь трое: Сотников, Сибирцев и руководитель группы, читинский товарищ, который должен встретить двоих иркутян в Верхнеудинске. Для остальных задача проста и конкретна: добровольцы и сбор оружия. Но это, как говорится, на бумаге, а все сложности, которые могут возникнуть, предстоит решать уже на месте фактическому руководителю Сибирцеву, при этом оставаясь в тени и ничем не выявляя себя. Попутно необходимо очертить район действий дыбовской банды, по возможности выйти на него самого и передать все данные читинцам. Дальнейшая ликвидация банды должна лечь уже на них.

...Издавека, словно из другого мира, долетал тонкий паровозный гудок. Сибирцев зябко поеживался, курил без конца, вспоминал, восстанавливал перед внутренним взором портрет поручика, а теперь штабс-капитана Дыбова и продумывал разные варианты их возможной встречи. Сон не шел. К утру должен быть Верхнеудинск.

6

Сотников долго тер заспанные глаза, словно не мог понять, как он тут оказался, разминал затекшие плечи, по-детски любопытно глядел на Сибирцева, удивляясь его постоянной собранности, спокойствию и четкости жестов и мыслей. Не знал он просто, что за этим стоит. Не догадывался — молод еще, — какие сомнения кроются за твердостью и решительностью Сибирцева. Втайне завидовал он этому человеку с ранней сединой на висках и жесткими складками на щеках и у подбородка. И ему совсем не казалось странным, что все молодые сотрудники милиции, и он сам в том числе, всегда старались по любому вопросу обращаться не к Евстигнееву, прямому начальнику, а к Сибирцеву, исполнявшему должность заместителя, хотя фактически все дела в милиции вершил именно он. Сибирцев умел внимательно слушать, не наказывал за промахи, а старался вместе с провинившимся разобраться в причинах неудачи, был немногословен, и его мнение было непререкаемым для всех. И то, что в столь сложную и, как понимал Сотников, опасную экспедицию был выбран именно он, Алексей, поднимало его в собственных глазах и служило хоть малой долей оправдания трагической гибели Павла Творогова. Увы, он и не думал сейчас, на какой риск шел Сибирцев, беря его с собой. Просто другого выхода не было: старик Лешаков знал Алексея и мог довериться только ему.

А сейчас они подхватили свои тощие вещмешки и, расталкивая сидящих в проходах мужиков, наступая на ноги и отмахиваясь от сонных злобных матерков, двинулись к выходу.

Едва они открыли дверь вагона, как на них буквально обрушилась толпа мешочников, прижала к поручням, готовая раздать, расплющить.

— А ну осади! — гаркнул Сибирцев. И, воспользовавшись секундным замешательством, Алексей врубился крутым своим плечом в наседающую толпу. Не обидел бог силой. Прорвались.

После душной вони прокуренного вагона можно было захлебнуться, такой пьянящей кристальной чистоты был воздух. Они вдыхали полной грудью и шалели, замечая, как их покачивает. Наконец мороз стал чувствительно прихватывать носы и кончики ушей. Холодноватое утро. По времени было давно утро, но на востоке, за сопками, только-только наметилась желтоватая полоска зари. Мимо сновали сгорбленные, навьюченные мешками тени, похожие не на людей, а на каких-то странных зверей из колдовских таежных сказок. Отовсюду неслись брань, крики, визги, милицейские свистки. Выпускал пар паровоз, тонко и морозно гудел.

— Ну что, — сказал Сибирцев, — пойдем, Алеша, своих искать. Помнишь, поди, где они размещаются?

— Помню, — отозвался Сотников и пошел, рассекая грудью мечущуюся толпу, осаждавшую прибывший поезд.

В маленькой комнатухе транспортной Чека их уже ждали.

Первым при их появлении поднялся со стула из глубины комнаты молодой и розовощекий — это было заметно даже при довольно тусклом свете керосиновой лампы — человек, одетый с явным щегольством. Новенький короткий полушубок, перетянутый скрипучими ремнями портупей, низко, почти у самых колен, маузер в лакированной деревянной кобуре на каждом шагу хлопывает по ярко-алым галифе и надраенным до блеска сапогам. Увидев его, Сибирцев так и замер с открытым ртом. Все он мог предполагать, ко всему был готов. Легкая, едва заметная усмешка мелькнула на губах встречающего и тут же погасла, только глаза чуть сощурились. Он шагнул навстречу Сибирцеву и протянул ладонь.

— Здравствуйте, товарищи, — голос был негромкий и чуть хрипловатый. — Рад встрече. Михеев.

— Сибирцев, — тоже негромко, с неимоверным трудом сдерживая себя, сказал Сибирцев и с отчаянной силой сжал ладонь Михеева. Михеев только улыбнулся: «Силен». Сибирцев посторожился и кивнул назад: — Сотников.

Дружелюбно улыбаясь, Михеев пожал руку Сотникова. Познакомились с остальными, присели на колченогие табуретки, и Сибирцев, чтобы скрыть волнение, полез в карман за табаком.

— Ну что ж, — после паузы сказал Михеев, — транспорт подан, можно трогаться. Жилин, отвезите товарища Сотникова в гостиницу, покормите, устройте отдохнуть и ждите нас там. А мы, — он кивнул на Сибирцева, — будем у вас, как закончим дела. В ночь тронемся. Ночь для нас, — он снова обернулся к Сибирцеву, — сестра родная.

Мужик довольно свирепого вида, с бородой, что росла, казалось, от самых глаз, скрипуче поднялся с табуретки и, махнув остальным рукой, потопал к выходу, за ним остальные. Ушел, сославшись на дела, и дежурный.

Они одновременно вскочили и через миг так сжали друг друга

в объятьях, что кости затрещали. Прижавшись к щеке Михеева, Сибирцев ощутил слабый запах одеколона. Вот же чертов Михеев! Гусар недорезанный!

— Володька, — срывающимся голосом смог наконец сказать Сибирцев, — что ж ты, вражья душа, молчал? Хоть бы слово... Убить тебя мало.

Михеев, обеими ладонями слегка отстранив голову Сибирцева, внимательно рассматривал его лицо, отмечая про себя и темные круги под глазами, и резкую морщину над переносицей, и глубокий, полный какой-то затаенной печали взгляд.

— Стареем потихоньку, — он снова слегка усмехнулся.

— Ну, ты-то как яблочко... Пусти, ну тебя к черту. Совсем, понимаешь, расстроил...

Михеев захохотал.

— Ну, Мишель! Расстроил, видите ли, его, сукина сына! Да я нарочно попросил ничего тебе не сообщать, думал, обрадую. А он — расстроился!

— Ты давно здесь? — Сибирцев, рассыпая табак, смог наконец скрутить сигарку, жадно закурил, поперхнулся, отплевываясь табачной крошкой.

— Как тебе сказать? В Чите недавно. Работаю в губкоме. Продразверстка и все такое прочее. Не соскучишься. Но чувствую, что это вроде как передышка. А ты? Хотя чего я спрашиваю? — засмеялся он. — О тебе я уже в курсе. Но, честное слово, Мишель, узнал, лишь когда встал вопрос о баргузинской операции. Ребята наши сказали. Я и уговорил их поручить это дело мне. Будешь теперь у меня под крылышком. Не боишься?

— Нет, все-таки ты вражья душа.

— Но почему?

— Потому что.

— Что-то неясно говорите, господин бывший прапорщик.

— А тебя что, в чине повысили, что ли?

— Какое повысили! Еле ноги унес. Ты уходил, если мне не изменяет память, в январе прошлого года...

— Изменяет. По воде шел. Апрель это был.

— Ну, значит, в апреле. А я недавно, в октябре. Последние месяцы — да ты должен помнить — совсем туго приходилось. Но кое-что все-таки сделали. Их высокое благородие Григорий Михайлович Семенов дорого бы дал, — Михеев легко хохотнул, — за те бумаженции. По слухам, правда, не проверенным, половину своей контрразведки в расход пустил. Бушевал. А япошки наши — это надо было видеть — улыбались так, что шире невозможно: уши мешали, а сами готовы себе харакири сделать. Крепко мы их прижали. Они-то уж и Приморье, и Забайкалье, и все вокруг поделили, и авансы нашему атаману выдали, а мы им — фигу. Обернутую в их собственные расписки. Ничего? Вот так. Ну ладно, при случае расскажу, это все прошлое. Что сейчас вспоминать. Давай-ка, Мишель, двинем ко мне, приведешь себя в порядок, побреешься...

Сибирцев машинально провел ладонью по подбородку: скрипит.

— А дело?

— Потом и делом займемся. Или, может, в баньку? Время есть, попариться. Ты там, в вагоне, случае никакого зверя не

подцепил? Смотри, дорога дальняя, сыпняк свалит, считай, так и зароем, без отпевания.

— Ну, ну, не пугай. И не подлизывайся. Все равно не прошу. Поехали. Ты вот моего Алешку на всякий случай в баню отправь. Мы-то с тобой, брат, двужилые, а ему чего рисковать? У него еще все впереди.

7

Тронулись в путь, едва свечерело. По Селенге вилась легкая поземка, сильно морозило, и над лошадиными мордами колебались облачка пара. В трех передних розвальнях разместились пятеро ребят из губкома комсомола, Сотников и двое кооператоров из бурят, местные. Эти последние были бойкими и тертыми мужиками, на них можно положиться. Завершали обоз сани, где ехали Михеев с Сибирцевым. Тут же, накрытый попоной и обложенный сеном, затаился ручной пулемет. Правил лошадей укутанный в просторную доху Жилин.

Сибирцев поначалу с сомнением отнесся к этому звероватому мужику. Но Михеев сказал, что Жилин — кремень. Прошел огни и воды, был в колчаковской контрразведке, допрашивал его не кто иной, как сам штабс-капитан Черепанов, кокаинист и лютый садист, чудом выжил и после, видал Михеев, не раз показал себя в деле.

Ехали, вслушиваясь в монотонный дробот копыт по стекленеющей дороге, скрип полозьев, шумное фыркание лошадей. За полночь, удалившись от реки, выбрались на тракт, и лошади побежали бойчей. Порой от недалеких лесистых сопок доносилась заунывная волчья тоска, тогда лошади беспокоились, дергали постромки. Жилин успокаивал их сердито-неразборчивым окриком.

Все было, по сути, готово еще утром, так что день ушел на отдых, баню, разговоры да отработку всяческих мелочей и случайностей, которые могли приключиться в дороге. Это Михеев настоял, чтоб выехали в ночь. Сейчас, убеждал он, пора самых рождественских морозов, никого палкой на улицу не выгонишь. И бандитам, если они не идиоты, а они наверняка не идиоты, и в голову не придет выходить из своего логова на большую дорогу, ловить проезжих. Народ в уездах пуганный. Днем еще куда ни шло — от села до села доберутся. Но ночью... Дураков и сумасшедших нет.

Однако ехали без лишнего шума, гуськом тянулись, друг за другом, согревая под теплыми полушубками на груди верные свои колоты и маузеры. От греха, чем черт не шутит.

Сибирцев смотрел на убегающую из-под полозьев дорогу. Далеко позади, в распадке между сопок, низко над горизонтом стояла яркая, неизвестная ему звезда. Переливалась, искрилась. И был свет ее мерцающим и печальным, напоминающим что-то забытое, может быть, чужие звезды Маньчжурии, а может, еще более давнее, довоенное, студенческое. Ту единственную, с отчаянными цыганскими глазами и нежную, словно полевой выюнок повилика. Как теперь далеко все это... Лучше не думать, не помнить.

Захрахтел переворачиваясь с боку на бок, Михеев, плотнее привалился к спине Сибирцева.

— Так что было после Яши? — негромко спросил Сибирцев.

Яшу Сивачева взяли неожиданно. Где-то был промах. И Михеев и Сибирцев знали твердо: одно сказанное слово — и крышка всем. Несчетные дни и ночи жили как на вулкане, готовые к аресту, пыткам, жестокой смерти. Сибирцеву была хорошо известна семеновская контрразведка: бывшие сыщики и жандармы, озлобленные авантюристы, развратники, изощренные насильники — грязные отбросы развалившейся царской охранки, не моргнув глазом отсылавшие людей на виселицу ради любой денежной или иной награды. Мертвый мог бы заговорить в их руках. А Яша молчал. Потом Сибирцев присутствовал при его расстреле. Он должен был присутствовать: у него не было другого выхода.

Нет, внешне Сибирцев не изменился, может быть, жестче обогналась тогда морщина на лбу, над переносицей. Да вот и все. А позже пришел и ему приказ: немедленно уходить. Михеев выстроил удобную версию, совпавшую с затянувшимися апрельскими боями под Читой, и Сибирцев ушел. А Михеев остался...

Что было после Яши?..

В мае двадцатого РСФСР признала верхнеудинское правительство, и встал вопрос об объединении всего Дальневосточного края. Среди японцев это сообщение вызвало переполох. Единственный расчет оставался на Семенова, на его забайкальские владения, на то, что будущее единое правительство Дальнего Востока оставит Семенова хотя бы атаманом казачьих войск Забайкалья. В противном случае Япония снимает с себя всякую ответственность за прекращение гражданской войны. Одновременно японский генерал Оой отдал приказ готовить немедленное наступление на Амурскую область, на Хабаровск. И в этот самый момент во Владивостоке было опубликовано воззвание, где полностью и со всеми подробностями излагались планы японского командования. Взрыв бомбы произвел бы меньший эффект. Представители дипломатических консульств взяли японцев, что называется, за горло, требуя объяснений по поводу их территориальных притязаний. Начальник японской дипломатической миссии при штабе экспедиционных войск граф Мацудайра вынужден был официально заверить союзников, что Япония никаких захватов делать не собирается. Была перехвачена телеграмма генерала Ооя: «Все наши планы становятся известными. Коммунисты имеют о наших планах документы... По приказу военминистра в Хабаровск подкреплений послано не будет...»

Теперь уходил и Михеев. Уходил, жалея, что мало сделал. Уходил так, чтобы можно было вернуться, потому что он был уверен: его уход — это передышка...

Перед восходом солнца показалось село Петровское, небольшое, с десяток захудалых изб, сбежавшихся к лесной опушке. Вековые мохнатые кедры сгибались под тяжестью голубых снежных папах. Вились редкие дымки над крышами, где-то в глубине дворов, за низкими оградами брехала собака.

Здесь намечалась первая дневка. И отсюда «таежный телеграф», по всей вероятности, должен был разнести по округе, что едут губкомщики, ищут брошенное оружие, собирают молодежь и произносят зажигательные речи, призывая служить в Красной Армии. Слух побежит впереди, от села к селу, от займки к займке, дойдет и до штабс-капитана Дыбы. И тот, зная, что губ-

комщики хорошо вооружены, но пока особой опасности не представляют, пожалуй, не решится напасть. Будет выжидать и присматриваться. Лазутчиков подбросит, это уж как пить дать. Этих надо выявлять, но упаси боже пальцем тронуть. Днем по трое будут разъезжаться по ближним селам, а к вечеру общий сбор — и дальше к Баргузину. Главная работа там. Все же основное хоть и необходимое, — для отвода глаз. И знают об этом только трое, для остальных — привычное дело.

На краю села жил одинокий дед Игнат. К нему с молчаливого согласия Михеева и поворотил сани Жилин. Изба низкая, темная, конопаченная седым мхом, половину ее занимала печь. У квадратного окна с крестообразной рамой — простой струганный стол и широкая лавка вдоль стены. Вот, пожалуй, и все убранство. Так живут старые бабыли, скромно, ничего лишнего. Но дух! Переступив высокий порожек, Сибирцев словно окунулся в полдневную жару только что скошенного июньского луга. Пучки трав были развешаны по всем стенам. Это они источали нежный, чуть дурмящий аромат.

Разделись, в одних шерстяных носках прошли по темному мытому полу, расселись на лавке. Сам дед, похожий на замшелую корягу, хлопотал у печки, грея заслонкой. Жилин был, видимо, знаком с ним, потому что чувствовал себя свободно. Разоблачившись до нательной рубахи, он лишился было своей звероватости, кабы не эта разбойничья борода. Михеев еще в пути заметил Сибирцеву, что под этой бородой Жилин прячет страшные шрамы, оставшиеся после бесед со штабс-капитаном Черепановым. Приглядываясь к Жилину, Сибирцев начинал испытывать к нему теплое чувство приязни.

Михеев вышел во двор проверить, как разместились хлопцы, позаботился об охране и вернулся с Сотниковым. После морозной бессонной ночи, долгой дороги тот держался молодцом.

Дед Игнат вынул из-за печки бутылку прозрачного самогона, выпил по стопке с Жилиным, остальные отказались. Просто закусили жестковатым темным мясом, похрустели луковицей. Сибирцев, спросив разрешения у деда, затянулся самокруткой, но закашлялся и погасил ее. Наконец, побросав на пол полушубки, они растянулись, широко зевая и испытывая при этом невыразимое блаженство.

Спали недолго. Открыв глаза, Сибирцев увидел в окошке яркое солнце. Бубнили о чем-то старик с Жилиным, сидящие у стола. Негромкий монотонный разговор сперва не привлек внимания Сибирцева, потом стали различаться отдельные слова, и он прислушался. Сообразил, что речь шла о банде. В начале зимы налетела она на Гремячинскую, перестреляла активистов. Надругались, а после покидали в прорубь привезенных с собой молоденьких девушек — не то учительниц, не то еще кого, перепороли на площади баб, взятых по какому-то списку, и ускакали. А командовал ими, говорили, такой чернявый, с усами. Красивый собой. Вроде бы из колчаковских — в английском сукне и с плеткой.

— Это он, сказывали, придумал, чтоб пороть, значит, не мужиков, а баб ихних. Мужика, мол, выдрать — что толку? Портки надел, да и забыл. А вот бабу его — другое дело. Особо когда на людях да с шутками-прибаутками... Это дело, — неторопливо рассказывал старик, — мужик век помнить будет.

И страх иметь. А ему страх нужен, чернявому-то тому. Нынче ить мужик страх позабывать стал... Есть, однако, которые и того чернявого приголубить согласны. Тут-то, в Петровском, таких, пожалуй, не сыщешь, а там, подале, есть, есть... Да и как ноне не бояться?..

Услышав короткий вздох, Сибирцев повернул голову и встретился глазами с Михеевым. Видно, и он уже проснулся и слушал дедов рассказ. Сибирцев медленно, словно во сне, перевалился на бок и услышал легкий шепот Михеева:

— Молодец Жилин. Растрясет он нам старика. Мы-то ему чужое начальство, кабы после худо не пришлось. А Жилин тут свой.

Между тем беседа текла. Заговорили о недавних убийствах на Баргузине. Дед вспоминал села, где орудовал тот чернявый, избы палил, обижал старателей.

В общем, картина понемногу прояснялась.

Громко зевнул Михеев, прервав тягучий говор, сел и стал тереть заспанные глаза, растолкал Сибирцева и Сотникова. Дед снова завозился у печки, вытаскивая чугунок с пареным, принес из сеней миску мелких грибов, засоленных в смородинном листе и каких-то неизвестных пахучих травах, налил всем по стопке. После сна, мол, большая польза. На этот раз не отказались, составили компанию, пошутили маленько, нахваливая дедову закуску.

Дед вскоре ушел на двор по своим делам, и Михеев сразу стал серьезным. Жилин помалкивал, вылавливая ложкой хрустящий гриб из миски, слушал разговор. Чувствовалось, что и он что-то знает, но пока обдумывает. Переглянувшись с Михеевым, Сибирцев достал потертую карту уезда, заговорил о цели поездки, о золоте Мыльниково, о Лешакове и следил при этом за выражением глаз Жилина. Но тот оставался спокойным и даже более — равнодушным. Но когда решили, что нынче же в ночь Сибирцев с Сотниковым отправятся таежной дорогой на лешаковскую Медвежью заимку, Жилин вдруг заворочался на лавке, откашлялся и заговорил сипловатым, словно извиняющимся тоном:

— Про золото я слышал. Мужики поговаривают, что было вроде. А кто и сомневается. Может, и не было. Старателей пограбили. Ежли старательское то золото — оно небольшое. Совсем небольшое... А может, и есть...

— Есть золото, и немалое, — возразил Сотников.

— Ну, есть так есть, — вздохнул Жилин. — Однако вам тут без меня никак нельзя. В тайге дорогу надо носом чутя... Кабы по тракту — другой разговор. Да, вишь, нельзя по тракту.

— Что-то дед задерживается, — вскользь отметил Михеев.

— А это он пошел поглядеть, — отозвался Жилин, — не побег ли кто в тайгу.

Михеев одобрительно подмигнул Сибирцеву.

— Верный дед-то? — вмешался Сотников.

— Да уж куда верней, — буркнул Жилин.

— Ну ладно, — Сибирцев встал и потянулся так, что захрустели суставы, — будем кончать беседу. Пулемет нам лишний. Много места занимает, да и потише надо ехать. Винтовки есть, гранаты. От немногих отобьемся, а если сотня навалится, так

и пулемет не поможет. Вопрос последний: как повезем золото? Под сеном?

Жилин словно ждал этого вопроса. Он снова, как бы виновато, что вмешивается в разговор, кашлянул, прикрыв рот ладонью. Михеев взглянул на него вопросительно.

— Ежли... Это... Игнат говорил, тут по деревням кой-где снаряды остались. В ящиках. Снаряды те мужики побросали, а ящики в хозяйство, значит, приспособили. Так ежли те ящики... А сверху нераспечатанными прикрыть. Вези себе, вроде как оружие. Снаряд, он без пушки кому нужен? И охрана при нем, вишь ты, без подозрений. И тяжесть подходящая. Тут вес много значит.

«А что? — веселея, подумал Сибирцев. — Молодец Жилин. Дельная мысль. Ай да мужик! Сразу видно — бывалый солдат».

Михеев откровенно улыбался:

— Ну удружил! Быть тебе, Жилин, наркомом. Голова!.. А я, честно говоря, и сам уж подумывал направить тебя с ними. Договорились, поедешь. Только смотри, как друга прошу, вся надежда на тебя.

Жилин даже засопел, опустив голову. Потом боком, по-медвежьи, вылез из-за стола, оделся, проворчав:

— Лошадей пойти покормить...

И вышел.

— Ну, как тебе мой Жилин? — с восхищением глядя ему вслед, сказал Михеев. — Мы тут головы ломаем, а он — раз-два — и в дамки.

— Ты чего, Алексей, вроде как недоволен? — поинтересовался Сибирцев, глядя в хмурое лицо Сотникова.

— Да нет, — неохотно отозвался тот. — Я о другом.

— Давай выкладывай, — сказал Михеев. — Все сомнения сейчас. Потом поздно будет.

— Я вот что думаю, — медленно заговорил Сотников. — Двадцать пудов — не шутка. Там у него, у Лешака, и монеты, и песок, и другие ценности. Сам говорил. Двоих-то саней хватит ли? И опять же нас только трое. Всем бы поехать... Да и ящики эти, где их искать?..

Михеев прошелся к печке и обратно, чуть сощурившись, посмотрел на Сотникова.

— Ящики сейчас главное. Но уж это забота Жилина. Пошарит по селам вдоль тракта и найдет. Здесь много добра побросали, когда удрали в Читу... А вот ехать всем вместе нельзя. Любой дурак засечет наш обоз, а там уж и «таежный телеграф» сработает... Я верю, что в тебе сейчас говорит обычная осторожность. Просто осторожность. — Сотников вскинул голову, и щеки его вспыхнули, но Михеев движением руки остановил его. — Потому повторяю, что нельзя никак всем ехать. Я даю вам Жилина, а он старый таежный волк. Его не обманешь... Ну а вас мы встретим, как договорились, вот здесь, — он ткнул пальцем в карту, — у Трифионовой падн. Так что и ехать-то вам одним от силы полста верст. Тут важнее, чтоб у твоего Лешакова все было тихо. Думаю, что с помощью нашего деда и Жилина мы уже к вечеру будем знать, в каком районе банда. Если она сейчас близко от Медвежьей заимки, все, естественно, отменяется.

Будем оттягивать банду за собой, к Баргузину... А насчет транспорта не беспокойся, кони хорошие, вытянут, сам отбирал. Кормите только получше — овса дадим.

Сибирцев достал клочок газеты, огрызок карандаша и, низко склонившись над столом, производил какие-то расчеты. Выпрямился, вздохнул и сунул расчеты в карман.

Солнце ушло из окна, и в избе сразу стало темно, накапливалась тишина, и в ней уютно заверещал сверчок. Вернулись дед Игнат с Жилиным, долго обивали снег у порога, стучали чем-то деревянным, словно натягивали обручи на пустую бочку. Зашли в избу.

— Порядок, — сказал Жилин, сбрасывая доху. — В деревне тихо. Все по избам печки топят.. Про «хозяина таежного» тоже близкого слуху нет. Вот, — через паузу добавил он. — Нашли кое-что. С пяток ящиков-то есть, но без снарядов, пустые. Я так полагаю, — обратился он к Михееву, — не нынче бы ехать нам, Владим Васильич, а завтра. Еще по округе поискать, людей послушать. И чтоб тогда уж без остановки. Проскоком. С первыми звездами. А им бы, — он кивнул на Сибирцева с Сотниковым, — на двор не показываться. Кто тут народ считал, сколько прибыли, куда убыли?

— Наверно, ты прав, — подумав, согласился Михеев. — А ты что скажешь? — Он повернулся к Сибирцеву.

— Думаю, Жилин говорит верно. Нам, брат, нет никакого резона петлять по селам в поисках снарядов. Одних ящиков мало. Нужны снаряды. Есть и у меня одна мысль. Скажите, Жилин, можно найти снаряды от трехдюймовки? Их нужно не больше двух десятков.

Жилин помолчал и вдруг усмехнулся:

— Надо, так сыщем.

Михеев даже привскочил, с маху хлопнул Сибирцева по спине:

— Умница!

— Тогда будем ждать, — Сибирцев встал, спросил у старика: — Как, дед, не стесним?

— Да живите, — словно бы отмахнулся он. — Шуму бы помене, и курить в сени ступайте. У меня завсегда травный дух.

Сибирцев виновато спрятал вытасненный было кисет. Михеев хитро подмигнул ему: так, мол, приучайся к порядку. Сам Михеев не курил.

8

Поздней ночью, подойдя к темному оконцу лешаковской заимки, Сотников осторожно постучал по ставне. Стукнул еще раз. За стеклом затеплился огонек. Послышались тяжелые шаги, и хриплый со сна голос спросил из-за двери:

— Кого это носит?

— Я, дед, — отозвался Сотников.

Загремела щеколда, забренчали какие-то засовы, и дверь отворилась. В тулупе, накинутом на исподнее, держа над головой керосиновую лампу, в проеме двери встал дед Лешаков.

— Это ты, Олеха, — утвердительно произнес он, словно дав-

но ждал гостя и ничуть не удивился его приходу. — Проходи. Ай не один?

— У тебя спокойно? — вопросом на вопрос ответил Сотников.

— А какая меня лихоманка тронет? — Лешаков зевнул и широко перекрестил рот. — В округе-то тихо. Гостей нет... Ну, пришел, так зови своих. — Он отстранил лампу и пристально поглядел в темноту. — А коней-то вон туды заводите, в сараюшку, помнишь, поди, под сеновалом, да.

Помнил Алексей. Прятался на сеновале в ожидании Лешакова и Творогова. Ох как помнил...

— Ну давай, — махнул рукой Лешаков, — да в избу ступайте.

Он ушел, оставив открытой дверь, в сени. Когда, отряхиваясь и поеживаясь от холода, ночные гости вошли в избу, возле печи с выведенной в дымоход трубой уже закипал пузатый медный самовар.

— С мороза-то чего бы покрепче, — ворчливо, будто про себя, заметил Жилин.

— С мороза — дак чай горячий, на травах-корешках, — тоже самому себе сказал Лешаков.

Был он действительно похож на лесного зверя. Огромный, кряжистый, с нечесаной, до пупа, бородищей и спутанной гривой седых волос. Двигался крупно, широко. Гулко кашлял, зевал и постоянно крестил рот. Гости — сами люди не хлипкие — чувствовали себя рядом с ним в тесной избе не очень уютно.

Когда с долгим молчаливым чаепитием было покончено, Лешаков придвинул к себе лампу и взглянул на Сибирцева острыми, чуть прищуренными глазами.

— Олеха — человек мне знакомый, — строго заговорил он. — Да время нынче такое, что и к родному брату доверие качнулось. Да... ты, — он снова посмотрел на Сибирцева, — вижу, начальником ихним будешь. И при пистолете, — он кивнул на маузер, свисавший на ремне почти до полу. — Документ какой есть при себе ай нет?

— Есть, отчего же, — Сибирцев пожал плечами и вынул из внутреннего кармана сложенный вчетверо мандат, развернул, протянул через стол старику.

Тот принял бумагу, долго, шевеля губами и близко поднося ее к ламповому стеклу, читал, шептал про себя. Наконец положил мандат на стол и накрыл его широкой корявой ладонью.

— Ясное дело. Вот и я говорю, время нынче такое. Хошь не хошь, а человека проверяй, особливо ночного-то гостя, да... Стало быть, рассказал вам Олеха. Пооди, не чаевничать приехали.

Сибирцев молча кивнул. Жилин привалился к стенке и сонно закрыл глаза, но чувствовалось, что он весь внимание.

— Золотишко-то и прочее у меня тут, — продолжал старик. — Только вот вопрос, повезете-то как? Ты, начальник, должен понимать, что ежели вас накроют, всем будет одна дорога — мать сыра земля. И вам и мне, стало быть, да... Дак вот интерес имею.

Сибирцев изложил свой план.

Вывозить золото и драгоценности решили в пустых снаряженных гильзах, распределяя по каждой примерно по двадцати ки-

лограммов. Оставшуюся пустоту забивать пыжами и зачеканивать снаряд. Поди разберись, истинный снаряд в ящике или фальшивый... Недаром делал расчеты Сибирцев, а после вместе с Михеевым полдня провели они в заброшенной Игнатовой бане, распатронивая собранные Жилиным снаряды, вывинчивая взрыватели и освобождая гильзы от пороха.

Старик слушал, посверкивал глазами, почесывал бороду.

— Хитро придумали, — наконец высказал он свое отношение. — Кто придумал-то, а?

— Думали вот, да и придумали, — Сибирцев уклонился от прямого ответа.

— Ага, — подтвердил старик, — что ж, стало быть, задерживаться вам тут нет никакой надобности... Ты, мил друг, слышь-ка? — он тронул Жилина за плечо, и тот открыл глаза. — Ступай к развилке да гляди шибче. Не ровен час, хоть и давненько не залетывал сюда «таежный-то хозяин»... В случае чего к сараюшке беги. А вы с Олехой собирайтесь, со мной пойдете. Золотишко недалече. Дак и то двух десятков пудов не наберется.

Старик поднялся с лавки, покряхтел малость, разминая руки и ноги, и принялся одеваться. Потом он гремел в сених, отыскивая заступ и тяжелый лом. Вошел в избу.

— Ну, с богом. Лампу-то с собой возьмите.

В сарае старик основательно закрепил лампу на гвозде, вбитом в стенку, раскидал слежавшееся сено в углу, очертил квадрат на прибитой земле и передал заступ Сотникову.

— Давай, Олеха, тут не шибко глубоко. Штыков на пять, не боле.

Копали по очереди. Торопились успеть до рассвета. Сибирцев взмок, скинул полушубок и безостановочно бил твердую землю ломом. Когда углубились на полтора штыка, пошло полегче. Старик время от времени выходил из сарая, вслушивался в темноту. Возвращался, сняв с гвоздя лампу, светил в яму. Наконец сказал Алексею:

— Теперь уж близко. Как дойдешь до доски, с осторожкой бери. Да землю-то не разбрасывай, обратно закапывать будем.

Лезвие заступа звякнуло. Старик тут же посунулся в яму, велел Сотникову вылезать.

— Давай, — сказал, — свои ящики. Сейчас вынуть станем.

Он вытащил из ямы три толстых широких доски, уложил их впритык друг к другу на земляном полу и начал подавать Сибирцеву, склонившемуся над ямой, тяжелые кисеты из сыромятной кожи, каждый весом примерно килограммов по пяти. Это, сказал, песок и самородки. Потом пошли такие же тяжелые кожаные мешки, туго стянутые у горла жесткими ремнями. Здесь были импералы и полумпералы старой, еще николаевской чеканки, золотые полосы, кружки, платина. И наконец, старик, обеими руками прижимая к груди, поставил на край ямы один за другим два мешка. Выбрался сам. Разостлав на земляном полу попону, он развязал мешок и осторожно стал высыпать на нее никогда прежде не виданные, разве что на старых картинах, предметы церковной утвари — панагии на тяжелых золотых цепях, наперсные кресты с тускло светящими-

ся при свете керосиновой лампы неизвестными, но явно дорогими камнями, браслеты, перстни, ожерелья, нитки жемчуга.

От изумления у Сотникова округлились глаза.

— Вот это клад... — прошептал он.

— Одно такое кольцо, — Сибирцев взял из кучи добра и поднес к свету массивное, вспыхнувшее радужными огнями ожерелье, — стоило сорок деревень. Да... Ну что ж, — он вздохнул, зачерпнул горстью несколько предметов, словно прикидывая их на вес, — начнем паковать.

Жемчужная нить медленным ручейком потекла меж его пальцев.

— Доставай, Алеша, снаряды...

В гильзу забивали пыж — тряпки, сено, — потом ссыпали золотые вещи, прижимали кисетами и снова закладывали пыжом, чтоб сохранить центровку снаряда. И уж после Сибирцев вставлял головку снаряда и зачеканивал края гильзы. Кто его знает, может, кому-нибудь придет в голову проверить, что в снарядных ящиках. Пусть проверяет: внешне-то обман, пожалуй, и не обнаружишь. Снаряд и снаряд. И по весу и по центровке. А что взрыватель вывернут, так кому он нужен в пути, взрыватель-то?..

Заполнили ящики. В каждом вышло килограммов по восемьдесят. Нормальные ящики. Уложили их в розвальни: один — в тот, где поедут Сибирцев с Жилиным, и три — к Сотникову. Чтоб вес был поровну. Розвальни на железном подрезе, хорошие розвальни. И кони кормленные, овса расстарался добыть Михеев. На таких конях спокойно верст по сорок можно делать. Ну а при нужде да по тракту шестьдесят пять — семьдесят. Правда, при особой нужде, когда уж и выхода не будет, и все, по сути, едино: живы останутся кони или запалишь их.

Быстро перебросали в яму полполеницы дров, пустые мешки, перекидали землю, подчистили и крепко утоптали пол. Прикрыли лежалым сеном. Утром старик обещал сам все привести в окончательный порядок.

Лешаков был хмур. Велел сразу уезжать и ехать быстро, а на дневку остановиться в Лиховой сторожке. Она в стороне от дороги, никто там и не бывает, и до темноты можно переждать. Езды туда полтора десятка верст. Он подробно рассказал, как добираться, где укрыть коней и сани, как след замести.

— Чую, — сказал он, пожимая руки Сибирцеву и Сотникову, — беда на этом золоте. Ох, беда... Ну да все под ним ходим. Чему быть, того, стало быть, не миновать. Прощайте, значит. Ох, беда, беда...

У развилки подхватили замерзшего до зубовного стука Жилина и свернули не к Трифоновой пади — там Михеев будет лишь следующей ночью, — а к Лиховой сторожке, чтобы уж потом окольными путями двигаться на встречу со своими.

Не знал Сибирцев, не имел сведений и Михеев, что поутру к Медвежьей займке с малым количеством людей пожаловал сам «таежный хозяин». Странное предчувствие деда спасло их на этот раз.

Лешаков, прибиравшийся в сарае, услышал дробот копыт и выглянул за дверь. Во двор на рыжем пританцовывающем жеребце въезжал его благородие, именовавший себя с недавних пор «хозяином».

«Добрый коняка», — мысленно определил Лешаков, стара-

ясь сохранить спокойствие. А душа приготовилась к худшему. Вслед за «хозяином», словно влитым в седло, стройным, туго перетянутым в талии желтым ремнем, тоже верхами втягивались во двор его люди, одетые кто во что горазд.

— Эй, старик! — звонко и картаво, отчего слышалось «ста'гик», крикнул его благородие. — Вст'гечай гостей!

Лешаков вышел наружу и стоял, разглядывая лесных бандитов и поглаживая дикую свою бороду.

«Хозяин» легко прыгнул на утоптаный снег, потрепал жеребца по холке, приказал, не оборачиваясь к остальным, накрыть его попоной, и, поигрывая витой плетью у голенища сапога, с ухмылкой пошел навстречу старику.

— Ну ста'гый колдун, что это ты ни свет, ни за'гя в са'гае возишься? А? Золотишко щупаешь? Все хит'гишь, ста'гик, да я похит'гее буду... Эй! — он обернулся к своим. — Гляньте, что у него там!.. Ну, колдун, п'гиглашай в дом! Ставь самогонку, угощай до'гогого гостя.

«Проскочили или нет? — металась мысль. — Должно, проскочили, успели... А то дак иной разговор был бы...»

Прибывший по-хозяйски оглядел избу, пристройки, мельком взглянул на следы санных полозьев, избородивших двор.

— Кто был? — неожиданно резко крикнул он.

— Да кто был, — Лешаков равнодушно пожал плечами. — Ездют разные. Чай, дорога никому не заказана... Кум был...

— Что ж это, твой кум о двух санях нынче ездит? Не к'гути, колдун, а то бо'году запалю, ты меня знаешь!

— Воля ваша. Были с ним шиловские мужики, ехали шибко. Боятся, поди, вашего-то благородия. — От сердца маленько отлегло.

— Нет тут ничего! — крикнули из сарая.

— Ну-ну... Сково'годников! Погляди, куда след ведет.

Один из верховых умчался назад, к дороге.

Вошли в избу. «Хозяин» неторопливо разделся, бросил на лавку щегольской свой полушубок, мохнатую волчью шапку и сел, широко расставив ноги. Был он тонок в талии, ловко сидел на нем френч английского покроя.

— Ну, ставь самава'г, подавай закуску и все остальное. Гово'гить с тобой буду. И учти, в последний г'аз, — сказал без угрозы, спокойно, скусывая и сплевывая на пол льдинки, намерзшие на пышных черных усах.

Старик не спеша стал раздувать самовар, поджигая тонкие лучинки, приладил трубу и начал собирать на стол. Громко топоча, вернулся Сквородников, склонился и сказал вполголоса:

— Следы только до дороги, а там пропали. Много езжено, ваше благородие.

— Ладно, — отмахнулся «хозяин» — Эй, колдун, дай моим молодцам самогонки.

Старик принес бутыль самогонки, шматок сала, передал Сквородникову, и тот ушел, хлопнув дверью.

— Садись сюда и отвечай как на духу. Было золото?

— Да как мне ж где знать? — удивился Лешаков. — Может, и было... Сам-то мне не сказывал. По болезни бормотал всякое, нешто упомнишь... Я уж тебе, ваше благородие господин Дыба,

сказывал о том. Может, и было. Дак ведь увез он его, поди. Обоз-то помнишь какой шел? По весне-то. При пулеметах.

— А если я п'гикажу сейчас обыскать всю твою усадьбу? А? И найду... Знаешь, что я потом с тобой делать буду?

— Оно, конечно, воля ваша. Только чист я. Нет у меня ничего. Вот, — он широко осенил себя крестом, — перед самым господом богом клятву даю. Ничего нет... И знать не знаю. Да ты сам подумай, ваше благородие, к чему мне золотишко-то? Я тайгой живу, зверем али птицей какой. Отродясь инго греха на душу не брал. А так-то воля ваша...

— Конечно, моя воля, — кивнул Дыба, встал, сделал два медленных шага, резко повернулся к Лешакову и пронзительно закричал: — А воля моя будет такова, п'гоклятый колдун! Сейчас я позову Сково'годникова, ты его знаешь, он спустит с тебя шку'гу! Полосками, лоскутами! И со'лью, со'лью! И голой задницей на самова'г, чтобы тебя насквозь огнем п'готянуло! А? Хочешь?!

Лешаков не вздрогнул, не испугался, только поднял на Дыбу свои дремучие, жарко плеснувшие глаза и медленно ответил:

— Бог — он видит. Все под ним.

— Сково'годников! — срывая голос, завопил Дыба, распахнув дверь. — Ко мне! Все сюда!

Дикой ордой ворвались бандиты, вмиг заполнили избу.

— Взять! — бешено вращая белками, орал Дыба.

Но тут Лешаков выпрямился во весь свой могучий рост, и бандиты замешкались.

— Взять!

— Господи, — старик медленно и торжественно поднял глаза к низкому потолку и снова перекрестился. — Предаю себя воле твоей... Берите, — и вытянул руки.

Его схватили, заломили руки за спину, согнули и повалили ничком на лавку, мигом заголив на спине рубаху.

— Отставить! — приказал Дыба.

Отпустили. Посадили, рванув за волосы.

— Идите вон, — Дыба махнул рукой. — Ну что, ст'гашно? — поинтересовался с усмешкой. — Мои молодцы все умеют. Им не бог, а я все п'гощаю. Помни об этом... Хотел я подпалить тебя, да бог твой милостив. Молись ему, спас он тебя сегодня. Молись да вспоминай, к'гепко вспоминай. Даю последнюю неделю: не вспомнишь — пеняй на себя и на бога не надейся... Все, что обещал, сделаю, и даже больше. Молить будешь, чтоб твой бог тебе легкую сме'гть послал, а он не пошлет, нет, пока я сам того не пожелаю. Понял?.. Ну, подавай на стол, обедать буду.

Он ел молча и жадно. Много пил, почти не хмелея, только багровела шея и проступали белые пятна на щеках и на лбу. Отвалившись от стола, нетвердо ступая, подошел к окну, выглянул наружу. Во дворе развели большой костер и на двух рогатинах жарили ободранную баранью тушу, отрезая дымящиеся куски. Дыба долго наблюдал за своими молодцами, курил, сплевывая на пол табачную крошку. Докурив, погасил окурочок о подоконник и совершенно трезво посмотрел на Лешакова, мрачно сидевшего в углу, под образами.

— А скажи-ка мне, колдун, куда ты ездил на днях? Почему тебя не было, когда я не велел отлучаться? А?

— К свояку ездил, Гараське. Рождество Христово встрет. Заутреню отстоял, можешь проверить. Ты как хошь, да только я от своей веры не отрекался. И Гараська православный, хоть и полукровка он. Вместе и были.

— Где ж этот свояк живет?

— А в Верхнеудинске. Я туды завсегда на рождество езжу. Каждый год.

— И чего это тебя в такую даль понесло? Не понимаю.

— Закон у меня такой, ваше благородие, уж и не ведаю, поймешь ли, нет ли...

— А зачем ты в Шилове ве'гтелся? В тот день, когда у меня чекиста моего похитили? Мне все известно.

— Дак сам посуди, ваше благородие, кроме как по тракту и не проедешь. По тайге-то твои гуляют, на сосне вздернут и греха не имут. А по тракту, иначе чем через Шилово, и дороги другой нету.

— Ох, колдун, гляди у меня... Ладно, даю неделю, а после уж точно, пеняй на себя.

Он стал одеваться, затянулся ремнем, нахлобучил низко на лоб шапку и вышел, не затворив двери.

— По коням! — закричал. Легко вскочил на подведенного к крыльцу жеребца, огрел его плеткой и вылетел за ворота.

Старик Лешаков поглядел вслед, запер дверь на щеколду и тяжело опустился на лавку, обхватив нечесаную голову жесткими, узловатыми пальцами.

10

Короткий день пересидели в сторожке. Меж двух крупных валунов на земляном полу Жилин развел небольшой костерок, почти бездымный, потому что топилося по-черному, в котелке со снегом натаили воды и напоили коней, запрятанных в густой чащобе и накрытых попонами, засыпали им в торбы овса. Ближе к вечеру поднялся ветер, взметая крутые снежные буранчики: затевалась метель. Она была на руку.

Когда совсем уж стемнело, вывели коней к дороге, осмотрелись, прислушались, ничего, кроме ветра, шумевшего в верхушках старых кедров, не обнаружили и тронулись в путь. Во вторых санях ехал Сотников.

Жилин действительно каким-то нюхом чувствовал дорогу. К удивлению Сибирцева, он не торопил коней, ехал спокойно. Но, видимо, уловив недоумение своих ездоков, обернулся и сказал Сибирцеву:

— Раньше-то времени нам ни к чему. Поспеем в самый раз... Коней-то беречь надо. Всяко может случиться.

В каком-то часу, на какой-то неизвестной Сибирцеву версте Жилин съехал в узкую просеку, остановил коня, выбрался из саней и, сказав, что скоро вернется, пошел назад по дороге. Сибирцев ждал, пристально вглядываясь в темноту, начал беспокоиться и вдруг услышал голоса, фыркание лошадей и визг по-

лозьев. Рука невольно потянулась к маузеру, хотя тут же пришла мысль, что никакой маузер не поможет. Только тишина. Сжался в своих санях и Алексей.

Голоса приближались. Наконец раздалось негромкое:

— Эгей! Свои!

Михеев! Черт побери, Михеев...

Теперь они снова ехали вместе, завершая обоз. Сибирцев негромко рассказывал о проведенной операции. Михеев слушал, помалкивал. Потом сказал:

— Ты знаешь, Мишель, а ведь этот твой Дыба где-то рядом обретается. Я как узнал сегодня, не поверишь, места себе не находил. Ведь как проверяли! Ни слуху ни духу! И вдруг на тебе... В глубь-то он вряд ли стал бы забираться, кого там встретишь, на тракте — самая для него работа. Да по селам. Старик тот ваш, видно, сообразил, верный путь указал. Хоть и длинней, зато безопасней.

— А сейчас куда?

— В Шилово. Мои хлопцы хорошо поработали, собрали кое-что, митинги провели. Кооператоры тоже свое дело делают, соображающие мужики. А в Шилове завтра проведем большой митинг и запись добровольцев. Они поедут в Верхнеудинск вместе с нами. Мы уже там были вчера, подготовили почву, настропалили активистов. В общем, думаю, все устроится.

— А банда?

— Что банда?.. Надежда на мужиков слабая, они пуганые. Разве что ты узнаешь своего фронтового «друга». Дай, как говорят, боже, чтоб он тебя не узнал первым. А Сотникова своего предупреди, чтоб носа не показывал. Когда шла речь о замученном чекисте, и его кое-кто вспомнил. Был, говорят, такой рослый, белявый из себя. Пусть лучше золото стережет.

— Ну хорошо, собрались, митингуем, а тут с разных сторон бандиты. Ох и вжарят они по нашему митингу...

— Чудак человек, это я предусмотрел. Там есть сознательный народ, да нас, считай, десяток. Винтари имеем, гранаты. Пулемет говорить заставим. Нет, думаю, не сунутся. А если и будут, что вернее всего, то тихо-мирно стоять в толпе. Но... тут уж мы бессильны.

— Ладно, брат, поживем — увидим. Давай-ка я вздремну маленько. Мы ж ночь копали, днем сторожили. Ах, хорошо-то как...

...Митинг, как и предполагал Михеев, проходил спокойно. Никаких эксцессов. Закутавшись в просторную доху и сильно ссутулившись, внимательно оглядывал Сибирцев собравшихся, вспоминал, но никого похожего на Дыбова не видел. Не было среди присутствующих черноусого красавца, как рассказывал про «хозяина таежного» дед. Игнат, Лешаков тоже, когда копали яму, нарисовал примерно такой же портрет. Строен, сказал, ловок в седле, глаза бешеные. Сильно картавит.

Да, именно таким запомнился поручик Дыбов прапорщику Сибирцеву в том далеком шестнадцатом. Значит, верно, он это. Вот, выходит, где встрече-то произойти. Да вряд ли рискнет. Не дурак Дыбов, нет, не дурак.

Михеев произнес звонкую, зажигательную речь. Обрисовал

мировое положение, упомянул про Семенова, который за японские деньги жег деревни, расстреливая всех от мала до велика, и называл себя спасителем России. Говорил и о бандах, бесчинствующих в уездах. Немного их уже осталось, но те, что есть, самые безжалостные. Ничего, разбили Колчака, выгнали за границу Семенова, со дня на день доберемся и до изверга, недобитого колчаковца, что зверствует в этом уезде. Скоро-скоро ему крышка.

Мужики воспринимали по-разному. Кто одобрительно кивал, на всякий случай оглядываясь по сторонам, кто иронически хмыкал, а кое у кого в глазах посверкивала затаенная злоба.

Богатое издавна село Шилово. Четко пролегла межа: богатеи и батраки. В армию записывались батраки — народ в массе не больно сознательный, накопивший ненависть к своим вечным хозяевам. Многие уже прошли войну, но так ни с чем и вернулись к худым своим избенкам, полумертвой от голода ребятне, отчаявшимся женам. Было несколько комсомольцев. Эти услышали в речи Михеева звук боевой трубы и первыми поставили свои фамилии в списке добровольцев. В общем, набралось около двадцати человек. Были мобилизованы лошади у богатых мужиков для поездки в Верхнеудинск, добровольцам раздали оружие, патроны. Забрались они в розвальни и кошевки и под смех, хмельные песни и бабы слезы тронулись в дальнюю дорогу, не дожидаясь ночи. Теперь-то чего бояться?..

Ехали не торопясь. Присоединялись добровольцы из других сел. Подбирали в попутных селах оружие, ящики со снарядами, оставленные за ненадобностью отступавшими к Чите колчаковцами. Набралось уже немало, и потому ни у кого не вызвали вопросов такие же зеленые ящики, сложенные в санях, двигавшихся в середине далеко растянувшегося обоза. Жилин теперь ехал с Сотниковым, а Сибирцев и Михеев правили по очереди.

Однажды к ночи, на третьи сутки пути, когда только приготовились расположиться на ночлег, Жилин, воспользовавшись тем, что хозяина не было в избе, рассказал о странном, на его взгляд, случае.

Пристал к ним давеча мужичонка, известный в Шилове скверным своим характером — вздорный и непутевый. Были, видать, за ним и темные дела — живет вроде бы не хуже других, а с чего живет, про то никто не знает. Догнал в своей захудалой кошевке, сказал, тоже, мол, хочет в Красной Армии послужить, поскольку собственное хозяйство в запустении, — одним словом, бобыль бобылем. Записывай в добровольцы! Записали, каждый человек нужен. Взяли с собой. Но чем-то не приглянулся он Жилину. Давай, говорит, твой ящик ко мне переложим. Чего, мол, коняку так утруждать? Снаряд, он, известное дело, тяжелый. Жилин вроде бы не слышал. Мужичонка пристал: давай да давай. Тогда Жилин велел нагрузить его ящиками с самыми настоящими снарядами. А мужичонка все вертится вокруг Жилина, все присматривается, слушает, о чем другие говорят, где будет ночлег да в какое село еще заедем. В общем, стал наблюдать за ним Жилин. И вот наконец увидел. Нынче, как приехали, тот мужичонка ловко так вскрыл один из своих ящиков. Обнаружив доподлинные снаряды, маленько сник. После, покуривая с другими мужиками, будто не-

хотя намекнул, что возить снаряды опасно. Не ровен час, наскочит кто, так от пули, мол, весь обоз к господу богу взлетит. Ему возразили, что хоть оно, конечно, и страшно, но раз приказ такой вышел: везти снаряды, ничего не поделаешь. Надо. Поговорили да разошлись к своим саням. А он-то воровато эдак все зыркает по другим возам.

— Может, показалось? — Сибирцев внутренне напрягся, понимая уже, что не могло это показаться цепкому жилинскому глазу.

Жилин сумрачно качнул головой: нет, мол.

— Кто его записывал?

— Да Аникеев наш, комсомол.

— Ну-ка, брат, принеси нам списки добровольцев. Давай поглядим, кто, что да откуда. Неужто гонец?

— Похоже на то, — задумчиво процедил Михеев. — Тащи, Жилин, аникеевский список, ничего пока не говори, но к мужику твоему приставь кого-нибудь из наших, и чтоб глаз не спускал.

Жилин ушел.

— Вот и весточка от «хозяина», — сказал Сибирцев. — Что будем предпринимать? Впереди два дня пути, не меньше, пока до Верхнеудинска доберемся. А дорога — тайга. Всякое может случиться. Гнать лошадей тоже нет резона. Если «хозяин» недалеко и следит за нами, он все поймет, и тогда только бой. А где этот бой будет, он сам выберет. Его положение лучше нашего.

Михеев молчал.

— Может, арестовать его без шума? — предложил Сибирцев. — Очень уж эта проверка ящиков да беседа с мужиками на провокацию смахивают... Ну, что ты молчишь?

— Думаю. Что провокация, тут, извини, и ежу понятно. А вот брать его или не брать — вопрос... Пути нам, действительно, два дня. Если не торопиться. Где теперь «хозяин», мы не знаем — позади нас или впереди. Добровольцы наши, за редким исключением, народ не очень надежный. Хоть и стреляный, да пуганый. На кого можно положиться? От силы полтора десятка. А у «хозяина», по слухам, за сотню сабель...

И в этот миг неподалеку обрывисто и сухо, будто хрястнула доска, ударил выстрел. За ним другой — подальше. И снова тишина. Чекисты, в чем были, выскочили на крыльцо. Снова деревянно треснул выстрел. «Из нагана», — определил Сибирцев. Крики: «Стой! Стой!»

От ворот метнулась тень, слабо проявившаяся на светлом снегу. Крики удалялись, стихли.

Из избы выскочил Сотников, уже одетый, с пулеметом в руках.

— Погоди, — остановил его Михеев, прислушался. — Кажется, тихо. Давай без паники. Пойдем одеваться. А ты, — сказал Сотникову, — собирай народ.

Подбежал, тяжело дыша, Жилин.

— Ушел, сука! — хрипло крикнул он и длинно выругался. — В тайгу ушел...

В избе Жилин грузно опустился на лавку, морщась, стал рассказывать, как он пошел было к Аникееву, но что-то будто остановило его. Заглянул в сарай, где стояли их кони и сани, охраняемые молоденьким шиловским комсомольцем. Сквозь щель над дверью пробивалась тонкая полоска света. Вдруг услышал Жилин скрип дерева, такой звук, будто отдирают доску. Затаившись, он прильнул к щели и увидел при свете огарка свечи давешнего мужика, топором открывающего закованную гвоздями крышку снарядного ящика. Ящика с истинными снарядами: их для маскировки клали в сани на ночевках. А ящики с золотом тайно заносили в избу. Часового нигде поблизости не было.

Вскрыв ящик, мужик быстро вынул снаряд, покачал его в руках, заглянул на дно ящика и положил снаряд на место. Тут Жилин широко распахнул дверь и встал в проеме. Каким-то ловким, почти неуловимым движением мужик метнул в Жилина топор. Еще не видя топора, не чувствуя смертельной опасности, Жилин машинально откатнулся, оступился на скользком унавуженном снегу и рухнул навзничь. Это и спасло его. Сейчас же грохнул выстрел, и Жилин увидел, как прямо через него в длинном прыжке метнулся мужик. Извернувшись и одновременно выхватывая из кармана кольт, Жилин силился поймать на мушку прыгающий силуэт. Выстрелил, видно, промазал, потому что в ответ тоже ударил выстрел. Жилин попытался догнать беглеца, но было уже поздно. Ушел.

Снаружи послышались голоса, это Сотников собрал во дворе добровольцев. Вошел.

— Я проверил охрану, остальные все тут. Звать?

— Погоди, — махнул рукой Михеев. — Еще не все ясно. Кто был на часах возле нашего сарая?

— Тут он, — Сотников кивнул за дверь. — Говорит, подошел к нему мужик наш, покурили они, тот и предложил пойти погреться. А я, сказал, за тебя постою маленько. Ну что с ним делать? Совсем малец.

— Ладно, с ним потом. Теперь, Мишель, картина ясна. Раз отстреливался и ушел без лошади, значит, дорогу знает. Значит, «хозяин» где-то близко. К нему ушел. Каков вывод?

— Я думаю, — через паузу сказал Сибирцев, — надо немедленно уходить и нам. Все снаряды — к черту. Идти налегке. Идти всю ночь без остановок. Вся надежда на лошадей. Как, Жилин, выдержим?.. Жилин!..

Сибирцев вдруг увидел, что Жилин стал клониться на лавку. Кинулся к нему, схватил его ладонь, прижатую к плечу, — она была в крови. Под полушубком на рубаше расплылось темное пятно.

Не заметил, видно, Жилин в горячке да пока бежал, что крепко задел его выстрел, произведенный почти в упор, навывст. А теперь вот свалился.

Пока дезинфицировали самогоном да перетягивали рану, Жилин пришел в себя. Ему дали кружку первача. Он глядел мутными глазами и покачивался, скрипя зубами.

— Уходить... надо... — прошептал он. — Тот назад побег... А нам вперед. Пулемет прикроет. Кружных дорог нет... Снег большой. Трактором уйдем. Кони... вынесут...

— Все, — решительно сказал Михеев. — Уходим. И без шума. Золото в голову обоза. Снаряды оставляем. Я — к мужикам.

11

Длинные таежные ночи. Одиноки.

За версту слышно, как бегущий по макушкам сосен ветер обламывает вдруг пониющую под снегом хвойную лапу и с пушечным выстрелом обрушивается в сугроб заледенелая шапка. Волки на миг прерывают свою мрачную жалобу, почуяв дробот десятков копыт на вымерзшей звонкой дороге.

Не спалось Лешакову.

Нет, не грехи его мучали. Не видел он за собой греха. Давним таежным чутьем понимал, что пришли последние его ночи. И он приготовился к ним. Достал с подволока хорошо смазанную и обернутую рогожей трехлинейку с обоймами к ней. Снарядил для верного старого ружья своего тяжелые патроны с самодельными, на медведя подпиленными пулями. Слушал ночь.

Шутки с «хозяином» кончились, это он знал твердо. Ну иди, иди...

Услышав отдаленный топот и конское ржанье, Лешаков медленно поднялся с лавки и подошел к киоту. Долго и пристально смотрел в почерневшие лики святых, трижды перекрестился, поклонился им земно и пальцем загасил слабо колеблющийся огонек лампы.

Раздался треск ломаемого забора, громкие на морозе голоса. В дверь повелительно и резко застучали.

— Открывай! — кричало сразу несколько голосов. — Живо открывай. а то запалим!

Лешаков усмехнулся и, взяв с лавки ружье, взвел курок.

Удары стали громче: били прикладами.

«Ну-ну, — думал старик, — поди сам-то отвори... Вечное дерево лиственница. Коваными полосами скреплены плахи, засовы железные... Отвори-ка попробуй. Не-е, шалишь, ваше благородие».

— В окно давай! — услышал он срывающийся крик штабс-капитана Дыбы.

Брызнули в избу осколки стекла, посыпались на пол обломки рамы. В узкое отверстие сунулась голова в мохнатой шапке.

— Темно, нет никого! — крикнул бандит.

— Лезь и отк'ывай изнут'ги, — приказал Дыба.

Бандит стал протискиваться. Ему помогали сзади, подталкивали. Когда пролезли плечи, старик с маху бросил бандиту на шею каменный свой кулак. Тело дернулось и повисло.

— Один, — прошептал старик, — прими его душу...

Сообразив наконец, что произошло, бандиты выдернули тело из окна. И вслед ему из избы грохнул выстрел, отшвырнув еще одного из нападавших.

— Другой, — продолжал свой счет Лешаков.

Вопли, визг, матерная брань! Загремели выстрелы: били по дверям, били в пустой проем окна, пули впились в стены, рикошетировали от печки.

— Стой! — неожиданно закричал Дыба. Выстрелы стихли.

— Эй, колдун! Слушай мое слово! Оно у меня тве'гдое. Отдай золото — и живи. Пальцем не т'гону! Где золото?..

Лешаков молчал, перезаряжая ружье.

— Одно слово — и я уйду! — Дыба стоял где-то рядом с окном, но его не было видно. Прятался.

Зорко следил Лешаков за мечущимися во дворе тенями. Он не торопился, он должен бить наверняка.

— Эй, отзовись! Избу твою запалим — уйдешь без покаяния! Слышишь?

Из-за угла выдвинулась высокая стройная фигура, показалась голова в папаше. Лешаков поднял ружье. От грохота, казалось, обрушился потолок, кислый дым затянул избу.

Снова дикий вопль на дворе.

В окно разом хлестнуло несколько выстрелов.

— Кого он? — услышал Лешаков в паузе вопрос Дыбы.

— Сквородникова... Голову начисто как шашкой! Ну, леший!.. — и отборный мат.

— Х'ген с ним, со Сково'годниковым, — отозвался Дыба. — Эй, колдун! Обещаю все забыть. Пошутили, и хватит. Давай миг'гится.

— Да куда ж это, ваше благородие! — послышался визгливый возмущенный голос. — Он наших, как медведей, наповал ложит, а ты — мириться?

— Молчать! Знай свое место!.. Чуешь, колдун, люди се'гдятся. То'гопись, пока еще я доб'гый. Не хочешь? Ну что ж, пеняй на себя. Эй, молодцы, пошу'гуйте в са'гае и засветите, чтоб все видно было...

В избе стало холодно. Стихло во дворе, кончилась возня и у двери, видно, поняли, что ее не взять.

Лешаков следил за окном и видел наголо бритую, желтую, как кость, голову полковника Мыльникова, метавшуюся в жару на этой вот лавке, слышал его бессвязный и быстрый шепот: «...пристрелю, как собаку... золото... все тебе...» Это видение сменило черное безглазое лицо Паши, потом заискрилось, вспыхнуло в углу тяжелое ожерелье — сорок деревень... Оно словно высветило суровый древний лик угодника, его плотно сжатые губы, воздетые персты... Благословляет, указывает... Антипка — дрянной, подлый мужик, иудина душа, все вертелся, пытал, откуда парень да чей будет. Он, поди, и выдал, да. Великие муки принял парнишка-то... За что, за какие грехи?.. Это Антипкин голос: наших-то, мол, как медведей... Нет, не жить ему. Есть для него пуля... Ох, есть...

У сарая послышались крики, брань. Потом разом осветился двор, высокие сугробы, отблески огня скользнули по подоконнику. Бандиты подожгли сарай. Голоса приблизились.

— Конечно, сволочь! — крикнул Дыба. — Нашли мы, где клад п'гтал. Мешки нашли! Кому отдал?.. Отвечай! Когда?..

— Ну вот, — вздохнул Лешаков, — и пришла, стало быть, пора прощаться... Теперь уж одна дорога, господа.

— А тебя мы заживо спалим! — продолжал кричать Дыба. — И кума твоего!

«Как же! — усмехнулся старик. — Поди догони... Опоздал ты, ваше благородие, крепко опоздал».

— Ваше благородие, это ж леший чертов, от него слова жи-

вого не добьешься! Дозволь я ему огоньку под стреху. Враз заговорит, как задницу припечет.

— Успеем, Антипка, — отозвался Дыба. — Легкую сме'гть ты ему хочешь. Эй, доски давай! Заколачивай окно и две'гь!

Во двор влетел верховой. Влетел, не опасаясь, не ведая, что происходит. Соскочил с коня. Виден был он в отсветах пламени.

— Ваше благородие! Признал я одного... — Прибывший говорил, с трудом переводя дыхание. — В обозе. С охраной... Стреляли, еле отбился...

Лешаков прицелился.

— Где? — вскрикнул Дыба. — Ко мне! Болван!

Поздно. Выстрел из окна бросил верхового под копыта коню, и тот шархнулся в сторону.

— А-а! — завопил, срываясь на визг, Дыба. — Зажигай!..

Крепко, на совесть строил избу старик Лешаков. Выдержанное дерево, полвека стояло, а все светлым лесным духом пахло. Душу свою для людей хранило, для жизни...

Потянуло дымом, послышался треск занимающейся кровли. В окно стреляли не целясь.

Пригнувшись, старик осторожно выбрался в сени. Мощные заборы ставил, словно знал от кого. Не громыхнули бы. Хотя уж теперь-то все едино... Дышать совсем трудно, дым забивал горло, пламя охватило уже всю крышу, лизало стены...

Бандиты стреляли безостановочно, крики, мат, конское ржанье слились воедино.

Дыба визгливо ругался, выяснял, где обоз, в скольких днях пути, куда движется. Черт поberi, один свидетель — и тот труп!

Никто не заметил, не обратил внимания, как распахнулась дверь и из глубины сеней ударило подряд несколько выстрелов.

Рухнули двое сидящих в седле бандитов. Вздрыбился и опрокинулся, придавив собой хозяина, конь штабс-капитана. Насмерть перепуганные бандиты попадали в снег, стали расползаться.

А из сеней, охваченных пламенем, била винтовка, била, пока не рухнула, взметнув к огненно-багровым верхушкам кедров фейерверк искр, кровля старой Медвежьей заимки.

12

В десятке верст от Верхнеудинска обоз встретил отряд красноармейцев, вызванных нарочным, с утра посланным в город. В двух санях пулеметчики, остальные верхами.

Командир — пожилой, неразговорчивый мужик, похоже из бывших партизан, — сразу выслал вдоль тракта дозоры и ехал рядом с санями Михеева и Сибирцева, зорко поглядывая по сторонам. Он ни о чем не расспрашивал, ничем не интересовался, сказал только, что ждут их прибывшие из Читы товарищи и надо поспешать. Легко сказать. Кони-то еле тянули, дорого им обошлась дорога. Однако к темноте успели в город.

Быстро проскочили заснеженными улочками, въехали во двор уездного комитета. Добровольцев отправили в казарму, что размещалась в двухэтажном доме напротив укома, через дорогу. У ворот выставили охрану.

Это был отряд моряков байкальской флотилии — веселая, разбитная молодежь, все в широких клешах и просторных тулупах поверх форменок. Внесли четыре снарядных ящика в пустой кабинет председателя.

Жилина, протестующего, но совсем уже сникшего, отдали на попечение врача, который сразу и принялся за него.

Двое читинцев были знакомы Михееву. Здраваясь с Сибирцевым, тот, что был постарше, представился Филимоновым. Молодой — Васильевым. Встретили тепло, с интересом поглядывая на чекистов. Михеев вскрыл пакет, доставленный из Читы, прочитал бумагу, молча протянул ее Сибирцеву.

— Взгляни-ка. Что скажешь?

Предписывалось срочно доставить специальный груз в Читу и передать в распоряжение правительства ДВР. Всякая задержка исключалась. Приказ исходил из Москвы, Иркутск подтверждал. В конце объявлялась благодарность Военно-революционного комитета группе, выполнившей особое задание. И все. Никаких фамилий. Ничего лишнего.

— М-да, — Сибирцев задумался, складывая бумагу. — Благодарность — это приятно. А дело пока не закончено... Дорога как? — спросил он у читинцев.

— Похвалиться особо нечем, — отозвался Филимонов, старший. — Есть случаи, чистят поезда. Семеновцы из-за кордона. Банды всякие... Раз на раз не приходится, конечно.

— А другой путь?

— Другого, к сожалению, нет, — вздохнул Васильев. — И бронепоезда нет. И охрана невелика: отряд байкальцев. Народ проверенный — коммунисты и комсомольцы. Вот и ломаем голову.

— И задание экстренное, — добавил Филимонов.

— Жилина, что ли, спросить? — усмехнулся Михеев.

— Кто такой? — поинтересовался Филимонов.

— Наш человек, — нехотя ответил Сибирцев. — Доктор над ним колдует... Рана сквозная, промыли, как могли, да ведь в тайге какое лекарство... Малый волосок остался — и заражение... Что ж, будем думать... Вы нам в помощь или в качестве курьеров?

— В вашем подчинении, — подтвердил Филимонов.

— И то, брат, спасибо... Покурим, что ли?

Васильев с готовностью протянул кисет, листок тонкой папиросной бумаги. Сибирцев кивком поблагодарил, свернул самокрутку, затянулся. Посмотрел на Михеева, сказал ему:

— Только без обид и все как есть начистоту. Как они, мужики? — он имел в виду читинцев.

Михеев понял, кивнул утвердительно.

— Что ж, тогда есть план такой... Лишних нет?

Васильев вышел за дверь, вскоре вернулся. Сказал, что никого поблизости нет. Только охрана на первом этаже.

— А сам где? — Сибирцев кивнул на стол председателя укома.

— Тоже внизу, — ответил Васильев.

— План такой, — повторил негромко Сибирцев. — И знаем пока только мы четверо. И больше ни одна живая душа... Тому, кому надо, уже известно, что мы прибыли. С грузом. Так, Володя?

— Ну, предположим, — подтвердил Михеев.

— Наш «хозяин» тоже знает. Не может не знать. В тайге мы были чужие, здесь среди своих. Чего нам теперь бояться? Думаю, надо работать в открытую. Завтра днем грузить классный вагон, с охраной, морячков этих ваших поставить, чтоб всем видно было: груз серьезный. Чтоб вопросы возникли, что да куда едет. А там пойдет по цепочке.

— Так это же?.. — сорвалось у Васильева.

— Вот именно, — кивнул Сибирцев. — И чтоб охраны побольше, погуще. И груз покрупнее, потяжелее... Классный цеплять последний, вроде бы как торопимся. Морячков — в предпоследний. Мы, — он взглянул на Михеева, — едем в классном. — Вы, — он повернулся к читинцам, — с морячками. При пулеметах и всем таком прочем.

— Постой, постой, — оживился Михеев. — Если я тебя правильно понял...

— Правильно понял, — усмехнулся Сибирцев. — Такая уж, видно, наша с тобой, брат, судьба.

Читинцы переглянулись, не совсем еще, наверно, соображая, что предлагал Сибирцев...

Он, конечно, видел, и о чем думали, и о чем не могли пока догадаться читинцы. Объяснять сейчас было трудно, да, пожалуй, и бесполезно: идея только возникла. Ее следовало детально обсудить с Михеевым, который если и не все сразу понял, то уж догадывался, это точно. Хватка у него железная. С Жилиным бы перемолвиться, да больно плох он. Этот мужик наверняка дал бы стоящий совет. Ну да что теперь, все равно думать надо, хорошо думать. И Сибирцев сказал с легкой усмешкой:

— А спать-то где будем нынче? Вы ведь тут хозяева. Распожайтесь.

— Спать-то? — Филимонов, как показалось Сибирцеву, был вроде бы обескуражен, огляделся с сомнением. Можно было подумать, что спать как раз он вовсе и не собирался. — Спать-то, что ж, в принципе можно и здесь. Вон диван есть. Ну... матрасов достанем. Не замерзнем, нет? — он покосился на замороженные белые стекла.

— Так решим, — сказал Михеев. — Вы с Васильевым давайте устраивайтесь в приемной, а мы уж тут вдвоем. Ежели чего, сами понимаете, будем как гарнизон. Четверым здесь тесновато.

— Как скажете, — сразу согласился Филимонов и, кивнув Васильеву, вышел.

Они вскоре принесли два матраса, бросили на пол. Филимонов, показав на дверь, сказал:

— Оно, конечно... Мы будем вроде как первая застава. На случай чего. Правильно, товарищ Михеев. Располагайтесь. Ушли, стало тихо.

— Ты где хочешь? — спросил Михеев.

— А? Все равно.

— Тогда вались на диван, а я на матрасах. Мне же мягче, — он заулыбался. — Слушай, Мишель, тебе не приходило в голову, что можно все сделать проще и безопаснее?

— Безопаснее? — Сибирцев оторвал взгляд от заляпанного чернильными пятнами зеленого сукна стола, с усмешкой посмотрел на Михеева. — Это ты говоришь? М-да... Впрочем, ты старший, предлагай.

— О! Видали? Прапорщик заговорил. Обиделся.

— Глупости говоришь, какая ж тут обида?

— Брось, Мишель, все я понимаю... И... поддерживаю. Убить сразу двух зайцев!.. Но мне другое интересно. Скажи, — он стал укладываться на матрасах, подогнул край, чтоб голове было выше, укрыл ноги тулупом, поерзал и наконец успокоился, лежа на спине. — Скажи, ну что у тебя за страсть вечно лезть в самое пекло? Я ведь тебя не первый день знаю.

Сибирцев долго молчал, как-то чересчур тщательно сворачивал самокрутку, потом прошелся по комнате.

— Видишь ли, Володька, — хрипло и словно бы виновато сказал он, — наверно, так уж мне на роду написано... Как бы тебе объяснить... Ну брат, что ли, на себя, а?.. Понимаешь, если мы все это барахло, — он кивнул на ящики, — отправим с матросами и твоими ребятами, да в блиндированном вагоне, да еще пулеметов добавим, все доедет в целости. Не сунется туда Дыбов. А мне надо, чтоб сунулся. Обязательно сунулся, ввязался в драку. Я ему, Володька, не прошу Павла, никогда не прошу. Вот и крутится у меня мысль, как заставить Дыбова пойти на авантюру. Как сделать для него возможным, понимаешь, с его точки зрения реальным, последний его шанс. Мы должны убедить Дыбова, что золото с нами, что мы сильны, а потому и беспечны. Он как картежник: всюду увяз, терять нечего, остается только пойти ва-банк. Терять действительно нечего, а приобрести он сможет ну, по крайней мере, два десятка пудов золотишка. Безбедную жизнь,

— Я понял, — протянул Михеев.

— Вот так, брат. А рисковать я могу или, вернее, должен, только самим собой... Ну, тобой еще, — он усмехнулся и посмотрел сверху вниз на Михеева. — Мы с тобой можем. И умеем. Вот как. А их, — он кивнул на дверь, — их-то зачем? Или вот Алешку моего... Жилина я бы взял с собой. Наш мужик.

— Ага, — улыбнулся Михеев, — оценил наконец.

— Оценил, — очень серьезно и даже печально ответил Сибирцев. — Дай бог, чтоб я только не ошибся, чтоб все там, в тайге вычистил, понимаешь? Рана сквозная, почти в упор. Если я не заметил какого-нибудь малейшего волоска, может начаться заражение. Растрясли мы его, бредил он, помнишь? Плохой бред. Не нравится он мне, этот бред...

— Да полно тебе, — Михеев сел. — Все будет в порядке. Выдержит Жилин. Не такое выдерживал...

Сибирцев присел на край скрипнувшего пружинами дивана.

— Давай, брат, спать. С утра найди мне с десятка самых надежных. Таких, чтоб со мной, понимаешь, могли до самого конца... Мы ведь им объяснять ничего не будем. Просто: мышеловка для банды. И все. Как ты сказал? Одним ходом — двух зайцев? Морячки ящики увезут, а мы удар примем. Надо принять...

Утром к железнодорожной станции проследовали под конвоем моряков несколько саней с упакованным на них, и непосвященному ясно, тяжелым грузом. На запасных путях стоял классный вагон. Его окружила охрана и осторожно перенесла внутрь несколько ящиков. Посторонних близко не подпускали. Позже, лишь только пришел поезд из Иркутска, маневровый подал вагон на станцию и прицепил к хвосту состава. Соседний вагон быстро очистили от всякой публики, и там разместились моряки, выставив на площадках тамбуров «максимы». Никто не обратил внимания на полтора десятка ящиков со снарядами и патронами, задвинутых под нижние полки. Туго сейчас с боеприпасами — это всем известно.

Ударил станционный колокол, паровоз дал сиплый гудок, и вагоны дернулись.

Уже в темноте проехали Петровский завод. На станции состав штурмовали толпы мешочников. Сунулись было в классный вагон, но увидели освещенных слабым светом вагонных фонарей часовых за намертво запертыми дверями. К морякам соваься побоялись. Ну их от греха: врежут — костей не соберешь.

Следующая станция — Хилок...

Глубокая ночь. Классный вагон последний, его качает сильнее других. Окна его темны, плотно зашторены, чтоб ни один лучик не проникал наружу. В середине вагона, обложенные мешками с песком и прикрытые с боков железными листами, глядят на двери тамбуров собранные пулеметы, что доставили в тяжелых ящиках. Громко распоряжавшийся погрузкой Алеша Сотников молча вслушивался в размеренный стук колес на стыках. Теперь он знал все. И знали те, кто ехал в этом вагоне, те несколько чекистов, которые должны были принять на себя удар.

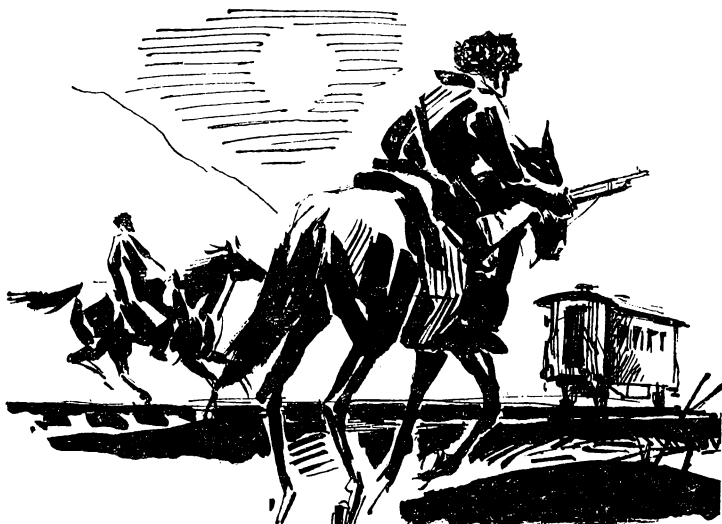
Ни Сибирцев, ни Михеев, да уж, пожалуй, никто не сомневался, что клонут бандиты, не смогут не клонуть. Примитивный, конечно, ход, но именно чем проще, тем вернее.

Разбирать пути и останавливать весь поезд глупо и бессмысленно, сил не хватит, а моряки — народ суровый. Значит, расчет такой: сам по себе классный вагон, какая бы охрана в нем ни помещалась, все равно не крепость. Его можно взять. И ночь — самое верное время.

— Алеша, — негромко сказал Сибирцев, — предупреди охрану в тамбурах, чтоб шли в вагон. Всем быть наготове... Покупить, что ли?..

Сотников ушел. Сворачивая самокрутку, Сибирцев поднял голову и пристально взглянул в глаза Михееву. Ссыпал обратный табак в кيسет. Показалось?

Нет, колеса вагона замедляли свой стук. Быстро вернулся

Сотников и взволнованным шепотом доложил, что, судя по всему, их вагон отцеплен от состава.

Глуше стучали колеса, вагон перестало качать. Еще немного, и он остановился.

— Приготовиться! — скомандовал Михеев и залег к пулемету. — Убрать свет!

Погасли несколько коптилок, освещавших вагон.

Прошло с десяток томительных минут, и в двери резко застучали чем-то металлическим. Посыпались разбитые стекла. Вдоль вагона по окнам полоснула пулеметная очередь.

— Все выходи! — раздался громкий повелительный крик. — Эй, чекисты, если не будете соп'готовляться, да'гую всем жизнь! Выходи!

Среди сотни голосов узнал бы теперь Сибирцев этот пронзительно картавый голос.

Темный, казалось, вовсе безжизненный вагон стоял посреди перегона. Ни проблеска, ни звука. И это, видимо, смущало нападавших.

Вагон их был один, это понимали и Сибирцев, и Михеев, и все остальные. Иначе уже давно заговорили бы «максимы» моряков.

Наконец двери в тамбуры взломали, с обеих сторон одновременно распахнулись двери в сам вагон, и тут же разом ударили пулеметы чекистов. В тамбурах вой, проклятья, выстрелы вслепую. Сдвинув штору разбитого окна, Сотников дал очередь вдоль вагона из ручного пулемета. В нападавших полетели гранаты, освещаая короткими вспышками взрывов изломанные фигуры всадников, вздыбленных среди сугробов лошадей. В низкое небо взвились ракеты, бледным светом озарив ненадолго поле боя. Пулемет снаружи решетил вагонную стенку. Вскрикнул раненый. Взрывом гранаты, влетевшей снаружи в купе, вырвало дверь. Еще вскрик.

Бой кончился неожиданно.

— Все на площадки! — тихо приказал Михеев, и, подхватив пулеметы, чекисты метнулись к тамбурам. Сибирцев осторожно отодвинул плотную штору и выглянул наружу. Никого. Темно, ничего не видно. Возле уха тонко свистнула пуля, впившись в стенку.

— Что там? — шепнул сзади Михеев.

— Они где-то рядом, но боятся.

— Надо выбирать.

— Тут трупов навалом.

— Дать еще ракету?

— Погоди...

Где-то рядом послышались сдержанные голоса. Слов было не разобрать. Говорившие находились в торце вагона, а он глухой — не достанешь. Гранату бы туда.

— Пусти, я погляжу, — Михеев потеснил Сибирцева.

...Есть предчувствие. Есть. Может быть, шорох какой услышал Сибирцев, может, движение воздуха. Он резко пригнул Михеева, распластав его на полу, и прижал собой сверху. И в тот же миг, опалая глаза, в тамбуре, в двух шагах всего, гроыхнули взрыв гранаты.

Жгучая игла впилась в плечо Сибирцеву, и через миг по всему телу стала растекаться жаркая волна усталости. Он попробовал приподняться, но не смог, руки не слушались. Где-то далеко, он слышал будто сквозь толстый слой ваты, затарахтели палкой по длинному забору, кто-то кричал, толкал его, а он медленно погружался в сон, сладкий, упоительный. Но опять его толкали, кидали на качелях, и к горлу подступала тошнота. Он с детства ненавидел качели.

Потом он различил песню. Кто-то негромко напевал: «Эй, баргузин, пошевеливай вал, молодцу плыть недалече...» Старая сибирская песня. И голос грустный, знакомый. А чей?.. Сибирцеву очень хотелось пить, и он шевельнулся, открыл глаза.

Было светло. Из зыбкого тумана проступила вагонная полка, потом лицо Михеева. Он сидел напротив и, сжимая ладонями

забинтованную голову, тихо напевал, словно стонал. Поднял глаза, встретился взглядом с Сибирцевым.

— Пить...

— Ну слава богу, пришел в себя, — Михеев хотел улыбнуться, но лицо его скривила боль.

— На, дорогой, пей.

Сибирцев сделал короткий глоток из кружки, вода пролилась по подбородку, затекла на шею. Его все покачивало.

— Что? — выдавил он с трудом.

— Спи. Мы свое сделали, — медленно расставляя слова, сказал Михеев. — Домой едем.

— Ребята...

— Сотников тяжелый. А трое моих совсем... Отбились мы. Кончили Дыбова. Спи, спаситель ты мой.

— Спой.

— Спою... Эй, баргузин, пошевеливай вал...

...Поезд замедлял ход, он подходил к Верхнеудинску, маленькому забайкальскому городку.

Вячеслав НАЗАРОВ

ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ ЗЕМЛИ

Фантастическая повесть

1. БЕРЕГ

Иван Сергеевич, посмотрите! — Нина глазам своим не поверила.
— Что случилось, Нина?
— Юрка! Мой Юрка...
— Ну и что?
— Я оставила его дома! Ну погоди же... Вот вернусь, я тебе задам!

Юрка был далеко, он не слышал, он только улыбался беззаботно и победно и махал рукой.

— Не волнуйтесь, Юра уже вполне самостоятельный молодой человек. Приехал провожать свою знаменитую маму.

— Но он же потеряется!

— Не думаю. Ему уже десять лет, если не ошибаюсь, и он не в марсианской пустыне. Пора самостоятельно изучать мир...

А Юрка ничего плохого не делал. Он читал мальчишкам лекцию. Его голос не мог побороть монотонный гул толпы, и добровольные переводчики повторяли Юркины слова тем, кто не расслышал или плохо понимал по-русски:

— Вот эта высокая женщина рядом со старичком — его мама. Она ассистентка профессора Панфилова. Маленький старичок — это и есть профессор Панфилов, которого все зовут просто Пан...

— А кто такой Уисс?

— Уисс — это дельфин, который поведет корабль.

Взрослые, заинтересованные ребячьей болтовней, придвигались поближе.

— Смотри, мальчик, твоя мама снова вышла на палубу...

— Значит, сейчас выпустят Уисса.

Толпа охнула. В корпусе корабля, стоявшего у стенки, открылся люк. Прошла томительная секунда. Из черного провала мощным броском вылетела трехметровая торпеда и ушла под воду без единого всплеска.

Мгновенная тишина сковала причал. Слышно было, как лениво шевелится волна. Прошла секунда, две, пять...

— Ушел, — выдохнул кто-то, и этот полувздых-полушепот пронесся по всей площади из конца в конец.

— Уисс! — изо всех сил закричал Юрка. На глазах навернулись слезы.

Словно услышав свое имя, Уисс вынырнул у самой причальной стенки — свечой взмыл в воздух метра на два, сделал кульбит и ушел в воду — на этот раз неглубоко. Он кружил рядом с кораблем, то уходя, то возвращаясь, словно приглашал за собой, в налившуюся густой синью морскую даль...

Нина перевела дыхание. Уисс не ушел. Уисс послушался. Уисс зовет к себе в гости.

Прогромели трапы, прозвучали последние гудки, причал с пестрой толпой поплыл мимо.

Юрка стоял по-прежнему на парапете и опять махал ей рукой.

Она погрозила ему пальцем как можно более строго, но не выдержала, всхлипнула, улыбнулась и опустила руку.

Толпа кипела, в небо летели шары, от которых шарахались чайки, а она долго-долго видела за кормой только синюю куртку сына и опущенную русую голову...

— Уот из ю нэйм?

— Что? — Юрка поднял глаза и шмыгнул носом.

— Уот из ю нэйм?

Перед ним стоял мальчишка, такой же тощий и длинный, в такой же синей куртке и с такими же белобрысыми вихрами. Только нос был смешно вздернут, а на загорелой физиономии выступила целая россыпь непобедимых веснушек.

— Юрка.

— Юр-ка... Ит из гуд нэйм — Юрка! Энд май нэйм из Джеймс. Джеймс Кларк.

— Юрий Савин, — официально представился Юрка и протянул руку.

Веснушчатый англичанин разразился целой речью, и Юрка покраснел.

— Ай спик инглиш вери литл...

Мальчишка попробовал объяснить по-русски:

— Я знайт... два дельфин... играть... недалеко море... не бояться... биг энд литл... беби... Смотреть?

— Пойдем, — решительно сказал Юрка. — Пойдем посмотрим, где играют большой и маленький дельфины, ты это хотел сказать, Джеймс?

— Иес, иес, — закивал англичанин. — Юрка!

Нина с наслаждением, полузакрыв глаза, подставила лицо свежему утреннему бризу. Прохладный ветер скользнул по щеке, растрепал прическу.

Прямая линия берега постепенно изгибалась в дугу, горы, горбатые и мощные, улеглись поудобнее и застыли у самой воды. Пробежали серебряными жуками вагончики фуникулеров и, уменьшаясь, исчезли.

Теперь только малахитовые потоки лихорадочно спутанных, ошалевших от солнца и соленого ветра растений тяжело падали с желтых скал на матовое стекло моря.

Нине почудилось движение в плавных линиях береговых скал. Лишь на мгновение, но движение. Какая-то напряженная мука чудовищно медленного перемещения, которое рассеянному глазу туриста кажется неподвижностью.

Берега ползли в море.

Жизнь возвращалась в море медленно и неодолимо...

Когда в полутемной комнате сверкнет молния фотовспышки, глаза на долю секунды видят не тени вещей, а их истинный объем и расположение в пространстве. Это продолжается только долю секунды, но цепкая память навсегда отпечатывает в подсознании картину увиденного, и ты много времени спустя, сам себе удивляясь, в полной темноте безошибочно находишь дорогу...

Так было и сейчас. Нина широко открыла глаза, и все стало обычным — просто берег, уже тронутый сверху оранжевым, отступал к горизонту, а высоко в небе синеватые облака пара вдруг начали быстро расплываться, разбрасывая по сторонам мгновенные радуги...

Но тревожная льдинка под сердцем не таяла.

Порыв ветра — и столб яркого света, отраженного белой мачтой, возник, исчез, возник снова и запылал в полную силу.

Нина оглянулась. Из горящего зеленого моря вставало большое прохладное, плоское солнце, и бушприт «Дельфина» был нацелен в него, как стрела в мишень.

А в нескольких сотнях метров, на желтой тропинке между кораблем и солнцем, мелькал в холодном огне острый плавник.

Уисс вел корабль за собой.

2. РАЗВЕДЧИК

Несколько часов между закатом и рассветом Уисс отдыхал. Отдых нужен был не столько ему, сколько существам, которые храбро плыли за ним в железной скорлупе большого кора.

Зумы...

Уисс лежал без сна, покачиваясь на волнах, и перебирал дневные впечатления, пытаясь построить четкий логический узор. Это удавалось нечасто.

Иногда после очередной трансляции в коралловые гроты Всеобщей Памяти, он говорил с Бессмертными. Бессмертные задавали недоверчивые вопросы или вообще отмалчивались. Только Сусии понимал Уисса. Грустные лиловые тона его речи успокаивали и ободряли, а мятежные знания Третьего Круга помогали находить выход из неожиданных тупиков.

Но даже Сусии не мог понять всего. Потому что он был далеко. Есть нечто, чего не передать по живому руслу Внутренней Дуги...

Тонкий голубой звук пронзил тишину, ударил в гулкий панцирь ионосферы и рассыпался на сотни маленьких магнитных смерчей. Ионосфера помутнела с востока, в ее невидимой до сих пор толще закипели белые водовороты.

Короткая магнитная буря неслышно пролетела над морем, дрожью тронула кожу.

Серебряная радиозаря разгоралась. Первые всплески солнечного дыхания коснулись ночного неба, приглушили монотонные всхлипы умирающих нейтринных звезд, отдаленный рев квазаров и быстрый, неуверенный пульс новорожденных галактик. Тончайшая паутина изменчивого свечения, сотканная из миллионов вспыхивающих и затухающих радиовихрей, плотно обволакивала все — огромное белое небо, белое море и даже полупрозрачный дымчато-молочный воздух — все сверкало и словно пело торжественно:

Тебе дано законом Братства
бессменно жить,
и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть...

Но видел и слышал это только Уисс.

Исполинская и прекрасная игра, космическая вакханалия радиорассвета не существовала, не существует и не будет существовать для зумов, которые спят сейчас в своей железной колыбели.

Усилием воли, с некоторых пор уже привычным, Уисс отключил все рецепторы, кроме светового зрения и инфраслуха. Сейчас он воспринимал окружающее почти как зум.

Мир погас. Темнота и тишина, нарушаемые лишь ворчливым шепотом волн, обступили дэлону. Даже звезд не стало видно — их закрывала непроницаемая пелена туч.

Чувство одиночества, затерянности сжало сердце Уисса.

Сусии прав. Двухлетнее общение с зумами, «вживание» в их психику и опыт изменили в чем-то самого Уисса. Он старался «видеть» и «думать» как зум — без этого сама идея эксперимента бессмысленна. И теперь у него получается. «Слишком

хорошо получается» — так показал Сусии, и в спектре его была тревога.

Кажется, Бессмертные стали сомневаться в его душевном здоровье... Нет, он здоров. Его не тянет в скалы, морской простор по-прежнему пьянит и властвует над ним...

Уисс припомнил, как после добровольного «плена» в акватории зумов он почуял вдруг запах вольной воды...

Когда в специальном контейнере зумы привезли его на свой кор, он очень волновался. Не за свою безопасность, нет, он боялся, что зумы не поймут, не пойдут за ним, передумают.

Но когда с лязгом открылся люк и в раскрытый проем ударила волна, пропахшая йодом и чем-то еще, до спазм близким и неповторимым, Уисс забыл обо всем. Мускулы сжались инстинктивно, и никакая сила не могла удержать его в ту минуту в душном кубе контейнера. Его локаторы, привыкшие за два года повсюду наткаться на оградительные решетки, провалились в пустоту, и только далеко-далеко электрическим разрядом полыхнула фиолетовая дуга горизонта.

Он опомнился через несколько секунд, но этих секунд было достаточно, чтобы кор остался далеко позади. Какая-то бешеная, слепая радость владела всем существом, каждой клеточкой и нервом — и сильное, истосковавшееся по движению тело ввинчивалось в плотную воду, оставляя за собой клокоущий водоворот. Внутренний глаз — замечательный орган, неусыпный сторож, следящий за состоянием организма, укоризненно замигал, докладывая о недопустимой мышечной перегрузке.

Уисс немного расслабился, замедлил ток крови и, глубоко вздохнув, ушел в глубину.

Медлительные ритмы подводной стихии окутали его. Отголоски шторма, ревущего где-то в тысяче километров, слегка покалывали метеоклетки, скрытые под валиками надбровий, переливчатые вкусы близких и далеких течений щекотали язык, разноцветные рыбешки с писком шарахались во все стороны из-под самого клюва.

Все вокруг мгновенно изменилось, вспыхнуло невероятными ярчайшими красками, заструилось невесомо и бесплотно, уничтожив формы, объемы, перспективу, расстояния, размеры, — все динамично вписывалось друг в друга, пронизывало друг друга, сливалось, оставаясь разделенным, — большое и малое, далекое и близкое.

Уисс видел одновременно плоскость водной поверхности над головой и обточенную прибором разнокалиберную гальку дна, крошечный золотисто-прозрачный шарик диатомеи с изумрудной точкой хлорофилла в центре и многометровые хребты волнорезов, окаймлявших сине-зеленый бетон причальной стенки — низ и верх, север и юг, запад и восток. Световое зрение могло обмануть, солгать — песчинка у самых глаз кажется больше утеса на горизонте, — но в мире звука существовали только истинные размеры и объемы, не искаженные перспективой.

Уисс немного увеличил частоту ультразвука, и лучи локатора прорвались сквозь экран морской поверхности. Все, что было в воде, стало теперь прозрачным, то, что в воздухе, — видимым.

Причал выгнулся дугой метрах в пятистах, и пестрая толпа

зумов замерла на нем неподвижно. Смутные, беспорядочно тревожные импульсы шли от толпы. Неподвижен был и железный кор, похожий на уродливого кита.

Уисс сузил поле и выделил среди зумов две знакомые фигуры на палубе. Нина и Пан застыли, подавшись вперед, и тоже излучали беспокойство.

Тревога и недоумение передались Уиссу. Что там случилось? Почему там все неподвижно, как на мертвых изображениях, которые Нина называет «фотографии»?

Зумы передумали?

Он скользнул локатором по толпе. Глаза снова выделили знакомое — маленькую фигурку сына Нины.

Юрка была напряжен и неподвижен, как и все. Рука с растопыренными пальцами поднята вверх, на глазах слезы, губы движутся медленно-медленно...

Он кричит?

Уисс поспешно перешел на инфраслух. Целая вечность прошла, пока из отчаянно медленных колебаний составилось слово: — У-у-у-и-и-и-с-с-с!

Уисс!

И вдруг он понял. Ему стало легко и весело, и дерзкий план перестал казаться сумасбродством.

Зумы его потеряли!

Вырвавшись на свободу, Уисс, сам того не заметив, перешел на обычный жизненный ритм дэлونا. Поэтому и толпа, и Пан, и Юрка казались ему неподвижными — он жил и действовал вчетверо быстрее. Опыренный восторгом, он забыл, что у зумов лишь одно световое зрение, и стал для них невидимым. Зумы растерялись, решив, что он бросил их...

И милый маленький зум зовет его назад...

Несколькими мощными движениями дэлон преодолел добрые четыре сотни метров, взмыл в воздух у самой причальной стенки, описал долгую полую дугу и снова ушел в воду — теперь уже неглубоко.

И сквозь беспорядочные вспышки радости он уловил вдруг ломкую, неуверенную, но вполне связную пента-волну Нины: — Спасибо, Уисс!

Эти задыхающиеся, неумело напряженные, похожие на пугливый шепот ламинарий, биенья биотоков развеяли последние тени сомнений.

Он свистнул на все море:

— Вперед!

И железный кор послушно двинулся за ним, и солнце выплыло навстречу...

Метеоклетки чувствовали, что сегодня будет ясный день, но пока над свинцовым морем висел серый рассвет и торопливые неопрятные тучи бежали на север. Белый кор покачивался в полукилометре, бессмысленно тараща зрочки ночных позиционных огней.

Уисс просвистел призывно, но ответа не было: зумы еще спали.

Мутная мгла ненастья угнетала. Уисс переключился на инфра-

зрение. Багровую поверхность моря пронизали миллиарды огненно-рыжих пульсирующих жилок — это перемешивались теплые и холодные слои. Растрепанные холодные тучи превратились в полупрозрачные зеленоватые дымки, сквозь которые большим осьминогом с растопыренными щупальцами синело солнце в своей раскаленной короне.

Уисс описал дугу в багровой воде, расправляя затекшие мускулы, рывком вылетел в воздух и увидел внизу, в изогнутом зеркале воды, свое увеличенное в несколько раз отражение. В следующую секунду он бесшумно вошел в воду и плавным движением направил тело в бодрящий холодок глубины. И снова увидел свое отражение — теперь уже наверху, на рубеже воды и воздуха.

Уисс всегда волновал и будоражил этот рубеж — граница двух разных и чуждых миров, таких близких и таких непохожих. Ему и пришлось идти в эту разведку к зумам.

Та памятная августовская ночь ничем не отличалась от предыдущих. Было душно, и пришлось на несколько градусов понизить температуру кожи. Теплая вода пахла железом заградительных решеток. Сгорая в атмосфере, печально шуршали бессчетные метеориты и сгустки космической пыли. Монотонный звездный дождь убаюкивал, навевал дремоту.

Дела шли плохо. Целый год «плена» добавил немного нового к наблюдениям, сделанным четыре тысячи лет назад. Зумы почти не изменились биологически, общие психические индексы остались прежними. Никаких сдвигов...

День обычно кончался игрой. В игре любое животное раскрывается полностью, и с ним легче работать. Вот и сегодня молодая зумка принесла свежей рыбы, и они минут пятнадцать возились в воде. Уисс искривленно веселился, пытаясь скопировать подводные пируэты этого забавного и по-своему милого существа. Зумы, как и все сухопутные, любят воду — сказывается природный инстинкт, — но на этот раз вопреки обыкновению зумка играла неохотно и скоро вылезла на берег.

Она сидела на влажном камне и смотрела на звезды. На коленях у нее поблескивал небольшой аппарат, которым зумы пользуются для копирования звуков.

Уисс, отключив световое зрение и локаторы, дремал, прижавшись боком к нагретому за день камню. Бессвязные отсветы дневных мелочей освобожденно и легко кружились в голове.

Что он знает об этом существе, сидящем рядом и таком бесконечно далеком? Знает его повадки и привычки, оно откликается на имя «Нина», иногда даже на пента-волну, хотя почему-то пугается при этом. Но что руководит этим нескладным примитивным телом? Какая власть, какие побуждения заставляют зумов тратить время и силы на создание искусственной среды, разрушая естественную? Ощущение неполноценности? Страх перед миром? Голод?

Камешек скатился с откоса, булькнул в воду. Зумка завела свой аппарат. Из коробки поползли тягучие завывания, с помощью которых зумы общаются.

Уисс досадливо зажал инфраслух — нудное бормотанье раздражало его.

Он уже почти спал, когда увидел МыСЛЬ. Сначала он решил, что это сон, потом — что рядом появился неведомый товарищ, но уже через секунду понял, что мысль исходит из аппарата зумки, и замер.

Это не была речь дэлона — в ней клубились, плясали, замирали и разгорались вновь чужие краски, чужие, невнятные и мятежные образы.

Дрожа всем телом, Уисс пытался понять, что говорит много-тональный, многотембровый голос. Волнение мешало ему вжиться в ритм, всмотреться в невиданные, дикие сплетения и ассоциации. Но вот мелькнуло в сумбурном потоке знакомое — ослепительная синева и белые пятна в синеве...

Небо! Конечно, небо, уплощенное, искаженное непривычным ракурсом, но небо Земли! И суша — от края до края, без единой полоски воды — гигантские каменные волны с белоснежными шапками на гребнях — застывшее на века мгновенье бури...

И снова хаос непонятного, но почему-то тревожно знакомого, словно кто-то на чужом языке пересказывает историю, которую ты давно забыл, — что-то мерещится в диковинных созвучиях, мельтешит и ускользает.

И вдруг рывком — огромная фигура зума: лохматая голова заслоняет солнце, плечи раздвигают горы, а в руке у него...

Это ярко-алые, судорожно трепещущие языки, похожие на щупальца бешеного кальмара...

Красный Глаз Гибели, страшное проклятье Третьего Круга, едва не погубившее пращуров, — клубок вечного ужаса, от которого через много миллионов лет вздрагивают во сне далекие потомки — враг всего живого — ОГОНЫ!

Мысль продолжалась, но Уисс уже не видел ее — сработали сторожевые центры Запрета, заглушив опасные видения мягкими, успокаивающими колебаниями.

Каждый дэлон проходил через операцию Запрета сразу после рождения: в подсознании блокировалось все, что связано с тайнами Третьего Круга эпохи Великой Ошибки. Этого требовали благоразумие и забота о духовном единстве народов Дэла.

Только Бессмертные, несущие знак Звезды, обречены были на знание Всего. Но чтобы уберечься от Безумия Суши, они огораживали мозг нервными центрами, мгновенно реагирующими на опасность...

Мысль погасла. Зумка уже не сидела, а стояла. Она заметила волнение Уисса и взволновалась не меньше. Потом вдруг сорвалась с места и бросилась вверх по откосу, скользя и спотыкаясь на сырой от ночной росы гальке.

Уисс свистнул с такой яростью и силой, что по воде побежала рябь. Тонкая, бесконечно тонкая ниточка между двумя мирами — неужели ей суждено порваться?

Зумки все не было, и Уисс метался по акватории, бешено вспарывая воду спинным плавником. Чью МыСЛЬ он видел? Чья гордая и страстная душа соединила в себе жгучую резкость молний и томную нежность утреннего бриза? Чей иступленный разум выплеснулся в бурнсы исповеди?

Что несет могучий голос — надежду или угрозу?

Огромный зум — и Глаз Гибели...

Мозг Уисса кипел и напрасно мигал предупреждающе внутренний глаз — врожденное чувство самосохранения на этот раз изменило дэлону.

А зумки все не было.

Что, если... Что, если эти странные существа, которых дэлоны ставят между спрутами, строящими города на морском дне, и касатками, у которых инстинкт хищника сильнее примитивного мышления, что, если зумы тоже... Нет, невозможно. Биологически зумы не изменились, а разве может возникнуть Разум у животных, которые предают и убивают себе подобных? С откоса полетела галька. К Уиссу бежали двое — Нина и старый зум, откликавшийся на имя Пан. Они остановились у самой воды, возбужденно размахивая верхними конечностями, и забормотали быстрее обычного. Зумка показывала то на аппарат, то на Уисса. Дэлон мучительно напрягал инфраслух, пытаясь уловить смысл бормотания:

— С-о-в-е-р-ш-е-н-н-о с-л-у-ч-а-й-н-о... В-к-л-ю-ч-и-л-а н-е т-у с-к-о-р-о-с-т-ь...

— Ч-т-о т-а-м з-а-п-и-с-а-н-о?

— С-к-р-я-б-и-н... П-о-э-м-а о-г-н-я... В-к-л-ю-ч-и-л-а н-е т-у с-к-о-р-о-с-т-ь...

Зумы бормотали и бормотали, а мысли Уисса уже неслись по крутой траектории вокруг темного ядра загадки.

Огромная фигура, закрывшая солнце, и Глаз Гибели над головой...

Угроза?

На берегу поднялся переполох, и по воде резанул луч прожектора. Уисс раздраженно метнулся в сторону и сильным броском ушел в темноту, к самому ограждению, где глухо дышало море.

Если это угроза, то не от самих зумов. Агрессивность зумов не идет дальше самоистребления — об этом говорят память тысячелетий и собственный опыт.

Но они могут быть орудием чужой воли, и тогда гипертрофированная способность к подражанию, тяга к искусственному дадут отравленные всходы.

Он может скрываться там, в непроходимых и безводных дебрях суши, — незванный гость межзвездных бездн, Разум, чуждый Земле, и потому беспощадный, и его враждебные внушения заставляют зумов разрушать Равновесие Мира...

Разум, враждебный Разуму. Снова нелепость. Снова круг. Замкнутый круг.

Уисс чувствовал интуитивно, что кружит рядом с истиной, но что-то внутри цепко держало, направляя на ложный путь, какая-то сила в последний момент отклоняла от цели прямую стрелу мысли.

И вдруг он понял — центры Запрета. Это они, неусыпные клетки, спасая мозг от опасной перегрузки, направляют поиск по дорожкам известных формул. И загадку не раскрыть, круг не разомкнуть, пока...

— У-и-с-л

Ниточка ведет в запретные области, и кто знает, что будет, если потревожить миллионлетний сон древних сил...

— У-и-с-с!

Его никто не обвинит в трусости. Добровольное сумасшествие равносильно самоубийству...

— У-и-с-с!

Но ведь это единственный шанс...

Когда Уисс вернулся к берегу, там суеилось около десятка зумов. Сильный голубоватый свет двух прожекторов заливал площадку над бухточкой, до самого дна пронизывал воду. Метрах в десяти от берега на поверхности покачивался большой красный буй, с которого свисал решетчатый металлический цилиндр.

Уисс уже знал его назначение — это был ультразвуковой передатчик, довольно точно имитирующий естественный сонар животных. Цилиндр доставил немало неприятных минут Уиссу: зумы с его помощью то транслировали бессмысленные обрывки чьих-то позывных, сбивая с толку, то ослепляли неожиданными импульсами, заставляя наткаться на окружающие предметы, то без всякой видимой системы и цели повторяли собственные сигналы дэлونا.

Цилиндр появился нестати. Меньше всего расположен был Хранитель Пятого Луча заниматься сейчас игрой. Он ждал действий куда более значительных, чем нехитрые манипуляции с ультразвуком. Но молодая зумка, наклонившись к самой воде, без конца повторяла его имя и лопотала, лопотала что-то, и столько отчаянной просьбы было в ее лопотанье и жестах, что Уисс, недовольно фыркнув, подплыл к злополучному цилиндру.

Он едва успел переключиться со светового зрения на звуковидение, как передатчик заработал. Цилиндр превратился в багровое яйцо, потом в малиновый шар, быстро распухающий в огромную розовую сферу, пока звуковой пузырь нарастающего свиста не лопнул, брызнув искрами в черную тишину.

И вдруг через короткую паузу снова зазвучала мысль. Теперь она исходила из цилиндра, свободная от искажений и помех. Многократно усиленная, она лилась широко и свободно и все-таки ускользала от понимания, проносилась мимо сознания и терялась где-то за пределами памяти.

Центры Запрета работали безотказно. Как плотина во время паводка, они направляли разрушительный поток, чуждый понятий и чувств мимо, мимо — в проторенное русло Забвения.

Обязанностью Хранителя Пятого Луча была разведка. И не больше. Но Уисс сделал то, на что до сих пор не решался ни один дэлон.

Он отрезал себя от внешнего мира, убрав воспринимающие рецепторы. Сосредоточившись, представил себе свой мозг. Поплыли перед внутренним глазом сложнейшие переплетения нервных волокон, лучистые кратеры нервных центров, миллиарды пульсирующих и мерцающих нейронов, собранных в причудливую вязь бугорков и извилин.

Он скоро нашел то, что искал, — небольшой серовато-белый бугорок мозга у затылка, отороченный неровным пунктиром пурпурно-лиловых звездочек. Это и были центры Запрета.

Уисс мысленно соединил звездочки одну за другой изви-

стой сплошной линией, трижды опоясавшей подножие бугорка. Звездочки продолжали мигать.

И тогда, собравшись с духом, Уисс пустил по воображаемой линии сильнейший разряд.

Он услышал свой собственный вопль, уносящийся в пространство, и ощутил, как горячая судорожная боль тысячами молний ударила из мозга по всему телу, корежа и ломая суставы, растягивая сухожилия и мускулы.

Он задышался, и не было сил перевести дыхание.

3. ЗАПРЕТНЫЕ СНЫ

Он все-таки перевел дыхание. Сеть кровеносных сосудов, ветвясь и истончаясь, разнесла живительный кислород во все уголки организма. Судорога медленно отпускала тело, скрюченные мышцы расслаблялись и оживали. Боль уходила.

Пурпурно-лиловые звездочки уже не мигали.

Уисс сжег центры Запрета.

Вначале он ничего особенного не ощутил. Но когда ушла боль, откуда-то снизу подступила фиолетово-черная бесконечность, растворила его в себе. Она жила вне и внутри, и это длилось мгновенно и вечно, потому что не было ни пространства, ни времени.

Уисс впервые в жизни почувствовал страх. Не то подсознательное предчувствие опасности, которое побуждает к действию, а первородный леденящий ужас, лишающий сил и воли, страх бытия.

Вот оно, наследство пращуров, — Безумие Суши, оно спит в каждом дэлоне за тройной оградой пурпурно-лиловых звезд и, случайно разбуженное, заставляет выбрасываться на скалы...

Но разве за этим Уисс переступил Запрет?

Неторопливо, исподволь, опасаясь шока, Уисс возвращал чувствительность органам. Он выходил в окружающий мир прежним и перерожденным одновременно. Его мозг был лишен защиты и равно открыт всему — обдуманному и бессмысленному, доброму и злему, явному и тайному.

И когда зрение вернулось, Уисс содрогнулся от неожиданного успеха. Вернее, он ждал успеха, но не настолько быстрого и полного.

Мысль продолжалась. Но невидимое стекло, разделявшее прежде опыт Уисса и логику чуждых видений, исчезло. Тонкий живой нерв забытого родства — ведь предки дэлонов жили на суше! — протянулся между двумя мирами.

И свободное от Запрета сознание Уисса перелилось по нему в чужую жизнь, в чужие сны...

Уисс был маленьким зверенышем с короткой рыжей шерстью. Он затаился в густой, пряно пахнувшей листве огромного дерева, вцепившись в корявые сучья всеми четырьмя лапами. Его мучил голод и страх.

Грязно-коричневые смрадные тучи едва не задевали верхушку дерева. Тяжелым душным покрывалом колыхались они над лесом, и дрожащий свет едва просачивался вниз. Было жарко, воздух, насыщенный испарениями и стойким запахом гнили,

был неподвижен, и неокрепшие легкие, казалось, вот-вот лопнут, не выдержав судорожного ритма дыхания.

Вокруг бесновалась зелень. Тысячи тысяч растений тянулись из черной, глухо чавкающей трясины к неверному свету дня. Они протыкали, мяли, душили друг друга могучими змееподобными стеблями, и эта непрерывная, медленная и страшная борьба была почти единственным ощутимым движением вокруг.

Но неподвижность таила угрозу. Уисс каким-то сверхчутком ощущал, что везде — вверху, вокруг, внизу — в шуршащей и скрипящей зелени, затаившись, поджидают добычу сильные и беспощадные враги. Уисс боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего убежища.

Встрепенувшееся ухо уловило хруст. Через минуту хруст превратился в треск, а еще через минуту — в скрежет и грохот ломающихся и падающих древесных великанов. Задрожала земля, дерево, на котором сидел Уисс, резко качнулось, но даже это не смогло заставить его покинуть зеленое гнездо. Он только крепче прижался к стволу, окончательно слившись с рыжей, лохматой от плесени корой.

Огромная, тяжело колеблющаяся гора мышц проползла рядом, оставив за собой широкий прямой коридор в джунглях. Внезапно она замерла, и над верхушкой дерева закачалась приплюснутая голова, вся в тягучих потеках желто-зеленой слюны. Широкие ноздри со свистом втянули воздух, и целая туча цветочной пыли поднялась в воздух с раскрытых ядовито-синих соцветий.

Голова раздраженно дернулась и, покачавшись минут пять в нерешительности, потянулась к соседнему дереву. Оно показалось чудовищу более аппетитным, и через мгновение от него остался только расщепленный огрызок ствола.

Гора продолжала свой путь, и треск вскоре затих. Голод туманил сознание Уисса, его била мелкая дрожь. Он попробовал выковыривать из трещин коры липких, радужно переливающихся слизняков, но студенистая масса обожгла рот. Он выплюнул слизняка и тихонько заскулил.

Наконец голод превозмог страх. Прижимаясь к стволу, неслышно проскальзывая сквозь паутину лиан, оставляя на острых колючках клочки шерсти, Уисс спустился вниз и затих, осматриваясь, пригнувшись и прислушиваясь.

Его внимание привлек куст, усыпанный какими-то большими матово-сизыми плодами. Их резкий запах кружил голову и сводил спазмом желудок. Уисс осторожно выглянул из укрытия и, не заметив ничего подозрительного, проворно затрусил по упавшему дереву к соблазнительным плодам.

Его спасла собственная неуклюжесть — у самого куста он поскользнулся на содранной коре и едва не свалился в топь. В тот же миг у горла лязгнули страшные челюсти, и длинное тело пронеслось над ним, едва не цапнув желтыми загнутыми когтями.

Уисс хотел метнуться назад, но застыл, парализованный ужасом, — дорога была отрезана. С трех сторон протяжно ухала непроходимая топь, а между Уиссом и спасительным гнездом готовился к новому прыжку враг. Он стоял, пружиня на непомерно больших, чуть ли не в полроста, перепончатых задних

лапах, а маленькие передние мелко дрожали, готовясь схватить добычу. Зверь был едва ли не втрое больше Уисса, и ни о какой борьбе не могло быть и речи. Это чувствовали оба, и зверь не спешил. Он медленно приседал, медленно открывал пасть, усеянную пиками треугольных зубов, и красные глазки его наливались тупой радостью.

Уисс взвыл и тоже встал на задние лапы. Отчаяние сковало его мышцы, и он не смог разжать пальцы, вцепившиеся в какой-то сук. Он так и поднялся навстречу врагу с острой раздвоенной рогатиной в передних лапах.

Зверь прыгнул — и яростный смертный рев огласил джунгли, сорвался на жалкий визг и захлебнулся. Тяжелое тело обрушилось на Уисса, едва не переломав ему кости, дернулось два раза и замерло. Уисс пошевелился, еще не веря в спасенье, но зверь не двинулся. Осмелев, Уисс выпояз из-под туши. Враг был мертв. Из развороченного горла черной струей хлестала кровь.

Уисс недоуменно переводил взгляд с мертвого зверя на рогатину и обратно. Потом лизнул окровавленный сук. Кровь была теплая и соленая. Он лизнул сук еще раз и вдруг, зарывав, припал к ране поверженного врага. Он пил красную жидкость жадно, захлебываясь, урча, и ощущал, как сила разливается по жилам.

Наконец он встал на четвереньки, довольно облизываясь, и только сейчас заметил, что передние лапы продолжают сжимать раздвоенный сук. Он хотел бросить палку, но что-то остановило его. Уисс переводит взгляд с рогатины на зверя и обратно...

Видение потускнело, отхлынуло в темноту, обнажив галечный берег акватории, и слепящие зрачки прожекторов, и черные силуэты зумов, и отблеск металла на громоздких аппаратах, а Уисс все еще ощущал во рту дразнящий вкус теплой крови, и лапы его неестественно топорщились, словно пытаясь удержать рогатину...

Старый зум сидел у воды, свесив между колен худые руки, и пристально следил за дэлоном.

— И-в-а-н С-е-р-г-е-е-в-и-ч, д-а-в-а-т-ь в-т-о-р-ую ч-а-с-т-ь?

Старик промолчал, предостерегающе подняв руку. Он ждал чего-то от Уисса.

И Уисс не без тайной гордости за свое превосходство слегка изогнулся и описал вокруг цилиндра геометрически точный круг, наслаждаясь совершенством и универсальностью своего тела, отшлифованного трудом и вдохновением поколений.

Старик махнул рукой.

— Д-а-в-а-й-т-е!

Цилиндр снова засветился...

Теперь Уисс был не один, и к привычным чувствам голода и страха присоединилось еще чувство холода, в три погибели скрючившего тело. Он кутался в промокшую медвежью шкуру, плотнее прижимался к таким же скрюченным, закутаным в шкуры телам — ничего не помогало.

Их оставалось немного от большого и сильного стада — остальные погибли сегодня утром в схватке с пещерным медведем, хозяином этой каменной берлоги.

Уисс покосился на клубок тел, бьющихся в едином ритме озноба. Их не пугала смерть: спрятанный под скошенными лбами маленький робкий мозг уже уснул. Каменные топоры валялись в углу пещеры вперемешку с костями. Завтра в пещере не останется никого. То, что не сумели сделать звери и черные обезьяны, прогнавшие стадо с насиженных теплых гнезд, сделает холл.

Уисс перевел глаза на выход. В широком белом проеме кружились снежинки. Залетая в пещеру, они таяли, превращаясь в капельки голубоватой влаги. Весь оранжево-красный, с черными извилистыми прожилками неровный свод пещеры светился голубыми каплями.

А за проемом был мир. Мир искромсанного, вздыбленного, вспененного камня — гигантские каменные валы с белыми шапками на острых гребнях, они обступили беглецов со всех сторон. Скрытое горами солнце опускалось все ниже, и причудливые утесы, похожие на морды диковинных зверей, окрасила кровь. Небо синело, а внизу, в глубокой расщелине, клубился плотный багрово-фиолетовый туман. Изредка вспышки прорезали его, и тогда земля вздрагивала и с утесов срывались камни. Там, внизу, тоже была смерть — непонятная и от того еще более страшная.

Привычная спазма свела желудок. Тело наперекор всему требовало пищи. Оно не хотело мириться со смертью. Оно хотело жить.

Уисс пошевелился, попробовал подняться. Онемевшие ноги пронзила тупая боль. Уисс сел, ворча, но потом все-таки встал.

— Надо! Еды!

Гортань еще плохо повиновалась ему, и немногие понятные стаду слова звучали как звериные крики. Клубок тел не пошевелился, и Уисс повторил требовательно:

— Надо! Еды!

Мужчины словно не слышали, и ярость охватила Уисса. Он схватил каменный топор и замахнулся на ближайшего:

— Надо! Еды!

Тот покорно закрыл глаза, ожидая удара. Холод был сильнее голода и страха. Сородич готов был умереть, но не отдать свою частицу тепла в общем клубке. Яростные глаза Уисса по очереди встретились с глазами остальных — они смотрели затравленно и равнодушно, в них не было даже мольбы, их уже застлала пелена неизбежного. Уисс опустил топор. Потом перехватил поудобнее шершавую рукоятку и шагнул в проем.

После смрада пещеры на свежем морозном воздухе слегка закружилась голова. Уисс сжался, ослепленный. Горы переливались всеми цветами, искрились, щетинились серыми полосами колючего кустарника. И оглушительная тишина стояла над ними. Уисс и сам не понимал, зачем он покинул пещеру. Какую добычу сможет он взять в одиночку? Здесь, в горах, звери свирепы и огромны, а на чахлом кустарнике нет плодов. Он не сможет добыть еды — ни для себя, ни для тех, кто остался. Но что-то тянуло Уисса в долину, туда, где клубился темный

туман и плясали бесшумные вспышки. Цепляясь за камни, он стал спускаться.

Уисс прошел половину пути до кромки тумана, когда ноздри уловили тревожный запах — пахло гарью. Он сделал еще несколько неуверенных шагов и остановился. Инстинкт подсказывал — вернись, там опасность, там великий Красный Зверь, пожирающий все живое. Уисс глянул вверх. Пещера отсюда виднелась маленькой черной точкой. Вернуться? Ждать ночи, когда его убьет холод или, беспомощного, загрызет нетерпеливый шакал?

Негодующее рычание вырвалось из горла Уисса. Он взмахнул топором, ободряя себя, и решительно двинулся туда, где пряталось неведомое.

Ему не пришлось идти долго. Вскоре путь преградил ручей. Его торопливое бормотание было слышно издалека, но, когда Уисс раздвинул кусты, его снова сковал страх.

Там, за ручьем, совсем недавно пировал Красный Зверь. На пепельно-серой земле валялись кучи обугленного кустарника. А еще ниже стался багрово-синий дым, оттуда доносился далекий треск и тянуло теплом.

Уисс зачерпнул волосатой ладонью полную пригоршню воды и попробовал языком. От холода заломило зубы.

Рядом раздался стон. Уисс одним прыжком отскочил в кусты и замер. Стон повторился, на этот раз тише. В нем не было угрозы, а только боль и жалоба. Ноздри Уисса раздулись. Припадая к земле, он пополз на звук.

Длинноногое животное с тремя парами витых рогов на голове уже ничего не видело и не слышало. От него пахло паленым. Кожа на боках обуглилась и лопнула, обнажив розовое мясо. Видимо, рогач в предсмертном усилии вырвался из объятий Красного Зверя и перемахнул на этот берег, но смерть догнала его.

Уисс вытащил длинный нож, выточенный из острого обломка берцовой кости, и хищно оскалил зубы.

После обильной еды захотелось пить. Уисс лакал воду жадно, отфыркиваясь и урча от удовольствия, отрывался, осматривался и снова лакал.

И тогда он заметил Красного Зверя.

Это был совсем крошечный зверек, и непонятно было, как он перепрыгнул через ручей. Он съел всю палку, оставив от нее только угли, и теперь подышал, дрожа и дымясь.

Уисс хотел было сбросить опасного зверька в воду, но сытый желудок настроил его на благодушный лад. Ему захотелось поиграть. Он отломил от ближайшего куста сухую ветку и сунул зверьку. Зверек жадно набросился на нее и сразу стал больше и веселее.

Уисс играл с красным зверьком долго, то давая ему пищу, то отбирая ее. И зверек покорно подчинялся желаниям Уисса, то вырастая в рычащего тигра, то сжимаясь в рыжую мышь. И тогда Уисс почувствовал, что холод отступил. Блаженным теплом веяло от камня, нагретого лапами покорного зверя.

Наконец Уисс встал и направился к рогачу. Дотащить всю тушу до пещеры ему было не под силу, и он отрезал самое вкус-

ное — обе задних ноги. Потом выломал из кустарника самый большой сук и поджег его толстый конец.

Когда, обессиленный под тяжелой ношей, он дотащился наконец до пещеры, уже опустилась ночь. Уисс шагнул в пещеру, высоко держа над головой горящий сук. Красный свет метнулся по стенам. Живой клубок дрогнул, рассыпался, эхо гулко повторило вопль ужаса. Подвывая, сородичи расползались, забивались в темные углы. Только один остался у его ног. Он был мертв.

Уисс бросил на пол мясо.

Остекленевшие глаза жадно уставились на пищу, но страх перед Красным Зверем заставлял глубже забиваться в свои углы.

Уисс повернулся спиной к сородичам и вышел из пещеры. Он слышал, как в темноте началась драка за мясо. Уисс направился к ближним кустам, освещая себе дорогу.

Когда он вернулся в пещеру с охапкой хвороста, мяса уже не было. Сородичи снова расползлись по углам, но уже не так поспешно, как прежде. Глаза их приобрели осмысленное выражение и смотрели теперь настороженно и выжидающе.

Уисс бросил на пол догорающий сук и показал на хворост:

— Еда! Ему!

Он подложил веток, и пламя мгновенно выросло, заплесало, рассыпая искры. По пещере заструилось тепло.

Наконец самый смелый подполз поближе. Сородич с любопытством смотрел, как Уисс кормит страшного зверя, потом сказал неуверенно:

— Красный Зверь! Враг!

Уисс сунул еще одну ветку в костер, и рыжий язык метнулся к самому потолку.

— Нет! Огонь! Друг!

Осмелевшие мужчины подползали все ближе к костру, блаженно ворчали, подставляя теплу окоченевшие тела, радостно повизгивали.

— Огонь! — повторил Уисс новое слово. Он протянул к жаркому костру руки. — Огонь! Друг!

Мысль продолжалась, но Уисс очнулся, словно вынырнул из зловонной лагуны на поверхность — близость огненной стихии, хотя и призрачная, была нестерпима. Он ничего не мог поделать с голосом крови, с трагическим опытом Третьего Круга, навечно отпечатанным в генах, — все естество противилось союзу с Гибелью.

Он мог только, напрягая внимание, чтобы не упустить ничего существенного, следить извне за странным чужим миром, в котором творились вещи все более и более непонятные.

Он видел, как в считанные тысячелетия зумы расплодились и расселились чуть ли не по всей суше. Рогатина в лапе и пламя костра сделали зумов сильнее и выносливее других зверей.

Красный Зверь оказался двуликим — с равным покорством и равной силой служил он врагу и другу, злу и добру. Он давал тепло и сжигал жилища, плавил руду и опустошал посевы. Убийственный огненный смерч гулял по горам и долинам. Глаз Гибели горел все ярче и беспощаднее, но во всем этом еще была логика, понятная Уиссу. Когда-то по сходным причи-

нам предки дэлонов покинули сушу и ушли в море, спасая свой род и остатки Знания.

Но дальше начиналось нечто, лишенное аналогий.

Уисс не сумел заметить, когда и как это случилось. Может быть, потому что еще искал следы внеземного вмешательства и не сразу обратил внимание на пальцы седого зума, вроде бы бесцельно мявшие сырую глину; на упорство, с которым собирала коренастая зумка коренья и камни; на благоговейный восторг подростка, который дул в сухой тростник и случайно соединил беспорядочные вопли в обрывок варварской мелодии.

Но когда появились дворцы и многокрасочные фрески на стенах, гигантские каменные изваяния и мелодическая ритмика ритуальных танцев, Уисс узнал в них искаженные, причудливо перепутанные линии просыпающегося Разума. Собственного Разума зумов!

Как дождевые пузыри, возникали, раздувались и лопались царства, унося в небытие редкие всполохи озарений и мутный ил утешительных заблуждений, имена сумасшедших царей и безымянные племена рабов, но под слоем пепла и гнили оставалась неистребимой священная искра трудолюбия и искусства.

Уисс увидел бездну — вернее, не бездну, а воронку крутящейся тьмы, затягивающую в свою пасть все — живое и неживое. Слепые ураганы и смрадные смерчи клочкотали вокруг. Но оттуда, из этого клочкующего ада, тянулась ввысь хрупкая светящаяся лестница, и отчаянно смелые зумы с неистовыми глазами, скользя и падая на дрожащих ступенях, поднимались по ней. Их становилось все больше. Они протягивали друг другу руки и переставали быть одиночками...

Нестерпимая вспышка ударила в глаза — это взвилось алое полотнище над головами идущих первыми. Еще клочкотала темная бездна, еще ревели ураганы, еще метались смерчи, но пылающий флаг всемирной надежды зажигал звезды, созвездия, галактики и последнее, что увидел Уисс, — горящие красные миры обновленной вселенной... И тогда внутренний глаз отключил воспринимающие рецепторы и погасил перенапряженное сознание, спасая мозг от непоправимой травмы, и Уисс уже не слышал испуганного крика молодой зумки, торопливо выключившей звукозапись...

Больше года прошло с той памятной ночи, но Уисс до сих пор помнил каждое мгновение неожиданного открытия, и часто во время ночного дремотного отдыха возвращались к нему тревожные сны суши.

Они приходили и требовали действия, будоражили и настаивали — и Уисс шел к цели, собранный, как дэлон, и неистовый, как зум.

Ему не верили свои, его не понимали чужие, в нем копилась неизвестная прежде горечь одиночества, но он не отступал от своего дерзкого плана.

Он уже добился многого — железный кор зумов покорно идет за ним.

Но главное впереди...

Наступал новый день. Тучи, бегущие над морем, истончались и бледнели, и кое-где уже проступали золотые пятна. Метсо-клетки не ошиблись, сегодня будет солнце...

Пора.

Уисс повторил призыв.

И, словно отраженный от белого кора, двойной свист вернулся к Уиссу.

Зумы ответили.

4. ЗЕРКАЛА

Пилот разведчика «Флайфиш-131» Фрэнк Хаксли очень не любил утренние дежурства и при первой возможности избегал их. Фрэнк не был лентяем или засоней, хотя при честном самоанализе, отречься от предрасположенности к сим огорчительным качествам было бы трудно. Больше того, как раз эта предрасположенность оказала роковое влияние на его судьбу, подменив рубку космического лайнера кабиной гидросамолета, а битвы с инопланетными чудищами — на ежедневное выслеживание безобидных рыбьих стай.

Да, Фрэнк был рядовым «рыбоглядом», но душой его правили космические бури. А потому каждый вечер, свободный от дежурства, он садился к видеофону, чтобы прокрутить запись какого-нибудь телебоевика, а таких записей у него было великое множество. Часто за первой записью шла вторая, а то и третья, и Фрэнк забывался лишь под утро, в кошмарном полусне продолжая фантастическую цепь опаснейших приключений.

Можно ли при таких обстоятельствах радоваться утру, да еще такому, как сегодня — хмурому, когда внизу серый океан, покрытый, как говорят летчики, «гусиной кожей» — ровной рябью мелкой волны с белыми барашками.

— Бэк!

Радиостанция не ответила, и Фрэнк, вглядевшись в зеркало заднего обзора, увидел козырек шлема, надвинутый на глаза, и пухлые губы, тронутые улыбкой отрешенности, которая обычно сопутствует здоровому сну без сновидений. Бэк отдавал ночи не космосу, а земным утехам, но кому важны детали? Важно то, что к сегодняшнему утру оба относились на редкость единодушно. А потому Хаксли только тяжело вздохнул и начал напевать под нос что-то из вчерашней записи:

Ультразмеи и супервампиры —
все чудовища звездного мира —
не страшны бесшабашному Гарри,
астронауту из штата Техас...

И тут Фрэнк заметил «плешь». Вернее, она все время была перед глазами, чуть наискось пересекая курс самолета, но даже тренированный глаз «рыбогляда» не задерживался на ней из-за непомерной, прямо-таки фантастической ее величины.

— Бэк! — выдохнул Фрэнк севшим голосом. — Бэк! — заорал он во все горло. — Радио!

— Сто тридцать первый слуш... Тьфу! Ты чего?

— А дальше?

— Бэк, ну-ка посмотри вниз.

— Смотрю.

— И что ты видишь?

— Воду.

— А дальше?

— Еще больше воды.

— А вот там, к норд-норд-весту... Видишь, «гусиная кожа», а дальше словно кто утюгом прошелся — гладко. А?

— Фрэнк... Это же тунец идет! Такой косячище... Сроду не выдывал...

— Это премия к нам плывет, — уточнил Хаксли и, развернувшись, повел машину к острию треугольной «плеши» — делать предварительные замеры. Бэк взялся за радио.

База ответила не сразу. Видно, там от нынешнего утра тоже ничего хорошего не ждали. Но когда Бэк дважды повторил размеры косяка и прибавил, что рыба идет четверья «этажами», в наушниках заволновались три голоса одновременно.

— 131-й — База. Ихтиологу Петрову. Тунец длинноперый, строй походный в четыре этажа, вверху и внизу — «коренники», взрослые самцы и крупные самки, в середине — молодежь. Похоже на капитальное переселение, Пит.

— Петров — 131-му. На карте сезонных миграций такого маршрута нет. А кормежки длинноперому тунцу сейчас везде хватает. Так что косяк промысловый, Фрэнк, не беспокойся...

— А что мне беспокоиться? Я свое сделал, об остальном пусть у вас, ученых, голова болит...

— База — 131-му. Дельфинолог Штейн. Хватит болтать! Фрэнк, сколько надо, по-твоему, пастухов для ведения косяка? Когда тунец подойдет к тральщикам, мы еще отряд загонщиков выпустим, а сейчас важно, чтобы косяк не рассыпался и не изменил курса...

— 131-й — Штейну. Право, не знаю... Здесь и так полно дельфинов. Они, по-моему, и ведут косяк... Да, похоже, что косяк ведут дельфины. Не охотятся, а ведут — это точно. Рыбы не трогают, идут, как патрульные подлодки...

— Наши или дикие? Если наши, то сколько их?

Фрэнк с минуту следил за диском УКВ-локатора, на котором плавно кружились маленькие голубые точки, потом, снизившись до самой воды, провел машину над пенными обводами тунцовой армады.

— 131-й — Штейну. Судя по радиометкам, наших дельфинов штук двадцать. Остальные дикие. Их не меньше сотни... Бросать «трещотку» или подождать?

— Штейн — 131-му. Так ты говоришь, там дельфины, Фрэнк? Вот тебе и разгадка. Дельфины согнали в одну несколько больших стай и решили сделать нам подарок. Недаром же их натаскивали в «школе». Я уже дал разрешение на отлов косяка. Тралы только крупноячеистые, молодежь не пострадает...

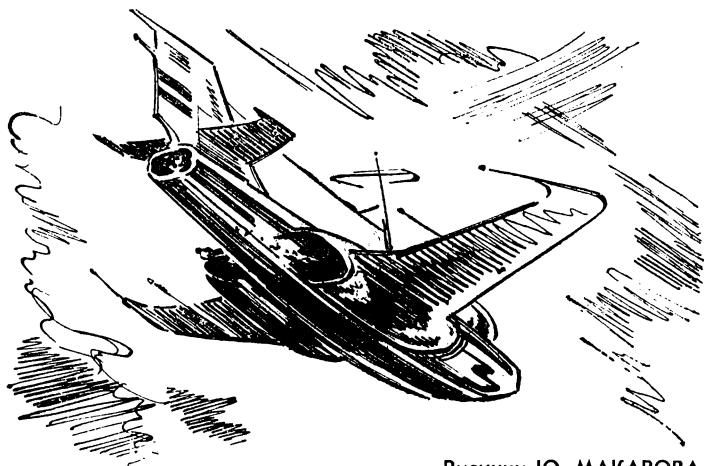
— Дело ваше... Да, Пит, одна просьба: скажи диспетчеру, чтобы поставил нас с Бэком в наблюдение, когда будут брать эту прорву... Хочу посмотреть — рыба-то моя все-таки.

— Идет, Фрэнк... Даю отбой.

— Охота человеку... Сам вне очереди напросился... — это проворчал сзади Бэк достаточно внятно, чтобы слышал командир.

— Ладно, старина, успеешь выспаться... Контрольное фото отправил?

— Отправил...

Рисунки Ю. МАКАРОВА

— Давай «трещотку». В хвост косяка, в середочку... Вот так!

Внизу метнулся полупрозрачный купол парашюта, и в океан полетело то, что Фрэнк назвал «трещоткой», — хитроумный ультразвуковой приемопередатчик, похожий на большую рыбу-прилипалу. Аппарат действительно прилипал к дельфиной стае и передавал пастухам и загонщикам команды оператора Базы. Дельфины, в свою очередь, докладывали оператору о своих делах на условном языке, который вместе с другими премудростями они изучали в специальной «школе».

Как-то раз Фрэнк забрел в такую школу вместе с экскурсией. Он, как и все, шумно восторгался необыкновенной сообразительностью «учеников», восхищался их дисциплиной и молниеносной реакцией на команды, несколько недоверчиво выслушал перечень многозначных цифр дохода, в которые вылилось мировому рыболовству «общение с младшими братьями человека», и до слез хохотал, когда двести торчащих их клювов, страшно скрипя, старательно вывели хором первый куплет «Гаудеамус игитур».

Но вышел из «школы» он почему-то разочарованный. Он долго не мог понять почему. И только потом разобрался: дельфины не вызвали у него уважения.

Прежде чем вернуться на Базу, Фрэнк описал над косяком прощальный круг.

В наушниках рокотал драматический баритон диспетчера: «Всем сейнерам и траулерам международной рыбокооперации, находящимся в квадратах... немедленно выйти на двустороннюю связь с базой «Поиск — двенадцать дробь пятьсот двадцать восемь...»

Под крылом «Флайфиша» прошел белый пузатый траулер, сердито раздувая под форштевнем седые пенные усы. На мостике стоял капитан, тоже белый и усатый. И настроение у Та-

раса Григорьевича, старейшины рыболовецкого клана, было сердитое. Провожая глазами самолет, он мрачно пришептывал:

— Пойду на пенсию... Ей-ей... Да разве это рыбалка? Срамота одна... Самолеты, дельфины... Стой, пока тебе сети рыбой набьют, и не трепыхайся...

— Таким образом, все началось со случайности, вернее, со случайного соединения ряда случайностей... Одиночество Нины, одиночество Уисса, пленка, запущенная не на ту скорость... Но главным звеном этой цепи было то, что запись на пленке оказалась скрябинской «Поэмой огня» — цветомузыкальным конспектом человеческой истории... С Уиссом впервые заговорили на понятном ему языке...

Карагодский шелохнулся в кресле, хотел что-то сказать, но передумал. Пан продолжал тихо, с нежностью деда, рассказывающего о школьных подвигах любимого внука:

— После этой ночи Уисс нас буквально замучил... Мы установили в акватории четыре стационарных магнитофона и непрерывно крутили записи... Он требовал только симфоническую музыку, причем со специфическим уклоном.

— Чем же еще поразил вас дельфин-меломан? — В голосе Карагодского проскальзывали нотки нетерпения и раздражения.

В открытые иллюминаторы каюты Пана попеременно заглядывали то серое небо, то серое море. С утра слегка штормило, но сейчас волнение почти улеглось. Изредка легкий ветер вздувал неплотно задернутую штору, и тогда в каюте повисала зыбкая морось.

Пан вздохнул.

— Простите, Вениамин Лазаревич. Возможно, это действительно лирика. Но эта лирика заставила нас по-новому взглянуть на дельфинов вообще и на наше с ними сотрудничество, в частности.

— Яснее.

— Я говорю о ШОДах...

— И о ДЭСПе?

— Да, я говорю о «Школах Обучения Дельфинов», о «Дельфиньем Эсперанто» и о многом-многом другом, что исправить гораздо труднее. Конечно, как первый этап исследований... Пожалуй, никого нельзя винить в том, что так получилось. Хотя...

— Винить?!

Спокойствие изменило академику. Низкое кресло заскрипело отчаянно, и Карагодский поднялся над Паном, красный, тяжелый, налитый негодованием и обидой.

Он провел дрожащими пальцами по лацкану пиджака.

— В чем же вы могли бы меня винить, дорогой мой Иван Сергеевич? В том, что я первым — первым! — перешел от слов к делу и занялся приручением дельфинов? В том, что я первым — первым! — поставил это дело на научную основу и организовал первую — первую! — школу для дельфинов, где вместо любительской дрессировки этих животных обрабатывали единственно правильными методами? В том, что разработал способ общения человека с дельфином, — условный язык команд и отзывов, который потом называли «дельфиним эспе-

ранто»? В том, что отдал этой работе без малого десять лет? В том, что общество получило благодаря мне миллионы рублей дохода?..

Голос Карагодского рокотал в каюте, как весенний гром, а Пан тоскливо глядел в иллюминатор. Дождь кончился, самое время работать, а на душе — слякоть... «Ну что за человек такой непутевый... Я... Первый... Заслуги... Действительно — первый. Действительно — заслуги. Не какой-либо горлохват — крупный ученый с мировым именем, бульдожья хватка, колоссальные организаторские способности. И все-таки все время ему мерещатся подвохи, кажется, что его недостаточно хвалят, недостаточно высоко ставят... Комплекс неполноценности какой-то... А ведь умный человек...»

— ...И более чем странно, я бы сказал, неуважительно слушать мне такое, Иван Сергеевич, от вас, от человека, который в дельфинологии, простите, профан...

— Да бог с вами, Вениамин Лазаревич, я никак не покушаюсь ни на ваш опыт, ни на вашу славу...

— Нет, вы покушаетесь! Покушаетесь на все основы, призывая вернуться к...

— Довольно! Садитесь!

И Карагодский сел. Сел торопливо, почти испуганно — сработал старый полузабытый рефлекс. Сел на краешек кресла, как на краешек студенческой скамьи. Как в те далекие времена, когда он, академик Вениамин Карагодский, был просто Веником из четвертой подгруппы, а Пан — самым молодым профессором университета.

— Вот так. А теперь постарайтесь выслушать и понять, что я вам скажу.

Пан зябко повел плечами и тоже сел.

— Раньше многое казалось проще, чем сейчас. Человек все-рез считал себя единственным и самодержавным «царем природы». Ну а царю все позволено. Возникла идея приручить дельфина. Выгодно это человеку? Еще как! Начинается работа — и выясняется, что дельфин не просто животное, а «почти разумное животное», с которым в отличие от сухопутных «слуг человека» можно наладить двустороннюю связь, общаться. «Так это же сущий клад!» — восклицает человек и берется за дело всерьез, со свойственным ему размахом и напористостью. И вот уже сотни, тысячи «ручных» дельфинов отслеживают для человека рыбы стаи, пасут их «до кондиции», гонят к траулерам, загоняют в сети... Покорные, безобидные, готовые на все ради человека...

— Не понимаю вашей иронии, Иван Сергеевич.

— А если дельфин действительно разумное существо?

— Ну, знаете, профессор. Этак можно бог знает до чего договориться... Этак я со своим бульдогом на «вы» разговаривать буду — на всякий случай...

— Не передергивайте, Карагодский. Разумность в том и состоит, чтобы предвидеть последствия своих действий. Я не хочу, чтобы потомки краснели за нас, как мы краснеем за своих предков, истреблявших тех же дельфинов ради технического жифа...

— Мы обращаемся с дельфинами вполне гуманно...

— Вот именно — гуманно! То есть по-человечески! А ведь это слово имеет смысл только в отношениях между людьми, как вы не можете понять! А как измерить отношения между человеком и иным кругом чувств и понятий, иной цивилизацией, в конце концов? То, что хорошо и выгодно для человека, может быть невыгодно для иного разумного существа. Даже смертельно опасно, если хотите... И наоборот.

— Это уже схоластика, дорогой Иван Сергеевич.

— Это было схоластикой десять лет назад, Карагодский. А сейчас это уже проблема, которую надо решить во что бы то ни стало. И решить сегодня — откладывать на завтра уже поздно.

— Не слишком ли...

— Не слишком. Хотите, я вам кое-что покажу?

И Пан вышел из каюты.

Тарас Григорьевич так и не спустился в радиорубку с капитанского мостика. Он только велел радисту прицепить к переговорному корабельному устройству допотопные лопухообразные наушники, дабы «быть в курсе» распоряжений Базы. Подобная вольность разрешалась уставом только в случае «крайней необходимости», но кто укажет точно, где у необходимости край?

Быть на мостике Тарасу Григорьевичу было сейчас крайне необходимо. Выбранный до глянца, благоухающий одеколоном «Олеся», в туго накрахмаленном и отутюженном парадном кителе, он небрежно бросал в микрофон хрипловатые древние команды, стараясь не замечать, что они выполняются несколько раньше, чем он успевает их отдавать.

Траулер «Удачливый», поминутно сигналив, переваливаясь с боку на бок и вздымая лихие шлейфы то справа, то слева, пробирался к своему законному месту — в голову флотилии, между «Полтавой» и «Червонным прапором». Раньше, когда экономно и быстро «взять косяк» могли только опытные мастера, никто не мог делать это лучше «Тарасовой тройки». Искусно поставленные ими сети «снимали пенку», гасили скорость стаи, нарушали ее монолитность, прокладывая дорогу следующим судам.

Теперь рыбацкие хитрости были ни к чему: дельфины-загонщики проводили все операции лучше старого Тараса. Но нет ничего живучей морской традиции, и траулер «Удачливый» вопреки новым правилам занимал место не в хвосте, а впереди, рядом с траулерами-гигантами.

Тарас придирчиво осмотрел соседние суда. Взгляд его заскользил вдаль, по всей наскоро собранной, разнокалиберной и пестрой флотилии, и мысли его приняли иное направление. «Сбежались, соколки, на готовенькое... Рты разинули и ждут, когда туда галушка заскочит...»

А погода быстро менялась. От хмарного утра, от мглистого противного дождичка не осталось и следа. Море пошло пятнами, то там, то здесь возникали золотисто-голубые лужайки, а разорванные облака мельчали и рыжели по краям. День помаленьку набирался солнца, а солнечным днем все выглядит иначе, чем пасмурным утром.

— Та-рас Гри-го-рич!

Радист выглянул из иллюминатора рубки и возбужденно пошлепал себя по ушам. Капитан, почуяв неладное, торопливо надел наушники прямо поверх фуражки.

В эфире был переполох. Капитаны, забыв устав радиосвязи, говорили, не называя себя; а диспетчер, тоже уставу вопреки, отбивался от них как мог.

— Я же в сотый раз повторяю: косяк неожиданно изменил курс, где он теперь — можно только гадать...

— А «трещотка»?

— Выбросили они «трещотку». Угнали и выбросили...

— Что вы сказали? — переспросил кто-то по-английски.

— Я говорю, выбросили они «трещотку». Как известно, «трещотка» автоматически следует за голосами дельфинов. Так вот они пошли на трюк — все стадо замолчало, а один поднял крик и полным ходом в сторону. «Трещотка» — за ним. Отвел он ее подальше и бросил... Мы послали туда отряд своих загонщиков с новой «трещоткой». Как только дошли до косяка — та же история. «Трещотку» выбросили, сами не вернулись...

Кто-то одобрительно хохотнул, кто-то начал ругаться. Тарас Григорьевич все понял, и сладкая, беспокойная думка завладела его седой головой, набирала силу, дразнила.

Но сначала надо было кое-что проверить.

— «Удачливый» — Базе. Где там наука? Что примолкла? Дельфи... как это... Штейн, словом, что там поделявает?

— База, Штейн, прием.

— «Удачливый» — Штейну. Так что теперь делать будем? Уходит рыба-то...

— Не знаю, что делать, Тарас Григорьевич. Ума не приложу. Такого с дельфинами еще нигде и никогда не было. Бывало, не слушали команд или неправильно их понимали. Случалось, ни с того ни с сего отказывались работать и уплывали. Но это были единичные случаи. А чтобы такое — нет, ничего не понимаю. На «трещотку» руку поднять!

— Врешь, Штейн, у дельфина рук нет.

— Вам шутки... А ведь это бунт! Форменный, ничем не оправданный бунт против человека! Они угоняют косяк, как заправские пираты! А наших загонщиков, видимо, взяли в плен...

— Словом, дело труба с научной точки зрения?

— Труба.

И тут Тарас Григорьевич понял окончательно, что пробил его звездный час.

И он рывкнул в эфир, настороженно прислушивающийся к их разговору:

— Что, коты, разучились сами мышей ловить? А если по-старому, без мышеловок этих, а? Собственными лапками да зубами, а? Или зубы повыпадали?

«Коты» озадаченно молчали, и Тарас Григорьевич расправил перед микрофоном усы:

— «Удачливый» — Базе. Предлагаю брать косяк без дельфинов, с ходу, по-старому. Примерный курс косяка известен, надо послать туда пару самолетов. И пусть они следят за кося-

ком до нашего прихода. А я поведу флотилию наперерез. Прощу дать «добро».

И даже своего золотошитую фуражку снял Тарас Григорьевич в ожидании ответа — так волновался. Вдруг не удастся тряхнуть стариной, утереть нос Штейну и прочим, для кого старый Тарас вроде мамонта в электронной лаборатории. А дельфины... Они тоже рыбаки. Они поймут...

База дала «добро».

Карагодский искал глазами Пана. Ему хотелось сказать что-то значительное, неопровержимое, что раз и навсегда приперло бы к стенке нескладного профессора. Но хитрый старик все время находил лазейки. Впрочем, это не страшно. Хозяйственники не читают теоретических монографий по биологии. Этим по горло занятым людям нужно одно: любой ценой увеличить выход продукции. И они будут слушать Карагодского, который оперирует понятными категориями тонн и рублей, а не Пана, витающего в морально-этических высотах.

А Пана все не было, и академик недоуменно покосился на дверь. С никелированной ручки свисал синий ситроновый галстук. Если бы профессор незаметно вышел, галстук свалился бы.

Несуразный человек этот Пан. Анекдоты и легенды прямо-таки липнут к нему, тянутся за ним, как тесто за пальцами.

Вот хотя бы этот выдавший виды галстук. Выражение «галстук Пана» стало расхожим присловьем. Один не лишенный юмора конструктор даже назвал «галстуком Пана» сложный космический прибор.

Много лет, еще с университета, Пан снимает галстук, начиная работать, и вешает его на дверную ручку. Где бы он ни работал — в «люксе» международной гостиницы или в кабине вездехода, ползущего сквозь австралийскую пустыню, — старый галстук висел на страже, оберегая хозяина от бытовых невзгод.

Карагодский подозрительно окинул взглядом большие овальные иллюминаторы, но там качались только спаянные горизонтально небо и море. Пан, конечно, способен на все, но он не умеет плавать.

Академику ничего не оставалось, как изучить со своего кресла нехитрую топографию каюты.

Он сидел у самой двери, и все небольшое пространство было перед ним как на ладони: рабочий стол Пана прямо под распахнутым иллюминатором, на столе, между разбросанными бумагами, таблицами и голографиями — изящный ящик теледиктофона «Память», небрежно перевернутая панель дистанционного управления корабельным видеофоном, наборный диск стереопроектора Всесоюзного нооцентра, который ровно через три с половиной секунды давал справку по любой отрасли человеческих знаний, — словом, ничего необычного, если не считать толстенной старинной книги, смахивающей на библию, и каких-то диковинных статуэток еще более древнего возраста.

По обеим сторонам стола матовые пятна экранов: большой — видеофон, два поменьше — стереопроекторы Центра, а вот этот овальный, ошметнившийся тысячами граней рубиновых кристаллов — для просмотра голографических фильмов...

Кстати, сам проектор, примостившийся на подвижной тумбочке справа от круглого винтового стула, открыт. Видимо, Пан перед приходом Карагодского просматривал ролик.

И больше ничего, кроме стеллажа с книгами, портативного электрооргана (неужто Пан под влиянием Уисса стал музицировать?) и двух кресел, одно из которых занимал академик, — и все отражает большая зеркальная стена, словно свидетельствуя наглядно и окончательно, что никого, кроме Карагодского, в каюте нет.

— Иван Сергеевич, где же вы?

Пан возник рядом, держа под мышкой коробку голофильма, непонимающе повел глазами с растерянного академика на свое отражение и усмехнулся.

— А... Зеркало...

Он протянул руку, и, когда его пальцы встретились с пальцами двойника, пространство раскололось широкой щелью сверху донизу, открывая за зеркалом другую комнату.

— Я с этим зеркалом намучился в свое время, — продолжал профессор, заправляя фильм в проектор. — А потом привык. И даже стал видеть в нем скрытый философский смысл, своего рода знамение, что ли.

«Ох, Пан, даже разбив нос о зеркало, он видит в этом скрытый философский смысл. Как был идеалистом, так и остался». Подумалось это Карагодскому с явным облегчением, ибо исчезновение объяснилось просто. Необъяснимого академик не любил, даже побаивался.

— Уж эти мне зеркала... Везде они, эти услужливые обманщики. Вот мы с вами разговариваем, а между нами — зеркало. И мы видим в чужом мнении лишь искаженное отражение своего собственного. И не можем понять друг друга, ибо искренне считаем свое собственное мнение единственно правильным...

Профессор захлопнул крышку проектора.

— Вы интересуетесь космосом, Вениамин Лазаревич?

— Космосом? Да как вам сказать... Пожалуй, нет. Вышел из того возраста. Дела. Не хватает времени на все... Столько нового...

— Жаль. Космос, если хотите, тоже зеркало. Огромное увеличивающее зеркало, в котором земные достижения и ошибки, наши чисто человеческие заблуждения и наития приобретают глобальный отзвук...

— Вы этолог, Иван Сергеевич, это ваш хлеб — выяснять, отношения животных друг с другом, а также с человеком. Мой хлеб — дельфинология, меня интересуют дельфины, больше никто и ничто. Я сугубо земной человек, узкий специалист, практик. Я создал ШОДы и ДЭСП, они стали частью хозяйства. Статьей дохода, если хотите. И немалого. И нам с вами не бороться с ними надо, а совершенствовать. Как говорится, чтобы и волки были сыты, и овцы целы... Вы что улыбаетесь?

В середине этой тирады Пан оторвался наконец от иллюминатора и повернулся к академику, и теперь рассматривал его в упор, с живейшим и насмешливым интересом.

— Ничего, Карагодский, продолжайте. Я первый раз вижу вас в роли бедного родственника.

— При чем тут бедный родственник? Я слуга. Слуга народа. Все, что я делаю, принадлежит народу, и никому более...

— Я могу повторить то же самое и о себе. Дальше!

— Вам, чистым ученым, наши проблемы и заботы кажутся частными, мелкими. Еще бы — вы мыслите в масштабах глобальных, космических...

— Понял. Дальше!

— А здесь — Земля. Здесь свои традиции и законы.

— Значит, вы предлагаете установить две моральные нормы: одну для внутреннего употребления, другую для внешнего. Карагодский прикусил губу, передохнул. Профессор снова тянет в болото философии. В ней он дока, ничего не скажешь. Но и Карагодский не зря получил звание академика.

— Сдаюсь, Иван Сергеевич, сдаюсь. Наш с вами спор напоминает поединок Геракла с Антеем. Вы — Геракл в своей области, отдаю вам должное. А я — грешный сын Земли, стоит вам оторвать меня от нее, вы можете задушить меня, как цыпленка. Прошу пощады. Или ваше великодушие касается только животных?

Великая штука — лесть. Даже железный Пан помягчел, заулыбался смущенно, сел в кресло, внезапно успокоенный.

А Карагодский продолжал вкрадчиво:

— Конечно, наши проблемы мелковаты...

— Вениамин Лазаревич, не нравится мне это «наши», «ваши». Мы с вами, как говорится, в одной лодке...

— Вот именно, Иван Сергеевич, вот именно. Но чтобы изложить вам свои заботы, я тоже должен вернуться к событиям двухлетней давности. Вы помните, как попал к вам Уисс?

— Разумеется! Вы мне как-то сказали, что в одном из ШОДов появился некий феноменальный образец, возможно, мутант, и вы не знаете, что с ним делать, потому что он перебаламутил всю «школу». Я забрал его себе, в лазаревскую аквариумную, и вот... Кажется, я уже неоднократно благодарил вас за такой подарок, но если надо...

— Да что вы, Иван Сергеевич, я не о том! Мы действительно не знали, что с ним делать... Дело в том, что он не только перебаламутил, но и разогнал весь 108-й ШОД — все дельфины, как один, покинули школу. А Уисс остался. И вел себя так, что у ночного сторожа начался психический стресс: он то слышал какую-то неведомую музыку, то непонятные слова, то видел каких-то чудищ и множество морских звезд, которые танцевали на дне бассейна. Мы пытались выгнать Уисса, даже ультразвуковую сирену включали, но он упорно лез к людям...

— Интересно... Вы знаете, это потрясающе интересно! Что же вы мне тогда ничего не сказали? Мы бы не блуждали так долго в потемках!

— А что я мог сказать? Что поймал сумасшедшего дельфина?

— Как раз это вы и сказали. А вот про сторожа...

— При чем тут сторож?

— Ну, хорошо, теперь это не имеет значения. А что дальше?

— А дальше... Вам лучше меня известно, что у дельфинов

нет вожаков. Полная, так сказать, демократия без границ и края.

— Ну, не совсем...

— Да, в дельфиньем стаде живет одновременно 10—12 поколений, и в минуту опасности или просто в необычных обстоятельствах старшие самцы и самки берут руководство на себя...

— То есть стадом руководят опыт и разум, а не сила, как в животном мире. Да и в человеческом до недавнего времени...

— Да-да... Но в обычной обстановке вожаков в стаде нет. Так?

— Так.

— Но вот появляется Уисс — и все меняется. Достаточно ему свистнуть — стадо в двести голов, рискуя жизнью, перелетает через оплетенную колючкой стенку бассейна и уходит в открытое море...

— На стенке — колючая проволока?!

— Колючая проволока предназначается для касаток, которые могут запрыгнуть в бассейн, — мы защищали дельфинов!

— Все равно... А, ладно, что спорить. Продолжайте.

— Я, собственно, уже почти все сказал. Связано или не связано это с появлением Уисса — не знаю, но в последние два года дельфины стали сторониться ШОДов. Участились случаи бегства и неповиновения. Больше того — несколько раз дельфины отказывались загонять косяки.

— А вы спросили их «почему»?

— В ДЭСПе нет такого слова... Но я, кажется, начинаю догадываться почему. У дельфинов есть вожаки. Сколько их — неизвестно. Но они есть. И они настроены против человека. Они намеренно вызывают беспорядки в ШОДах, провоцируют неповиновение и бегство в открытое море. Все остальные дельфины слепо им повинуются... Я никому не говорил до сих пор о своих догадках. Вы первый, с кем я делюсь...

— О, Карагодский, вы неисправимы...

— Погодите. Вы единственный, кто сейчас может помочь, Иван Сергеевич. Не мне, а всему нашему общему делу. Вы наладили контакт с Уиссом, и это очень обнадеживает. Надо приручить вожаков, заставить их действовать не против нас, а за нас. Тогда мы получим поистине неограниченную власть над дельфиньим племенем. Вам не нравятся ШОДы — реорганизуем их. Вам не нравится ДЭСП — будем действовать музыкой. Но подумайте, какие перспективы!

— Перспективы... — В глазах Пана задрожали синие угарные огоньки. — А я вот не могу обещать никаких перспектив. Одни только неприятности, да и то если повезет. А вы мне предлагаете ни больше ни меньше как роль дельфиньего диктатора! Как тут не согласиться?!

— Вы на самом деле согласны?

— Согласен! Но с одним условием — сначала я доведу до конца то, что задумал, ради чего работал, ради чего мы сегодня на борту «Дельфина». И если после всего вы повторите свое предложение, я соглашусь.

— Чего же вы хотите, если не секрет?

— Теперь не секрет. Я хочу доказать существование дельфиньей цивилизации, гораздо более древней, чем человеческая. Я хочу доказать, что у нашей планеты не один, а много хозяев. Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться, чтобы оглянулся вокруг глазами мыслителя и художника, а не голодного дикаря. Я хочу...

Затрещонил корабельный видеофон. Рука Пана, взлетевшая в патетическом жесте, метнулась к панели. На экране появилось взволнованное лицо Нины:

— Иван Сергеевич, скорее, Уисс...

Она заметила Карагодского в кресле, замялась, смутилась и вопросительно глянула на Пана.

— Говорите, Ниночка, говорите. Вениамин Лазаревич почти в курсе дела. Что стряслось?

— Уисс вызывает вас.

— Как, уже?

— Да. Он очень торжественный и загадочный — передает в основном в синих и лиловых тонах. Мы подошли к какому-то острову, и Уисс попросил бросить здесь якорь.

— Бросить якорь?

— Конечно, — Нина засмеялась. — Он показал нам якорь и как он падает в воду. Очень просто.

— Хорошо. Сейчас мы с Вениамином Лазаревичем придем.

Профессор глянул на Карагодского, потер лоб.

— О чем это я? Да, ШОДы в таком случае отпадут сами собой. А ДЭСП на первых порах может пригодиться... Впрочем, это уже детали...

Пан засуетился вокруг стола, собирая записи. Сейчас он больше, чем когда-либо, походил на одержимого — растерянный, с трясущимися от волнения пальцами.

Цивилизация дельфинов! Ай да профессор! Любопытно будет полюбоваться.

И снова увидел Карагодский немигающие глаза своих подопытных, и что-то вроде страха шевельнулось в душе — а вдруг...

Карагодский неохотно поднялся из уютного кресла, оправил костюм, пригладил волосы перед зеркалом. «Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться...» Чудак. Музейный экспонат.

— Иван Сергеевич, если это не такая большая тайна, то куда мы все-таки плывем?

— Это не тайна.

Пан наконец собрал свои бумаги.

— Это не тайна, Вениамин Лазаревич. Я сам не знаю. Нас ведет Уисс.

Профессор снял с дверной ручки галстук и, сунув его в карман, открыл перед Карагодским двери.

Фрэнк Хаксли томился от безделья. Он ждал вызова диспетчера и не уходил из дежурки. Вызов почему-то запаздывал. Бэк, не разделяя нетерпения командира, спал в кресле naast праведника. Пилоты резерва разбрелись по Базе кто куда.

Изучив улыбки девушек всего мира на потертых журнальных обложках, Фрэнк вытащил из комбинезона бобину с заветной лентой. Уже переключив видеофон на «Воспроизведение» и поставив запись, пилот заколебался было, глянув на Бэка. Но, решив не без оснований, что помешать сну помощника может только атомный взрыв, он с бьющимся сердцем включил фильм.

«Межзвездный вампир» — кровью полоснула по экрану надпись, и Фрэнк Хаксли как бы перестал существовать...

Он увидел аборигенку, затаившуюся в густой, пряно пахнувшей листве. Ее мучил страх. Грязно-коричневые смрадные тучи едва не задевали верхушку дерева. Тяжелым душным покрывалом колыхались они над лесом, и дрожащий свет едва просачивался вниз. Было жарко, воздух, насыщенный испарениями и стойким запахом гнили, был неподвижен, и неокрепшие легкие, казалось, вот-вот лопнут, не выдержав судорожного ритма дыхания.

Встрепенувшееся ухо уловило приближающийся хруст. Через минуту хруст превратился в треск ломающихся огромных деревьев.

— Межзвездный вампир...

Задрожала земля, дерево, на котором сидела аборигенка, резко качнуло. Надо было спасаться. Прижавшись к стволу, неслышно проскальзывая сквозь путаницу лиан, аборигенка спустилась вниз, поскользнувшись и едва не свалилась в топь. В тот же миг у горла лязгнули страшные челюсти, и продолговатая голова пронеслась над нею, испачкав чужой кровью.

Аборигенка хотела метнуться назад, но застыла, парализованная ужасом, — дорога назад была отрезана. С трех сторон протяжно ухала непроходимая топь. Вампир стоял, пружиня на непомерно больших грязных лапах, а маленькие передние мелко дрожали, готовясь схватить добычу.

И вдруг что-то произошло. Чудовище взвыло и прыгнуло. Раздался страшный грохот, и топь качнулась. Громадное тело, содрогаясь, провалилось куда-то. А рядом с аборигенкой на бревне стоял вездесущий Гарри — в золотистом облегающем скафандре без шлема, с дымящимся бластером в мускулистых руках.

— Ах, — сказала аборигенка и упала Гарри на грудь.

— Ах...

Кто-то схватил его за плечо. И Гарри, стараясь не испугать аборигенов Цереры, вылезших из джунглей посмотреть на труп Межзвездного Вампира, медленно повернулся...

— Идиот... Очнешься ты наконец?

Фрэнк Хаксли уставился на Бэка, не понимая и не принимая его слов.

— Командир, да проснитесь вы... Вызывают нас...

— Куда?

— Как куда — за косяком. Сами напросились.

Динамик громко кричал:

— Экипажам «Флайфиш-131», «Флайфиш-140», «Флайфиш-15» явиться немедленно в Главную рубку для получения инструкций... Перед вылетом получить разъяснения у дельфинолога Штейна... Вылет — через полчаса... Экипажам «Флайфиш-131»...

— Подожди, Бэк. Там что-нибудь случилось?
— Не знаю, шеф. Говорят, дельфины взбунтовались. Угнали косяк, и теперь надо его разыскивать...
Хаксли вынул из уха наушник и сладко потянулся.
— Надо же. Вот черти!
Он с сожалением взглянул на видеофон, все еще горящий кровавыми красками, и заключил:
— Надоело это все: дельфины, косяки... Нет, на старушке Земле романтики, давно нет...
— Сами напросились, — бубнил Бэк, захлопывая дверь дежурки. — Никто нас не заставлял...
Они шли по темному винтовому коридору. Хаксли молчал. Он чувствовал себя виноватым и несчастным.

5. ПРЕРВАННАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Центральная лаборатория, или, как величал ее Пан, «операторская», располагалась на полубаке. Три стены и потолок были сделаны из прозрачного, почти невидимого поляризованного стекла, и большой, суженный к носу зал казался выдвинутой в море площадкой. В хорошую погоду боковые стены и потолок убирали, и лаборатория на самом деле превращалась в площадку, защищенную от встречного ветра и взлетающих из-под форштевня брызг плавным выгибом передней стенки. Сейчас были убраны только боковины, а потолок, в толще которого по мельчайшим капиллярам пульсировала цветная жидкость, превратился в желто-зеленый светофильтр.

Впрочем, ослепительную улыбку Гоши, молоденького капитана «Дельфина», не могли погасить никакие светофильтры. Он небрежно бросил под козырек два пальца и лихо отрапортовал Пану:

— Шеф, все нормально. Координаты — 36 градусов 10 минут северной широты и 25 градусов 42 минуты восточной долготы. Лоцман требует отдать швартовы у этого каменного зуба. Жду приказаний.

Первую неделю плавания — первого самостоятельного плавания после окончания мореходного училища — Гоша провел в неприступном одиночестве на капитанском мостике. Его новенький китель вспыхивал там с восходом солнца и гас на закате.

Через неделю гордое одиночество приелось общительному капитану. Его немногочисленная команда — штурман-радист, механик и два матроса — отлично несла службу, штормы проходили стороной, приборы работали безукоризненно, и вот позади осталась ленивая зыбь Черного моря, узкое горло Босфора, и утренним маревом встало Мраморное море.

Словом, вторую неделю бравый кэп провел на верхней и нижней палубах. С видом суровым и занятым он бесцельно слонялся среди своего налаженного хозяйства, искоса наблюдая за суматошными буднями «ученой братии». Ученые оказались отличными ребятами, и поэтому однажды капитан не выдержал, снял китель и фуражку, засучил рукава и стал

помогать аспиранту Толе опускаться за борт какую-то замысловатую штуковину, похожую на большого ежа.

Но окончательное «падение» капитана произошло в начале третьей недели, когда он впервые переступил порог «операторской». С тех пор штат центральной лаборатории увеличился на одного добровольного ассистента.

Вот и теперь Гоша был первым, на кого наткнулись Пан и Карагодский, едва открыв дверь операторской.

— Стоп! Назад помалу, — в тон Гоше ответил Пан. — Сначала обстановку. Что это за остров?

— Остров? — Гоша презрительно сощурился. — Вы считаете это островом, шеф? Да этого камушка нет, наверное, даже в лоции... А название... Впрочем, сейчас скажу точно...

Островок на самом деле был неказистый. Даже не островок, а невысокая конусообразная скала, сверху донизу поросшая темно-зеленой непролазной щетиной колючих кустарников и трав, из которой робко тянулись редкие кривые стволы дикой фисташки, кермесового дуба и земляничного дерева.

Ветер тянул слева, со стороны скалы, и к привычным запахам моря примешивались пряные, дурмящие ароматы шалфея, лаванды и эспарцета — словно открылись внезапно ворота большой парфюмерной фабрики.

Гоша с треском захлопнул объемистый телеблокнот с голубым эластичным экраном — последнюю новинку изменчивой моды — и снова повернулся к Пану, который с любопытством продолжал изучать остров. Этот зеленый конус напоминал ему что-то мучительно знакомое...

— Согласно самой последней лоции Эгейского моря этот каменный прыщ именуется весьма величественно и совершенно непроизносимо — дай бог силы! — ОНРОГКГА-989681, что в переводе на нормальный язык значит «Отдельный надводный риф островной группы Киклады Греческого Архипелага...». А шестизначная цифра означает не что иное, как порядковый номер этого самого ОНРОГКГА среди подобных ему чудес природы. На месте нашего уважаемого лоцмана я бы выбирал стоянки посимпатичней. Тем более что пришвартоваться к этому чуду нет никакой возможности — он круглый, как медуза.

— Действительно, круглый... — задумчиво пробормотал Пан, последний раз внимательно оглядывая островок, и шагнул к Нине. — Ну, что Уисс? Передавал еще что-нибудь?

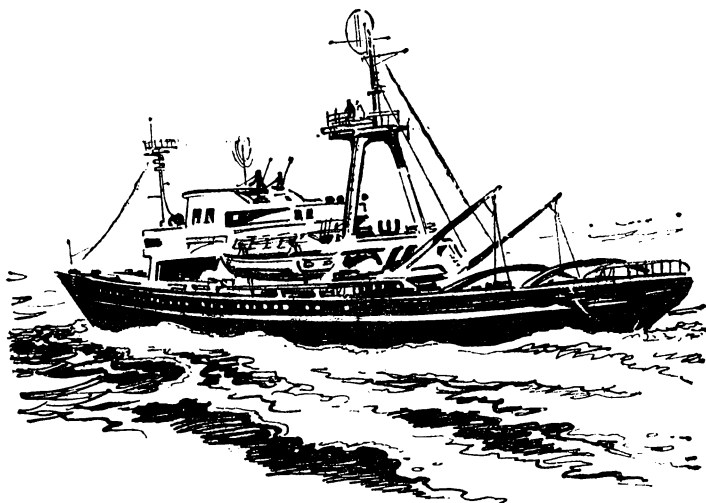
— Вот последняя запись, Иван Сергеевич...

Нина и Пан наклонились над контрольным окном видеомониторного экрана, слышались свисты, то похожие на обрывки странных мелодий, то режущие ухо диссонансами. По лицам профессора и его ассистентки заскользили тени. Гоша тоже уставился в окошко, все трое о чем-то говорили вполголоса. Расспрашивать, о чем они говорят, Карагодскому не хотелось, поэтому академик, прислонившись спиной к стене и упираясь обеими руками в трость, разглядывал «операторскую».

Академик заходил сюда три недели назад и остался весьма доволен скромным изяществом и своеобразным уютом лаборатории: поблескивали никелем и пластиком новенькие пульта, с мягким щелчком появлялись на них выдвигающиеся полуова-

лы экранов, стояли динамические кресла, услужливо повторявшие любую позу человека...

Но сейчас от благолепия центральной лаборатории ничего не осталось. Скрытая проводка была безжалостно выворочена из стен, внутренности пульта вывернуты, и защитные щитки кучей валялись под ногами. Разноцветная паутина кабелей либо висела над головой на каких-то самодельных прищепках, либо

путалась под ногами. Чудесные покойные кресла были заменены какими-то легкомысленными стульчиками. Лишь одно кресло осталось — на самом носу, чуть ли не над водой, но и его буйная фантазия электроников превратила во что-то среднее между электрическим стулом и высокочастотным душем. Других ассоциаций таинственное сиденье с параболой антенны на спинке не вызывало. А тощие ноги того, кто устроил весь этот погром — трижды безответственного аспиранта Толи, — торчали из бывшего электрооргана.

— Готово!

Толины ноги беспомощно заскребли по полу, зацепились за стойку винтового стула, судорожно согнулись — и Толя, в одних плавках и в белом распахнутом халате, накинутаю прямо на жилистое тело, оказался перед Карагодским.

— А, это вы. Привет! Пришли пощупать наше хозяйство? Давайте, давайте! Давно пора. Пан с Ниночкой тут такую чертовщину крутят, что ахнешь. Даже меня в пот вогнали. Но вы смотрите Пана не обижайте! Он бог! В своем деле, конечно...

Решил, что разговора «для вежливости» с Карагодского впол-

не достаточно, Толя прикрикнул на троицу, склонившуюся над видеомагнитофоном:

— Эй, орлы! Хватит баланду травить! Моя система готова к переговорам на высшем интеллектуальном уровне! Начали, что ли?

И поскольку Пан, Нина и Гоша не обратили на него никакого внимания, он взял на электрооргане несколько пронзительно высоких звуков, от которых мгновенно заложило уши:

— У-и-с-с!

И тотчас же словно ответило далекое эхо — такой же аккорд, слегка погашенный расстоянием, донесся из-за острова.

А двумя минутами позже справа по борту из голубой кипени бесшумно вырос трехметровый зеленовато-коричневый столб. Карагодский за свою жизнь немало посмотрелся на дельфинов, но это всегда поражало — гигант, весящий в воздухе не меньше тонны, без видимых усилий стоял на хвосте, погруженном в воду, словно для него не существовало законов физики. По очереди глянули на академика два озорных глаза, скользнули по лаборатории и снова остановились на нем, разглядывая, — внимательные, немигающие. На самом дне их царила такая нечеловеческая, спокойная сила, такое пронзительное понимание, что Карагодскому невольно захотелось отвернуться.

— Уисс, миленький, рыбки! Бе-лу-га!

Гоша перегнулся через фальшборт, молитвенно протягивая Уиссу перевернутую капитанскую фуражку. Уисс открыл клювообразный рот и скрипуче захохотал, вибрируя напряженным телом.

— Гоша, сколько у вас было в школе по географии? Вы же знаете, что в Эгейском море белуги нет.

— В Греции все есть, Ниночка, — убежденно ответил Гоша.

Дельфин исчез внезапно, как и появился, а Нина всерьез напустилась на капитана:

— Вечно вы, Гоша, нарушаете программу! Вы же вчера обещали прекратить, а сегодня снова. Вдобавок при Вениамине Лазаревиче, а ему, быть может, некогда...

Гоша виновато расшаркался. Пан в одиночестве принялся гонять видеозапись, не замечая ничего вокруг.

Академик хотел было подойти к Пану, но в это время раздался сильный всплеск, и что-то большое, серебристое пролетело перед самым носом, глухо шмякнулось на пол.

— Нина... Белуга! Честное слово, белуга! Молоденькая! Крошка!

«Крошка» метровой длины яростно билась в цепких Гошиных руках, разевала зубастый полулунный рот и отчаянно раздувала жабры.

— Что случилось? — поднял голову Пан.

— Уисс принес белугу! Ну и ну! Артист... Спасибо, старик! Мы ее сейчас того... до камбуза!

И Гоша ринулся вниз, едва не сбив по дороге какого-то очень высокого, очень худого и очень смуглого человека, который предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Вот заполоха, — одобрительно ухмыльнулся Толя. — Так, Иван Сергеевич, у меня все на мази. Можно крутить!

— Ладно, Толя, спасибо. Где же Кришан?

— Я давно здесь, — раздался за спиной Карагодского глубокий чистый баритон. — Я готов. Давно готов.

— Композитор Кришан Бхаттачария, — торопливо представил Пан смуглого Дон-Кихота. — Наш главный лингвист и толкователь дельфиньего эпоса. Вам интересно будет поговорить с ним, Вениамин Лазаревич.

И Пан юркнул в путаницу проводов, как в джунгли.

— Вам, вероятно, несколько странно присутствие гуманитария в сугубо научном обществе. — Кришан говорил с легким акцентом, который подчеркивал необычную красоту его голоса.

— Откровенно говоря, да...

— Я вас знаю. Вы автор ДЭСПа. Но мистер Панфилов пошутил, назвав меня лингвистом. Я всего лишь музыкант. И очень смутно представляю себе научную суть проблем, которые здесь решаются.

— Хочу вас спросить. Я десять лет искал возможности двусторонней связи с дельфинами. И я сразу, разумеется, обратил внимание на то, что они прямо-таки шалеют от музыки. Услышав музыкальную фразу, они повторяют ее с магнитофонной точностью, потом начинают варьировать звуки, пока фраза не превратится в сплошной скрип и скрежет...

— А вам не приходило в голову, что дельфин старается таким способом понять, что сказали вы музыкальной фразой?

— Нет. Не приходило. Музыка для меня — это игра отвлеченных эмоций, и только.

— В какой-то мере вы правы. Именно так воспринимает музыку большинство людей. Потому что в обыденной жизни они пользуются иной сигнальной системой — словом. Но для музыканта музыка гораздо конкретней, чем обычно думают. Знаете, в консерватории мы иногда ради шутки устраивали «немые недели» — участники спора договаривались за всю неделю не произнести ни слова, объясняться можно было только музыкальными импровизациями. И знаете, получалось! Слово родился дельфином!

— Дельфином?

— Простите, я, быть может, путаю какие-либо научные тонкости, но так мне объяснял Пан — у дельфинов несколько сигнальных систем: одна подсобная, что-то вроде нашего упрощенного словесного языка, вторая — творческая, непосредственный обмен мыслями... Есть и другие, например, пентаволна, которой занимается Нина... Но я занимаюсь второй системой; музыкой, мыслями Уисса. И мы с ним неплохо начинаем понимать друг друга...

— Следовательно, вы считаете, что дельфины мыслят непосредственно музыкальными образами? Как композиторы?

Кришан не уловил тонкой иронии, которую вложил академик в свой вопрос. Он хрустнул пальцами, вывернув их под прямым углом, и ответил простодушно:

— Безусловно. Их метод мышления близок к древнеиндусской музыке, вернее, к «сангиту» — таким термином обозначают у нас единство пения, инструментальной музыки и линейно-цветового движения танца. Вот вы говорили — в музыке нельзя передать конкретный образ. У нас в Индии вас бы засмеяли.

Наша древняя музыка сугубо конкретна, даже слишком. Древние произведения делятся на большие и малые «рачи» — нечто вроде музыкальных иероглифов, описывающих предметы и события. Но каждую «рачу» тем не менее можно исполнять по-разному, толковать ее в своем ключе, добавлять или изменять детали. Таким образом, каждый раз индус видит в исполнении произведения не условные, а конкретные факты и вещи. Впрочем, европейцу это трудно объяснить...

— Дельфину легче?

И опять Кришан не понял иронии.

— Да, дельфину легче. Они мыслят сходными цветочными музыкальными иероглифами. Такие иероглифы можно записать нотами, составить словарь понятий не только простейших, но и очень сложных, даже фантастических, с точки зрения человека... Моя мечта — написать с помощью Уисса «Подводные веды» — исторический эпос жизни океана... Это будет открытие второй Земли — цивилизации гениальных музыкантов! Это будет революция в музыке!!

И Кришан с удвоенной силой принялся разгибать сухие длинные пальцы, словно акробат, готовящийся к смертельному номеру.

Карагодский кивнул вежливому индусу, который заторопился к электрооргану, и снова остался в одиночестве.

— Итак, товарищи, — голос у Пана внезапно охрип. — Мы начинаем наш первый опыт по расшифровке тайн дельфиньей цивилизации. Путь наш к сегодняшнему дню был долог и нелегок... Но день сегодня ясный! Мы должны увидеть то, чего не видел еще ни один человек на Земле... Впрочем, возможно, все будет проще... Ну, что там... Мы верим в тебя, Уисс!

Кришан опустил пальцы на клавиши, раздался резкий пере- свист, оборвавшийся почти сразу, — и ничего больше, хотя пальцы композитора продолжали нажимать черно-белые плашки. И точно ватой заложило уши.

«Ультразвук», — сообразил Карагодский. Музыка передается Уиссу в ультразвуковом диапазоне.

Пан потянул Карагодского за рукав:

— Сюда, Вениамин Лазаревич, сюда поближе, на этот стульчик.

Над пультами раскрылись веера экранов. Карагодский и Пан уселись около двух центральных, отливающих туманной зеленью. Посерьезнел над видеоманитофоном даже разбитной Толя. Нина сидела чуть впереди, и перед ней рубиновой россыпью горел овал голографической проекции.

Кришан надел наушники. Его смуглый лоб блестел, индус вслушивался во что-то, доступное ему одному. Немного помедлив, импровизировал ответ, и ритм неслышимого разговора соответствовал ритму прибоя, бьющего в скалистые стены острова.

— Следите за экранами... Кстати, вы заметили на голове Уисса телепередатчики? Такую маленькую красную коробочку? Нет? Ну, ничего... Здесь, на левом экране, мы увидим все, что увидел бы человек на месте Уисса с помощью телепередатчика. А на правом — то, что видит Уисс...

— Каким образом?

— Разве Кришан не объяснил вам? Ультразвуковой преобразователь плюс цветомузыкальная приставка плюс визуальный вход-выход ЭВМ... В ЭВМ — словарь образов — понятий, чтобы Уисс мог не только показывать, но и комментировать увиденное...

— Фильм с комментариями?

— По-видимому. Я знаю не больше вашего. Уисс обещал показать историю дельфиньей расы или что-то в этом роде. А как — и не знаю.

— Солидный ответ солидного ученого...

— Бросьте вы, Карагодский. Смотрите лучше.

Уисс, вероятно, плыл по поверхности, и пока изображения на обоих экранах мало отличались, если не считать того, что дымчато-голубое небо в подпалинах облаков на правом экране было неестественно выпукло и заключено в темно-синий круг — словно смотришь со дна колодца сквозь сильное увеличительное стекло. Так продолжалось минуты три.

— Откровенно говоря, Иван Сергеевич, меня мучает еще один каверзный вопросик: «Зачем ума искать и ездить так далеко?» — как говаривал Грибоедов... Какая надобность забросила нас в Эгейское море? Если вы с Уиссом так хорошо понимаете друг друга, почему бы не устроить историко-философский симпозиум где-нибудь поближе? Совершенно бестолковый курс — сотни миль от родных берегов, Эгейское море, Киклады, какой-то дикий риф — и все в угоду неизвестным устремлениям дельфина, освобожденного от неволи! А может, ему просто размяться захотелось?

— Нет, Карагодский, не зря он привел нас сюда. Не случайно Эгейское море, не случайны Киклады...

Сейчас, в зеленом луче солнца, пробившемся сквозь светочехол, в дрожащих рефлексах от цветовой пляски на экранах, сухое и напряженное лицо Пана напоминало маску шамана, а слова падали, как формулы заклятий.

— Эгейское море — колыбель человеческой цивилизации... А Киклады — это загадка в загадке... Здесь родился бог морей Посейдон... Что мы знаем о крито-микенской культуре?

— Я — почти ничего. Я не археолог и не историк. Я дельфинолог.

— Но именно на фресках дворца в Киоссе появляются дельфины, несущие души умерших в мир иной...

— Это вполне естественно! Островные жители поклонялись морю, и дельфины были у них священными животными!

— А таинственные подземные ходы, которые вели прямо в море? В одном вы правы: загадка подобна облаку. Один видит в нем храм, другой — ком ваты. Однако я очень советую вам на досуге заняться крито-микенской культурой. Для дельфинолога в ней много любопытного.

— Не хотите ли вы сказать, что крито-микенскую культуру изобрели дельфины?

Пан не ответил, потому что изображения вдруг изменились.

— Иван Сергеевич, Уисс пошел в глубину у самого острова.

— Спасибо, Ниночка, вижу. Кришан, вы сейчас только слушайте — вопросы задавайте в крайнем случае, чтобы не мешать передаче.

Теперь изображения резко отличались друг от друга. Но лишь на первый взгляд. При внимательном сравнении и изрядном терпении можно было уловить сходство между жутковатыми фантазмагориями правого экрана и бесстрастным реализмом левого. Уисс шел в глубину медленно, и красота подводного мира вставала перед учеными словно в окне батискафа. Прямые лучи солнца, преломленные легкой зыбью на поверхности, медленно кружились туманными зеленовато-голубыми столбами, входя друг в друга, переплетаясь и снова расходясь, оттененные непроницаемым аквамарином фона. Серебристый, с черными поперечными полосами морской карась, попав в полосу света, замер, недовольно шевеля плавниками и тараща красный глаз, а потом, не изменив положения, медленно опустился вниз, за пределы зрения телепередатчика. Торопливыми частыми толчками проплыл корнерот, похожий на перевернутый вверх дном белый горшок с цветной капустой. Вслед за ним, закладывая безукоризненно плавный вираж, вылетела суматошная стайка сардин, но с ходу налетев на ядовитые щупальца медузы, сломала строй, рассыпалась елочным дождем. Теперь корнероту торопиться было некуда, и он повис, облапив неожиданную добычу, чуть покачиваясь в танцующих столбах света.

Правое изображение объективно повторяло все, что происходило на левом. Но что там творилось! В непомерной пустоте, лишенной намека на перспективу, громоздились, наползая друг на друга, непонятные, фантастически искаженные объемы, с мгновенностью удара рождались и гасли загадочные спирали, параболы, сдвоенные и строенные прямые, расплзались и съеживались предельно насыщенные цветом неправильные пятна и бледные, едва видимые круги. Бедный карась оказался распластанным минимум на шесть проекций, которые, наклониваясь одна на другую, мигом сконструировали такое чудовище с четырьмя хвостами между глаз, что Карагодский нервно расхохотался:

— Ну и ну! Еще один сумасшедший!

— Что вы сказали?

— Я был недавно у своего друга, известного нейрохирурга. Ему удалось получить уникальные фотографии: как видит мир человек, больной шизофренией. Очень похоже. Может быть, Уисс — тоже того? Никакой не вожак, а просто сумасшедший?

— Простите, Вениамин Лазаревич, одну минуту...

Уисс круто пошел вниз. На левом экране заметно потемнело, танцующие столбы исчезли, а сбоку сквозь густую синеву проступило что-то большое и красное.

Пан прибавил усиление.

Большое пятно оказалось подножием рифа в сплошных зарослях благородного коралла. Причудливые, сильно разветвленные кусты всех оттенков красного — от бледно-розового до багрово-черного — полностью закрывали грунт. Искривленные толстые ветки, словно вешним цветом, были усыпаны белоснежными полипами, и между ними сновали торопливые полосатые рыбки с забавно обиженными физиономиями. Изредка среди этого красного сада попадались игрушечные домики ор-

ганчика и пышные букеты анемонов, лениво сплетающих и расплетающих изумрудно-зеленые плети щупалец.

Боком, прячась за камнями, пробежал рак-отшельник, таща на раковине двух похожих на шоколадные торты актиний. Морской конек, зацепившийся хвостом за ветку коралла, рассерженно фыркнул на него, сплющив подвижной нос.

Внезапно перед самым объективом со дна что-то полыхнуло, подняв тучу мути. Большие мягкие крылья на миг заняли половину экрана, а большой скат изящными взмахами плавников совсем по-птичьи взлетел над коралловым лесом.

Ручка усиления дошла до предела, а изображение все меркло и меркло, пока не превратилось в сплошную густо-синюю ночь. Уисс уходил все глубже.

— Иван Сергеевич, — раздался тревожный голос Кришана, — Уисс что-то говорит, но я не могу понять...

— Почему?

— Совершенно другая система сигналов. Линейная. Это не рассказ. Это что-то другое. Но что — не знаю. Почему он перешел на другие сигналы? Что он хочет?

— Это я вас должен спросить, что он хочет... Дайте звук!

Стонущая, нереальная под этим ярким солнцем, над этим ласковым морем, необычная мелодия полилась из динамика. Да, слух не обманывал — это действительно была мелодия — дикий, но все-таки понятная сердцу, и столько нечеловеческой грусти и покорности было в ней, что холодила руки.

Нина подалась вперед, к экрану. Бхаттачария разминал пальцы. Пан сидел, стиснув виски ладонями. Присмиревший Толя бесцельно наматывал на руку какой-то желтый провод. Два других лаборанта, оторвавшись от приборов, во все глаза смотрели на Пана с безмолвным вопросом.

А Карагодскому стало вдруг пусто. Он словно увидел себя со стороны — важного, увенчанного званиями и ничего не значащего, потому что ничему не отдавал он целиком всего себя, как Пан...

Левый экран давно погас — с телепередатчиком что-то случилось. А по правому, в алых сполохах, едва уловимые глазом, неслись линии, горизонтальные и вертикальные, то прямые, то ломаные, они сталкивались и сгорали, оставляя мгновенные белые молнии.

— Это говорит не Уисс, — тихо и как-то чересчур спокойно произнес Кришан. — Это кто-то другой. Мне кажется, это спор, — добавил он, помолчав. — Уисс спорит с кем-то. Но если верить гидрофонам, в радиусе десяти километров нет ни одного дельфина, кроме...

Стонущая мелодия оборвалась, сменившись редкими тихими аккордами, похожими на всхлип волн. По экрану, расходясь, поплыли фиолетовые круги.

— А это Уисс... Его «почерк»...

Пан горбился, словно собираясь прыгнуть в зеленый омут экрана. Движение фиолетовых кругов прекратилось, они вошли друг в друга и замерли — шесть колец, вложенных одно в другое, а в самом центре засветилась неверная звездочка. Вот звездочка дрогнула, стала приближаться, и все ярче и

острее становились ее точеные лучи. Звезда росла, лучи ее протыкали круг за кругом, и круги исчезали, освобождая путь — первый, второй. Но едва только тонкие острия коснулись Третьего Круга, что-то случилось: звезда налилась кровью, лучи превратились в судорожно трепещущие языки пламени. Синяя молния прошила звезду наискось, звезда съежилась, расплылась и стала желтым шаром солнца, встающего из моря...

— Кришан! — взмолился Пан. — Что это значит?

— Вероятнее всего, то, что Уисс прекращает передачу по непредвиденным обстоятельствам. А солнце — символ ожидания и надежды. Он надеется на лучшее и призывает нас к терпению.

— Но почему? Что за обстоятельства?

Кришан пожал плечами.

— Летящая звезда — это у дельфинов, видимо, символ Знания, Движения, Поиска. А концентрические круги — это формы Знания, его ступени. Очень сложные «рачи», связанные скорее всего с философскими концепциями, о которых мы не знаем ровно ничего... Вы видели, как, соприкоснувшись с Третьим Кругом, звезда превратилась в горящее пятно — Глаз Гибели, символ опасности... Значит, Знания Третьего Круга таят в себе опасность...

— Для кого — для нас или для них? — спросил Карагодский.

Пан посмотрел на него с удивлением.

6. МАЛЬЧИШКИ

Утро только начиналось, и с прибрежных гор тянуло холодом и сыростью. Только снизу, из серой пелены, от невидимого моря, тянуло уютным домашним теплом.

Юрка остановился в нерешительности перед самшитовой стеной шоссевого ограждения. До ближайшего подземного перехода надо было сделать крюк метров в триста, а разве мог он сейчас терять хотя бы одну лишнюю минуту? Джеймс, наверное, уже на берегу. Этот длинноногий англичанин всегда и всюду попевал раньше других.

Юрка умел пробираться сквозь самшит. Сначала он погрузил в плотную зеленую стену обе руки. Когда коварный кустарник «привык» и острые колючки перестали ранить кожу, он медленно ввел в стену плечо, потом ногу. Самое главное — не торопиться, не «спугнуть» спящие ветки. И еще — ни в коем случае не думать, что тебе надо пробраться сквозь изгородь. Потому что — в этом Юрка был уверен — кустарник умел читать мысли. Стоило только подумать о конечной цели, сделать одно-единственное неосторожное движение — и тысячи крошечных зубов вопьются в твои штаны, рубашку, тело и будут держать мертвой хваткой до тех пор, пока ты не рванешься с воплем из зеленого ада.

Все обошлось благополучно, если не считать одной-двух царапин на щеке. Перед тем, как штурмовать вторую полосу заграждений, Юрка с наслаждением потоптался на пустынном

полотне дороги. Пластик, влажный от росы, смешно хрюкал под босыми ступнями и приятно грел озябшие подошвы.

Успешно преодолев второй ряд самшитовых зарослей, мальчик вышел к узкому распадку. Огромные деревья с обеих сторон ущелья сплелись вершинами, и под ними было всегда темно. В этой естественной трубе в любую погоду, в любое время дня гудел ветер.

Заросли в распадке были непроходимы, но мальчик знал здесь свою тайную тропу — каменистое ложе ручья. Весной ручей превращался в бурный желтый поток с многочисленными порогами и водопадами, купаться в котором, несмотря на запреты, было гораздо интереснее, чем в море. Летом ручей пересыхал, оставляя едва заметную дорожку из гладко отшлифованного камня. Дорожка была небезопасной: на нее выползали иногда юркие маленькие змейки, от укуса которых нога распухала и поднималась температура. Но если ранку сразу расковырять до крови, а потом поболтать ногами минут десять в морской воде... Вы думаете, она заживет? Ничего подобного! Надо после ванны приложить к ранке горячий круглый камешек, обязательно с дыркой посередине, и тринадцать раз повторить вслух: «Змей, не смей!» Вот тогда обязательно заживет.

Спускаясь по тропинке, Юрка чуть не наступил на метровой полоза, который тоже направлялся к морю. Полоз мгновенно свился в разноцветную восьмерку, но с дороги не уполз — мокрая холодная трава была ему не по нраву. Юрка присел на корточки, осторожно дотронулся до полоза, тот вздрогнул и замер. Мальчик провел по оливковой, в желтых крапинках и ромбах спине, и змея доверчиво развернулась. Юрка взял полоза в руки, обвил вокруг шеи и вприпрыжку помчался по каменному желобу.

Труба вывела его к самой кромке прибоя, на узкую полосу темной гальки, зажатую между обрывом, напоминавшим слоистый вафельный торт, и валунами заброшенного волнолома. Море дышало мерно, и белые лапы прибоя лениво царапали гальку. Только в тяжелые лбы валунов море ухало изо всей силы — земля вздрагивала под ногами. За валунами была бухточка, где даже в шторм вода оставалась удивительно спокойной. Здесь они с Джеймсом держали свою моторку и всякие рыболовные снасти.

Но сейчас здесь не было ни Джеймса, ни моторки, а только обидная записка, придавленная камнем: «Притти тобой второй рейс. Не можно так длинно спать. Рыба хохочут. Джеймс».

— Рыба хохочут! — передразнил Юрка и показал записке язык. — Веснушка курносая! Зануда! У меня мама скоро кандидатом будет, а все равно всегда просыпает... Длинно спать! Сон — это самое полезное для здоровья. Нервную систему укрепляет...

Полоз сочувственно дотронулся раздвоенным язычком до свежей царапины на щеке. Язычок был холодный и щекотный.

Юрка влез на валун. Туман уже начал отслаиваться от воды, между пушистыми белыми клочьями и блестящей зеркальной поверхностью образовалось чистое пространство, и

этот узкий горизонтальный просвет уходил далеко-далеко. В привольном бело-голубом далеке краснело маленькое пятнышко моторки. До Джеймса было не меньше двух километров — вплавь никак не добраться. Но ждать на берегу, пока Джеймс, лихо свесив ноги за борт, бормочет какие-то волшебные английские слова, заклиная поплавок дернуться, — нет, это выше сил!

Юрка, наклонившись к самой воде, чтобы дальше было слышно, просвистел условленную трель:

— Фью-и-исс!

Красное пятнышко не шелохнулось. Даже если Джеймс слышит Юркин призыв, он, конечно, не сжалится и не подгонит моторку к берегу. Такой уж англичане упрямый народ: подавай им точность, и никаких гвоздей. А если в часах батареи села, что тогда? Или, например, какое-нибудь неожиданное срочное дело. Например, если он задержался, спасая человека от смерти, и опоздал, что тогда?

— Догматики...

Юрка, уже отлично понимая, что дело безнадежное и что два часа бесцельного сидения на берегу ему обеспечены, зашел по колено в парную воду и, набрав полные легкие воздуха, свистнул что было сил:

— Ф-ф-фью-и-и-ссс!!!

Что-то стремительное, темное и страшное встало перед Юркой во весь огромный рост, окатило брызгами с ног до головы, свистнуло в лицо и, прежде чем мальчик успел что-либо сообразить, исчезло.

Юрка, как стоял, так и сел в воду в штанах и рубашке, и сидел в воде по плечи, боясь пошевелиться. Даже удрать сил не было.

Очередной накат ткнул в лицо и чуть не свалил на спину, а потом потащил за плечи в глубину. Мальчик вскочил на ноги, фыркая и отплевываясь от соленой воды, и протер слезлившиеся глаза.

Вокруг было по-прежнему тихо, спокойно и пусто.

Впрочем, нет. В сотне метров от валуна, немного правее далекой моторки, торчал из воды плавник. Он не двигался ни туда, ни сюда — просто торчал на месте, словно черно-зеленый флажок на зеркальной поверхности.

— Дельфин! — облегченно вздохнул Юрка. — Ах ты, проказник! Негодник этакий! Конечно, я не испугался, а просто поскользнулся. От неожиданности. Вот перед тобой бы так выпрыгнули, посмотрел бы я, чего ты делал... Откуда я знал, что ты дельфин, а не акула?

Юрка отлично знал, что в Черном море из всего страшного акульего племени водятся только безобидные пугливые катранчики, но это не меняло дела. Он даже пожалел, что чудовище оказалось обычным дельфином, а не «тигром морей». Вот если бы это была акула, вот тогда бы он...

Флажок нехотя двинулся от берега в открытое море.

Это никак не входило в Юркины планы. Он только что снял мокрую одежду, разложил ее на гальке сушиться, а сам приготовился к долгой беседе, чтобы хоть как-то скоротать время.

Конечно, дельфин — не ахти какой общительный собеседник, но это все-таки лучше, чем разговаривать с мертвыми валунами.

— Дельфин! — закричал Юрка, махая рукой. — Куда ты? Иди ко мне! Здесь хорошо, тихо!

К великому Юркиному удивлению, флажок остановился и даже сделал несколько неуверенных зигзагов в направлении берега.

— Ко мне, ко мне!

Но флажок топтался на месте, не обнаруживая особого желания приблизиться.

Мальчик испробовал все: он звал дельфина на все лады — и как собаку, и как кошку, и как курицу, разыгрывая целые пантомимы, делая вид, что он поймал рыбу, просто приглашал словами и жестами, улегшись на живот и загребая руками, наконец, отыскав в карманах полиэтиленовую рыбку-блесну на обрыве лески, попробовал приманить дельфина ею.

Все было бесполезно. Флажок торчал на месте, как приклеенный.

Помог полоз.

Обеспокоенный странным поведением своего случайного хозяина, он долго вертелся на шее, пытаясь вернуть утраченный покой, а потом вдруг довольно ощутимо цапнул мальчика за ухо. И вдруг Юрку осенило.

Наклонившись к воде, он просвистал боевой пароль:

— Фью-и-и-ссс!

Флажок дернулся и стал описывать замысловатые кривые, которые все ближе подходили к берегу. А Юрка свистел и свистел, пока у него не зазвенело в ушах от собственных трелей.

Дельфин сделал последний круг и неторопливо вошел в бухту. Он остановился совсем недалеко от камня, на котором сидел мальчик. Вода в бухточке была достаточно прозрачна, и Юрка мог детально рассмотреть своего нового знакомого.

Дельфин как дельфин. Темно-зеленая спина, светло-серое брюшко. И совсем не такой большой, как показалось со страху, — мелкий. И зубы в клюве мелкие. А на крутом лбу белая отметина, как у Уисса.

Расставил в стороны боковые плавники и смотрит. Глаза озорные-озорные, как у Джеймса, когда тот подстроит очередную каверзу. Только не серые, а густо-карие, почти черные.

— Ну что смотришь? Страшно?

— А что такое — страшно?

Юрка оторопело уставился на дельфина. Он мог поклясться, что дельфин рта не открывал. Но, кроме него, задавать вопросы было некому.

— Это ты меня спросил сейчас?

— Я, — ответил дельфин, не открывая рта.

Юрка с тоской посмотрел на далекую моторку Джеймса. Вот, оказывается, какие дела. Он не только проспал утреннее свидание с Джеймсом, но и спит до сих пор. И все это ему снится.

— Ты не спишь, — сказал дельфин.

Мальчик с опаской поджал под себя ноги и начал подни-

маться с камня. Сон это или не сон, но если дельфин умеет читать мысли...

— А ты не умеешь? — спросил дельфин.

Да, с таким собеседником держи ухо востро. Хотя что страшного? Дельфины добрые, они никогда не трогают человека. Если есть говорящие скворцы, то почему не быть говорящим дельфином? Скворец глупый, а дельфины умные, почти как люди. Об этом мама сколько раз говорила. И Иван Сергеевич тоже. Только вот почему Уисс ни разу не заговорил по-человечьи? А этот говорит...

— Ты говорящий, да?

— Я не знаю, что такое «говорящий».

— Ну вот мы с тобой сейчас разговариваем. Как мы понимаем друг друга?

— Я еще не знаю. Я еще маленький. Мама знает.

— А где твоя мама?

— Близко. В море. Она отпустила меня играть.

— А почему ты не открываешь рта, когда говоришь?

— Рот открывают, когда едят. Когда думают, рта открывать не надо. Я слышу твои мысли, но не знаю, зачем ты открываешь рот. Ты хочешь есть?

«Дурень», — подумал Юрка и тут же испугался: вдруг дельфиненок обидится? «Это я на себя сказал — дурень, не обижайся». Но не тут-то было — мысли словно с привязи сорвались, никогда Юрка не предполагал, что у него такая суматоха в голове, а надо думать так, чтобы дельфиненок все слышал, вернее, все ему слышать не надо, потому что в голову лезет всякая чепуха, а ведь он, Юрка, сейчас представитель человечества перед представителем дельфинов, надо думать что-то очень умное. Что же еще у него спросить?..

— Я ничего не слышу. Ты думаешь очень сбивчиво и непонятно. Думай громче и медленней.

И тут в целях спасения человеческого престижа Юрка решился на маленький обман — ради науки, разумеется. Он заговорил:

— Люди всегда открывают рот, когда думают громко. Понимаешь, такое свойство. Особое. Поэтому, когда я буду открывать рот, это не значит, что я захотел есть, — это я думаю. Понятно?

— Понятно.

Туман уже почти совсем разошелся, открыв зеленоватое утреннее небо. Вдоль побережья потянул бриз. Горы неохотно просыпались, потягивались, поднимали к небу каменные головы, становясь на дневную вахту.

Мальчик зябко повел плечами, не очень ясно представляя, что, собственно, делать с дельфиненком дальше. Первое удивление прошло, знакомство состоялось, общий язык найден, что же дальше? В гости к себе его не позовешь, с мальчишками во дворе не поиграешь, в турпоход не пригласишь, телефильм не посмотришь... Интересно, что в подобных случаях делают ученые?

Дельфиненок, видимо, испытывал те же сомнения. Он нервно шевелил ластами, не зная, направиться ли ему в море или

остаться в бухте. Контакт грозил прерваться в самом начале и самым печальным образом.

Юрка отыскал у горизонта красное пятнышко. Джеймс сидит там себе и не знает, какие удивительные вещи здесь происходят.

— У тебя есть друзья?

— Все дельфины — друзья.

— Я говорю о таких, как ты.

— Есть. Очень много. Они далеко. В море.

— А здесь?

— Нет.

— Хочешь, я буду твоим другом?

— Хочу.

Юрка хотел по древнему мальчишечьему обычаю протянуть руку, но вовремя спохватился — вряд ли ласты дельфина пригодны для рукопожатий.

— Меня зовут Юрка.

Дельфиненок попробовал изобразить это имя вслух, и у него получилось что-то похожее на «Хрюлька». Мальчик чуть не свалился с камня от хохота. Дельфиненок на радостях выпрыгнул из воды, хрюкнул еще раз и тоже скрипуче засмеялся, открыв губастый клюв.

— А тебя как зовут? — спросил Юрка, отсмеявшись.

— Фью-и-и-ссс, — лихо просвистел дельфиненок заветный пароль.

— Как, это твоё имя?

— Так меня зовут.

— И потому ты приплыл на свист?

— Да.

— Вот это здорово! А почему ты не подплыл сразу?

— Я не хотел мешать тебе. Ты делал что-то очень сложное.

— Так это я тебя так подманивал!

Оба снова залились счастливым смехом, один — вытирая слезы и хлопая себя по коленям, другой — высоко выпрыгивая из воды и разевая клюв.

— Ой, вот Джеймс будет смеяться! Умора!

— Кто такой Джеймс?

— Мой друг. Видишь, далеко лодка? Это Джеймс ловит там рыбу и ничегошеньки не знает! Он скоро вернется. Мы подождём его, правда?

— Зачем ждать? Поплывем!

Юрка огорченно опустил голову.

— Хорошо тебе говорить — поплывем! Я не доплыву — далеко. И никто не доплывет. Только чемпион какой-нибудь.

— Я помогу.

Мальчику даже страшно стало — а вдруг это все-таки сон и он сейчас проснется? Проснется, так и не успев прокатиться на дельфине... Затаенная мечта мальчишек всего мира, полузабытая детская сказка... Ну почему нет никого на берегу? Почему его собственная автоматическая кинокамера валяется сейчас на столе, в номере гостиницы?

— А как? — неуверенно спросил Юрка, уже по пояс войдя в воду.

— На спине. Я сильный.

Кожа у дельфиненка была удивительно мягкая и невероятно скользкая — никак не ухватишься. Но после нескольких попыток мальчику удалось устроиться довольно основательно: спинной плавник поддерживал сзади, как спинка кресла, а коленки прочно упирались в боковые ласты. Из такого сиденья не вылететь даже на большой скорости. И руки стали свободными.

Бриз потихоньку раскачал море, и накат усилился. Волны со скрежетом грызли гальку, оставляя на берегу клочья пены. От берега пахло йодом и солью.

Дельфиненок выходил из бухточки осторожно, опасаясь то ли за себя, то ли за всадника. Когда волна откатывалась, он замирал, чтобы при новой волне отвоевать еще один десяток метров, — и так раз пять.

Наконец валуны остались позади.

— Держись!

Тугой воздух ударил в лицо мальчику и засвистел в ушах. Из-под коленок выросли два лохматых крыла водяной пыли. Юрка от неожиданности схватился обеими руками за ласты, но потом выпрямился — сначала робко, потом уверенно.

Какая моторка, какой катер! Такого он не испытывал никогда. Это был полет, именно полет, потому что не тарахтел сзади мотор, и можно было закрыть глаза и слушать, как замирает сердце, когда ты повисаешь в пустоте, перелетая с волны на волну.

Когда мальчик открыл глаза, красная лодка была совсем близко. Они подплыли неслышно и стремительно, и поэтому Джеймс их не заметил. Он сидел, уставившись на поплавки, и клевал носом...

Триумф был полный. Пока Джеймс приходил в себя, дельфиненок с Юркой подняли в воде такой тарарам, что чуть не перевернули лодку. Они выписывали вокруг немыслимые спирали и восьмерки, уносились в открытое море и возвращались снова.

Потом Юрка перелез со спины дельфина в моторку, а его место занял Джеймс, и все началось сначала — англичанин, растеряв остатки хваленного спокойствия, визжал, вопил, орал не своим голосом какие-то пиратские песни, а дельфин свистел, скрипел, хрюкал, и все вокруг кружилось, летело, падало и снова взлетало, и тощая фигурка светловолосого мальчишки на живой зеленой торпедо неслась и неслась сквозь холодное пламя моря.

Наконец все трое умаялись и, совершенно измученные, улеглись отдыхать — мальчишки на дно лодки, а дельфиненок рядом на волну.

И тут Юрка обнаружил интересную деталь: Джеймс совершенно свободно лопотал с дельфином по-английски! Юрку это немного задело: ведь первым установил контакт он, а не Джеймс, поэтому дельфин хотя бы из уважения должен думать по-русски. Он спросил дельфина почти сердито:

— Откуда ты знаешь английский язык?

— Я не знаю, что такое английский язык.

— Но ведь ты слышишь мысли Джеймса?

— Да.

— И мои мысли слышишь?
— Да. Когда ты думаешь громко.
— А мы с Джеймсом понимаем друг друга очень плохо.
— Почему?
— Потому что мы говорим на разных языках. Ну, как тебе объяснить? Я, например, называю берег «земля», а на языке Джеймса он называется «ленд».

Дельфиненок подумал с минуту, потом свистнул.

— Я, кажется, понял. У нас тоже в разных морях есть разные свисты. Если свистит дельфин из холодного моря, то дельфин из теплого моря этот свист не поймет. Но все дельфины умеют думать одинаково...

— Выходит, и люди думают одинаково, а только говорят на разных языках?

— Вы с Джеймсом думаете одинаково, и я одинаково хорошо слышу ваши мысли.

— Вот здорово! Если бы люди умели читать мысли, как дельфины, то не надо было бы учить иностранные языки!

От полноты чувств Юрка изо всей силы хлопнул Джеймса по плечу.

— Слышишь, Джеймс, тогда мне не надо было бы зубрить английский! Ура!

Джеймс непонимающе нахмурился и спросил что-то у дельфиненка. Судя по движению плавника, тот перевел. И Джеймс вдруг разудался до ушей и тоже ударил Юрку по плечу:

— Энд я нет изучал русский язык! Ура!

Дельфиненок насмешливо заскрипел.

Юрка повернулся на спину и стал смотреть на облака. Еще час назад они низко висели над морем, а сейчас поднялись высоко-высоко и походили на белые пятнышки в сиренево-синем небе. И от этого мир стал большим и просторным, а их лодка маленькой-маленькой. И бриз утих — ему просто не хватало силы стронуть с места столько воздуха и света. Он свернулся клубочком где-то в ущелье и ждал вечера. Когда солнце будет садиться, облака снова опустятся ниже, и мир уменьшится. Тогда бриз выйдет на волю и примется гонять вдоль побережья мелкую зыбь. А потом придет ночь, и море сольется с небом: звезды вверху, звезды внизу, тишина вверху, тишина внизу. А потом из моря встанет заспанная луна. Она будет идти по небу, постепенно уменьшаясь и бледнея, так что утром от нее, как от растаявшей во рту конфеты, останется только тонкий полупрозрачный диск. И потом все повторится сначала...

— Ты приплывешь сюда завтра?

— Да.

— Послушай, тебя надо как-то назвать по-человечьи. Давай мы будем называть тебя Свистун.

— Суистун! Хорошо, вери гуд, — как эхо отозвался Джеймс.

— Суис-тиуун!!! — локомотивным сигналом пронеслось над миром, и все трое засмеялись.

Все-таки это необычный дельфин, думал Юрка. Недаром у него знак на лбу. То, что он приплыл на свист, конечно, здорово, но в этом нет ничего необыкновенного: с помощью «дельфиньего эсперанто» можно не только звать, но и переговариваться с дельфинами. Об этом в учебнике написано.

А вот о том, что с дельфинами можно разговаривать без всякого «эсперанто», — об этом нигде не написано. Может, такого еще не случилось? Иначе зачем изобретать всякие там ДЭСПы и прочие хитрые вещи?..

А может, случилось, да не поверили... Это вот Юрка знает, что дельфины разумные существа, а если кто не знает? Услышит он голос внутри себя — подумает, почудилось. А если древний человек, религиозный — подумает, что бог или черт с ним разговаривает.

Так что, если рассудить здраво, ничего особенного в сегодняшнем происшествии нет. Просто счастливый случай.

Юрка потерся щекой о нежную кожу нового друга. Нет, все-таки произошло чудо! Вообще чудес на свете много бывает, но все они приключаются почему-то с другими. Но вот теперь...

Дельфиненок вздрогнул и метнулся от подки.

— Мама зовет, — виновато сказал он.

Друзья понимающе переглянулись.

— Ну что ж, — со вздохом сказал Юрка. — До завтра!

— До завтра!

Дельфин скрылся в воде, словно его и не было.

— До завтра! — прозвучало где-то внутри, стуком крови в ушах.

И вдруг у самой кромки горизонта, уже начавшей таять в полуденном мареве, донесся лихой разбойный пересвист:

— Хри-юль-ка! Джи-эй-им-изс! Су-ис-ти-ун!

Мальчишки разом вскочили, замахали руками, до рези в глазах вглядываясь в слепящую даль. Но ничего не увидели. Джеймс молча завел мотор. Каким неуклюжим корытом показалась им сейчас их алая крылатая лодка!

Уже у самого берега Джеймс спросил:

— Ты будешь рассказать отец за Свистун?

— Нет, — подумав, ответил Юрка. — Он все равно не поверит. Вот мама — та бы поверила. Она ведь все, все про дельфинов знает. Но мама далеко...

7. ПЕНТА-СЕАНС

Здесь, на высоте, было нежарко, но океан внизу под горячим дыханием пассата парил и туманился, как запотевшее стекло. Небо тоже не радовало чистотой, хотя на нем не было ни облачка. Полуденное марево гасило краски, и даже солнце в зените выглядело бледным и потным. Где-то там, в стратосфере, нес обратным курсом океанскую влагу антипассат: ветры вблизи экватора работали неумоимо и бесперебойно, как горизонты метро.

Полуденный пассат располагает к созерцанию и лени, но сегодня покой океана был как занавес на сцене, который вот-вот взвоется и откроет поле невиданных событий и небывалых действий.

С двух сторон шли навстречу друг другу два клина, две армии: одна — безоружная и ничего не подозревающая, другая — закованная в сталь, вооруженная до зубов хитрой механикой и готовая к неожиданной сокрушительной атаке. С одной стороны верещали, свистели и скрипели дельфины, равняя строй тунцов, не уступающих им по размерам и силе, с другой — верещали эхолоты, пересвистывались боцманы, скрипели лебедки, пряча под воду цепкие ячейки необъятных тралов.

У каждой армии был свой предводитель. Одной беззвучно командовал большой дельфин-альбинос с белым пятном на лбу, другой — седой и грузный старик в белом капитанском кителе. Одного звали Сусии, другого — Тарас, но они не знали друг о друге.

А между двумя сходящимися клиньями, как челноки в ткацкой машине, сновали взад и вперед четыре «Флайфиша», оставляя за собой цветные шерстистые нити-следы. Рыборазведчики трассировали курс, чтобы рулевые могли направить свой тральщик в тунцовый строй с точностью брошенного гарпуна.

Два косяка — живой и железный — сближались.

Тарас Григорьевич оторвался от стереотрубы: ход рыбы был виден простым глазом. Дельфины, конечно, тоже видели корабли, но скорости не снизили. Дельфины крики в гидрофонах зазвучали резче и настойчивей, словно погонщики решили протаранить тунцами и корабли и тралы.

— Лихо идут, — бурчал старый рыбак, вытирая вышитым платком мокрую шею. — А куда спешка? И зачем им прорва такая?

Что-то неправильное чудилось Тарасу Григорьевичу в этом огромном косяке, что-то тревожащее. Он всматривался в «плешь», в завихрения и водовороты, уже видные на поверхности, в лаковые выгибы дельфиных спин, переводил глаза на небо, цветасто заштопанное трассами «Флайфишей», пыхтел, не вынимая трубки: «Начадили тут, дохнуть нечем», — но во всем этом привычном не хватало какой-то малой детали, какой-то пустяковины, а чего именно, Тарас Григорьевич понять не мог, и это его сердило. Но додумать ему не дали.

Когда между «армиями» оставалось не больше трех километров, дельфины начали действовать. Первым маневр дельфинов заметил Фрэнк Хаксли, вернее, даже не Фрэнк, а Бэк. Радист поддавался всеобщему возбуждению и палил шашку за шашкой, оставляя за хвостом гидросамолета такие клубы дыма, что кто-то из соседей поинтересовался, не сигналил ли он на Луну.

Итак, Бэк посмотрел вниз и сказал:

— Oго!

Столь бурное изъяснение чувств заставило Хаксли повнимательнее всмотреться в острое рыбьего клина, над которым они делали очередной разворот. Острое мало-помалу превращалось в трезубец с широко разогнутыми крайними лезвиями.

— «Флайфиш-131» — флагману! Косяк разделяется на три части: центральная по-прежнему идет на вас, а две — в обход слева и справа! Они увеличили скорость!

— Курсы! Все три! — рявкнул Тарас Григорьевич, и, когда несколько секунд спустя прозвучали точные цифры, он мог уже без карты сказать, что дельфины выиграли первый раунд.

У фланговых косяков теперь было преимущество в скорости: громоздкие корабли, да еще с тралами, не смогут так быстро развернуться и отрезать им путь. Расчет был точным: начини дельфины маневр чуть раньше или чуть позже, можно было бы что-то предпринять. А теперь две трети улова... О них надо забыть, чтобы вообще не остаться пустым.

— Ах, бестии подводные, кальмар вас задери, ах, черти зеленые, тридакну вам в клюв! — по всем морским правилам костерил Тарас Григорьевич коварного «противника». — Облапошили на старости лет... «Онега», «Звездный»!

— «Онега» слушает!

— Есть «Звездный»!

— Давайте разворачивайте помалу...

— Так разве успеешь?

— Если только тралы свернуть... Да и то... Пока провозишься...

— Надо брать тех, что идут на нас. Перехитрить надо. Они хотят, чтобы мы растерялись, рассредоточились, погнались за двумя зайцами. В разные стороны. А тем временем сквозь дыры и центральная орда проскочит. Так что надо сделать вид, что мы клюнули. Разворачивайтесь, да не шибко. Они тогда опять на три разделятся, чтобы два фланга между мной и вами пропустить. А вы тут — задний ход и тралы под нос: пожалуйста! Усекли?

— «Онега» — ясно.

— «Звездный» — к выполнению приказа приступил.

Через минуту, когда «Флайфиш-89» сообщил, что оставшийся косяк снова разделился на три и не снижает скорости, старый капитан успокоенно сунул в рот погасшую трубку:

— Так-то...

База все это время благоразумно помалкивала, понимая свою неспособность помочь делу. И только дельфинолог Комов никак не мог успокоиться, нудил без конца о позоре, свалившемся на Базу и на его голову, и грозил страшными карами подопечным, дельфинам-загонщикам, если они вернуться.

— Ты, наука, не дребезжи, — не выдержал Тарас Григорьевич. — Есть дело — говори, а нет — помолчи. Тут без тебя слабонервных хватает...

И, отложив переговорник, взялся за мегафон: передовые порядки тунцовой эскадры были уже в нескольких сотнях метров.

Наперебой загудели «Онега» и «Звездный», резко изменив курс: гудки их смешивались с пронзительными криками дельфинов, чересчур поздно разгадавших уловку людей; вода вокруг забурлила; остановить живую лавину, несущуюся в западном со скоростью междугородного экспресса, не мог уже никто.

— На эхолотах, смотреть в оба! — Усиленный мегафоном голос капитана гремел победоносно. — На лебедках, чуть что — травите средние сети: рыба попытается пройти низом! Задние сети не травить — остатки снова пойдут к поверхности, а мы их хоп!

Распоряжаясь, Тарас Григорьевич краем глаза посматривал на океан. Тралы быстро заполнялись, тяжелели, а тунец все шел и шел. Дельфины крутились возле кораблей, сотни острых плавников то там, то сям пропарывали бурлящую воду, как лезвия пружинных ножей.

Тарас Григорьевич был уверен, что, потерпев фиаско и потеряв оставшийся косяк, мятежные «младшие братья» предпочтут поскорее ретироваться из западни: путь им был открыт. Но дельфины не спешили оставлять поле боя, уже проигранного...

— Товарищ капитан, средние сети порваны! Рыба уходит!

— Как порваны?!

— Лупоглазые эти! Рвут зубами — и баста!

— Задние сети порваны!

Капитан оглянулся. Флотилия, как по команде, запестрела аварийными флажками.

Тарас Григорьевич в сердцах схватился за переговорник.

— Флагман — Базе. Ну, Комов, всего я ждал от твоих подручных, но такого хамства... Они и впрямь очумели — сети рвут! Капросиловые сети, это же надо! Ну, я им сейчас устрою концерт... «Погремушки» включу, понял?

И, не слушая ответа, снова взялся за мегафон.

Не для дельфинов были «погремушки» — ультразвуковыми сиренами распугивали разбойничьи стаи касаток, часто нападавших на промысловые косяки, — но больно задело старого рыбака дельфинье коварство, не хотелось расставаться именно с этим, в честной борьбе заработанным уловом, и он решился на крайнюю меру.

Оглушенные и ослепленные дельфины заматались, они взле-

тали высоко в воздух, словно вибрирующая вода жгла им тело, в их криках слышались Тарасу боль и страх, но они не уходили! Отчаянно корчась и мучась под непрерывными ударами звукового бича, они продолжали рвать сети, выпуская рыбу на волю!

И опять непонятная тревога толкнула Тараса. Во всей этой рыбалке было нечто неправильное, отсутствовало привычное, само собой разумеющееся, как соленость воды или постоянство пассата. Он снова оглядел небо в поисках того, чего там не было... И уже близко в памяти это мелькнуло, затрепыхалось, блеснуло серебром на солнце, — и тут четверка возвращающихся «Флайфишей» спугнула догадку, как настороженного мальчика.

Что позабыли здесь остrobрюхие летуны?

«Флайфиши» развернулись и пошли над флотилией, едва не задевая мачты. И — захлопали выстрелы! Как над акульей стаей!

«В кого это они?» — опешил Тарас и машинально выключил «погремушки».

— Флагман — «Флайфишам». Почему стреляете?

— Приказ Базы: поддерживать флотилию огнем с воздуха.

— Проснитесь! Каким огнем?

— Комов приказал стрелять по дельфинам пиропатронами, чтобы временно вывести их из строя...

— Какими еще, к дьяволу, пиро... База! Комов!

— Комов слушает.

— Ты что там, окончательно рехнулся? Разве можно стрелять в дельфинов? Прекрати это, слышишь?

— А вы не вмешивайтесь, Тарас Григорьевич. Я приказал стрелять не пулями, а пиропатронами. Это ампулы с горючей липучкой. Она не дает ожогов, только яркое пламя. Дельфины боятся огня. Нечто вроде нервного шока. Конечно, процедура неприятная. Но это единственный шанс спасти хотя бы остатки улова. Иначе по вине дельфинов База не выполнит план. А я разве виноват?

— Процедура! План! Какой, к черту, план, если дельфины тонут!

В наушниках хохотнули:

— От горючей липучки? Для науки это была бы сенсация...

А он был рядом с «Удачливым» — грузный белый гигант, который не хотел стать сенсацией, хотя уже два алых цветка распустились на его теле и темно-вишневые глаза затягивала пелена оцепенения, — он из последних сил боролся с первородным ужасом, леденящим кровь: опускался на несколько метров и вновь, напрягая деревенеющие мышцы, всплывал, не в силах сбить пламя, — неузнанный предводитель морской армии с белой отметиной на лбу.

— Шлюпку на воду! — скомандовал Тарас и с неожиданной для его возраста прытью сбежал с капитанского мостика.

Фрэнк Хаксли был почти счастлив. В однообразной работе «рыбогляда» не часто выпадает такая удача — пережить день, полный неожиданностей и даже приключений, не уступающих подвигам его любимых киногероев. И хотя палить по дельфи-

нам должен был Бэк, пилот тоже взял пневморужье. Все было: плавучие крепости аборигенов, дельфины — подводные чудища, и он — вездесущий Гарри с верным бластером в правой руке...

— Смотрите, шеф, белый дельфин!

— Где?

Вместо ответа Бэк выстрелил.

Фрэнк тоже заметил длинное белое тело, рывком ушедшее под воду, но через несколько секунд всплывшее снова.

— Межзвездный вампир!

Пилот, придерживая штурвал левой рукой, заложил вираж и выстрелил с правой: огненная кувшинка закачалась на волне, промах, а это для Гарри непозволительная вещь, и Хаксли снова заложил вираж, опустив машину ниже, прицелился точнее...

— Есть!

И «Флайфиш-131» пошел на разворот...

Оглушенный альбинос смотрел на приближавшуюся шлюпку гаснущим красным глазом. Может быть, он хотел бы исчезнуть, скрыться от новой беды, но не мог — шок сковал его тело, а может быть — и старому капитану хотелось в это верить, — он чувствовал, что люди не сделают ему ничего плохого.

Дельфин словно ждал шлюпку — едва его белый бок коснулся борта, силы оставили гиганта, и плавники беспомощно обвисли.

— Линь! — рыкнул Тарас. — Найтовь к борту. Живо!

Загорелые шершавые руки ловко просунули тонкий канат под передние плавники, захлестнули петлей на хвосте, притянули белую покорную громадину к шлюпке.

— Минут через десять-пятнадцать должен очухаться. Пока — перекур. Подождем.

И, словно оправдываясь, перед командой, капитан добавил:

— Было в давние времена поверье: души потонувших рыбаков в дельфинах возрождаются. И закон такой рыбацкий был — дельфина не тронь... Мудрое творение дельфин. И доброе. А доброту на Земле беречь надо...

И хотя команда не возражала, Тарас Григорьевич уже совсем по-домашнему закончил:

— Белый он. Трудно ему, бедолаге, наверное, сверху виден, снизу виден. Сплошная мишень. И палят кто попало. А я вот об этих беляках столько за жизнь свою слышал, а в натуре первого вижу. Редкость это. Таких вдвойне беречь надо...

— Вроде просыпается он, Тарас Григорьевич!

— Погодь чутко. Пусть оклемается хорошенько, тогда и линь уберем... Наука... Говорят, дельфины не тонут... А к примеру, почему у него в глазах тоска такая была, если он непотопляемый?

Флотилия возвращалась на Базу как похоронная процессия. Тралы были испорчены, трюмы пусты. Косяк исчез, словно растворился: ни гидролокаторы других баз, ни «рыбогляд» даже остатков его не нашли.

По этому случаю, а также по случаю официального выхода

на пенсию старого капитана в кают-компании «Онёги» состоялся прием. «Удачливый» оказался рыбакам маловат для раута на капитанском уровне.

Согласно ситуации Тарас Григорьевич был грустен и молчалив. Закусывали, словно издевались над собой, — консервами «Тунец в собственном соку».

— Одного не могу понять, — сказал вдруг Тарас, — чего-то не хватало в проклятом лове, чего-то очень знакомого...

— Рыбы, — засмеялся кто-то с набитым ртом.

— Птиц не хватало сегодня: ни чаек, ни даже фрегатов, — тропел со своего места Тасис.

— Чертушка! Гомер рыжий! А я-то, старый осел... — Тарас вскочил, опрокинув стул. — Конечно, птицы! Они же за нами как приклеенные ходят! А сегодня — ни одной!

— Ну и что?

— А то, что даже птица не трогала эту рыбу! Ни чайки, ни фрегаты, ни альбатросы — а они любую падаль склюют! Значит, было в этой рыбе что-то такое... Правда, наука помалкивает... Только кажется мне, что дельфины нас, дураков, от какой-то неизвестной науке пакости оберегали. И оберегли. А мы их...

В кают-компании воцарилось неловкое молчание.

Нина появилась так же внезапно, как и исчезла. На ней был мягкий купальный халат.

— Толя, готовьте кресло.

Пан поднял голову.

— Нина, что вы хотите?

— Связаться с Уиссом на пента-волне.

— Ни в коем случае! Вы помните, что было в прошлый раз?

— Помню. Но мы должны знать, что случилось?

— Пента-волна слишком опасная штука. Нет, Нина, рисковать незачем. Надо искать другие пути.

— Иван Сергеевич, вы отлично знаете, что других путей нет. А сидеть и ждать вот так бессмысленно, потому что мы не знаем причин, из-за которых Уисс изменил свои намерения. С кем он говорил? В чем опасность Третьего Круга и связана ли она с будущей передачей? И возможна ли вообще теперь передача? Если возможна, то когда — не сидеть же у пультов день и ночь...

— Не знаю. Ума не приложу. Все так долго готовились к путешествию, и к сегодняшнему дню... И мы и Уисс... И в самом начале — провал... Уиссу могло помешать только что-то очень серьезное... Но что?

— Никто, кроме Уисса, на эти вопросы не ответит, Иван Сергеевич. А что касается прошлого раза — полно. Уисс теперь и сам будет осторожнее, тогда он просто не рассчитал мощности сигнала... Нельзя медлить. Происходят какие-то события, возникает новый фактор, а мы прячемся за Уисса и ждем, когда он сам разрешит наши проблемы.

— Ну... Ну хорошо. Только будьте осторожны, Нина. Не перенапрягайтесь. И пожалуйста, без обратной связи...

— Как получится.

— Никаких «как получится». Не подводите старика. Договорились?

— Договорились, Иван Сергеевич... Толя, кресло готово?

— Да, Ниночка. Садись и вещай напропалую.

Нина сбросила халат. Коричневый купальник сливался с цветом загорелой кожи, и в потоке зеленого света ее фигура казалась отлитой из меди. Она постояла на носу корабля с минутой и медленно села в кресло. Толя и один из лаборантов захлопотали над ней. Провода постепенно обвивали ее тело, впиваясь присосками электродов в виски, в шею, в руки, в живот, в ноги.

— Иван Сергеевич...

В голосе Карагодского помимо воли прозвучало что-то такое, что заставило Пана оглянуться. Карагодский смутился.

— Иван Сергеевич, я понимаю, что сейчас вам не до меня, но я никогда ничего не слышал...

— О пента-волне?

— Да.

— Пента-волна, коллега, это... Словом, бог знает, что это такое. Я знаю ваше яростное неприятие всякого рода телепатии, парапсихологии и прочей, как вы выражаетесь, «чуши», поэтому... Возможно, это какой-то необычный вид излучений, присущий только живым организмам... Господи, Толя, ну что вы там копаетесь?! Да... О чем вы говорили? Так вот, пента-волна — это мой собственный термин. Лично я на стороне тех физиков, которые к четырем фундаментальным состояниям вещества — газ, жидкость, твердое тело, плазма — добавляют пятое: живое вещество. Жизнь — одно из фундаментальных состояний вещества... Но в этой области мы пока, как испанцы в империи инков — видим, ничего не понимаем и пытаемся все переделать по-своему... Так и с биоизлучением: что это такое — не знаем, а установку для усиления пента-сигналов Толя уже придумал... Готово?

Нина сидела, откинувшись на спинку кресла. Лицо ее заострилось, она улыбалась — скорее для самоуспокоения, чем для демонстрации храбрости. На голове, облекая виски, пылала алая корона, похожая на большой тяжелый венок из влажных махровых маков. А на лоб, волосы, плечи спадала замысловатая сеть проводников. От направленной антенны тянулись по меньшей мере сотни две зеленых гибких шнуров, маленькими присосками соединенных с разными точками тела.

— Иван Сергеевич, точки соединения электродов выбраны произвольно?

— Нет, конечно. Биоизлучение каким-то образом связано с электромагнитными параметрами тела — на этом и основан принцип его усиления. А точки — места наибольшей электронапряженности кожи — найдены экспериментально...

— А вам ничего не напоминает рисунок этих точек?

— Рисунок? Пожалуй, нет.

— Забавно. Сколько точек вы нашли?

— 218. А что?

— Так вот я могу без электрометра указать вам еще 65 точек, которые вы пропустили.

Карагодский не без удивления ощутил в себе волну радости: он заметил что-то, чего не заметил Пан! Пусть маленькая деталь, но она найдена самостоятельно, без подсказок и объяснений! Или... Или сумасшествие заразительно?

— Не понимаю, Вениамин Лазаревич.

Карагодский тоже не очень понимал свое состояние, но остановиться не мог:

— Вы слышали когда-либо о древней китайской медицине — иглотерапии?

— Разумеется.

— Так вот ваши точки — это и есть знаменитые 283 точки для иглоукалывания, которые были известны китайским медикам две тысячи лет назад. Я, правда, совершенно не понимаю, какая связь между вашей пента-волной и иглоукалыванием, но совпадение вполне вероятно.

— А ведь вы правы... Я просто не обратил внимания... Не пришло в голову... Действительно, здесь, видимо, есть связь. В этом имеет смысл покопаться... Отличная идея! Ведь если...

— Иван Сергеевич, я начинаю.

— Начинайте, Ниночка! Как говорят, ни пуха. Только без самодетельности, хорошо?

— Хорошо. К черту!

Ничего не произошло. Просто антенна в форме цветка орхидеи стала медленно вращаться вокруг своей оси, а Нина, расслабившись, опустила руки на подлокотники и закрыла глаза. По-прежнему сквозь желто-зеленую крышу било солнце, и нестерпимо блестела морская даль, и щетинился тусклыми кустарниками островок, и черноголовые средиземноморские чайки срезали острыми крыльями гребешки волн и снова взмывали вверх с трепещущей добычей в клюве — ровно ничего не изменилось в мире за эти полчаса, кроме того, быть может, что один седовласый академик неожиданно почувствовал себя недоучившимся аспирантом...

— Иван Сергеевич, вы говорили, что пента-волна — это опасно. Почему? Кажется, все довольно невинно и просто.

— Понимаете, Вениамин Лазаревич, тут довольно-таки сложный парадокс. Для приема пента-передачи необходима очень восприимчивая, очень незащищенная психонервная система. Женщины принимают пента-волну лучше, чем мужчины, к примеру... Но и женщины — не всякие...

— В таком случае идеальными пента-приемниками были бы дети — их психика ограждена меньше всего.

— Вероятно, да. Но сами понимаете, что опытов с детьми мы не имеем права ставить, пока не добьемся полной безопасности... А пока... Во время прошлого сеанса, например, Нина потеряла сознание...

— Причина?

— Видимо, очень сильный пента-сигнал Уисса. Я так думаю. У нее было нечто вроде галлюцинаций: ее психический строй был подавлен психическим миром дельфина, она, проще говоря, почувствовала себя дельфинкой, оставаясь женщиной, понимаете? Дельфины воспринимают и чувствуют, как вы знаете,

мощнее нас. Человеческие нервы не выдержали. Шок. Что-то вроде того, если по тонкому проводу пустить слишком сильный ток.

— Да, да, конечно. Сработали предохранители — выключилось сознание, свет померк...

— Вот именно. Мы, правда, потом придумали вот эту штуку — маковый венок. Вроде индикатора напряжения. Он должен сработать раньше, чем уйдет сознание, и создать заградительное пента-поле. Но... мы предполагаем, а природа располагает. Если бы не создавшаяся ситуация, я ни за что бы не разрешил пента-сеанс.

Море стихло совершенно. Ощущалось только соседство близкого прибоя. Нина лежала в кресле не двигаясь. Медленно вращалась над ней металлическая антенна. Толя едва слышно насвистывал что-то, рассматривал экраны, по которым бегали только бледные точки. Пан, сцепив руки за спиной, молча ходил через всю лабораторию от кресла к двери и обратно и тоже поглядывал на погасший рубиновый овал.

А Карагодский, усевшись на трехногий стул и привычно оперев подбородок о трость, думал. У него тоже был пента-сеанс. Он говорил сам с собой. Он пытался вспомнить что-то хорошее и никак не мог. Вопреки желанию перед ним проходили бесконечные коридоры, открывались двери с фамилиями на табличках, ложились под ноги ковровые дорожки, ведущие к столу президиума... Он позабыл, когда, на каком симпозиуме

он сидел в зале, на обычном откидном стуле. Президиумы, президиумы... Может быть, он и родился в президиуме? Кажется, он всю жизнь покровительствовал и препятствовал, разрешал и запрещал, проверял и указывал, и всю жизнь на носу его сидели проклятые очки в черепаховой оправе, сквозь которые мир кажется мягким, округлым и спокойным. Но ведь это не так, — так! Когда-то и он... Но когда это было? И было ли вообще — чтобы море, чтобы какой-то сумасшедший дельфин, чтобы аспирант Толя был с тобой на «ты», чтобы все вокруг тревожило загадками и требовало немедленного решения, чтобы вот так метаться из угла в угол из-за сумасбродной девчонки, рискующей в худшем случае обмороком, и рисковать самому вещами более значительными...

Что ты ходишь, Пан, что молчишь? Пятнадцать лет воевал я с тобой на журнальных страницах, на высоких трибунах. А ты уничтожил меня за сорок минут, и сам, кажется, не заметил этого. Потому что победа надо мной для тебя пустячок. Для тебя важнее твой дельфин, твоя Нина, твой Толя, твои экраны, твоя работа — и какое тебе дело, что академик Карагодский выбросил белый флаг?

Но если даже тебе не нужна победа надо мной, Пан, то кому она нужна вообще? Может, спрятать белый флаг, пока его никто не заметил — и пусть все идет по-старому? А как быть с Венькой Карагодским, «Веником»?.. Ведь это ты, Пан, приметил в студенческой толчее упрямого черноголового парня, ты подсунул ему тему про дельфинов, ты раскрутил его самолюбие... И вот я снова перед тобой: академик, лауреат, главный дельфинолог, мировой авторитет. А ты вместо восхищения делом рук своих, третируешь меня; ранишь самолюбие, без конца заставляя отвечать «не знаю» и «не слышал»...

Сначала я думал, что ты просто по-стариковски мстишь мне за то, что я обошел тебя в степенях и званиях. Но нет, дело в другом, постарел-то, оказывается, я, а ты по-прежнему молод, профессор...

— Стоп сеанс, Толя, усилитель! Быстро! Укол!

Алая корона на голове Нины опала на глазах. Словно в кадре неозвученного мультфильма слабели, теряли упругость лепестки мака, съезживались, точно подул ледяной ветер. И бледность, заметная даже под загаром, заливала лицо Нины.

Толя обеими руками разом перевел все тумблеры усилителя. Антенна остановилась. Пан держал Нину за руку, считая пульс, а Толя принялся торопливо снимать присоски проводов. Подскочил лаборант с пневмошприцем.

Нина открыла глаза. Глубоко-глубоко вдохнула — раз, другой, третий.

— Не надо укола, Иван Сергеевич. Все в порядке. Господи, какое это счастье — дышать... Видеть солнце... Ощущать всю себя...

Голос Нины прервался глубоким судорожным всхлипом, как у человека после глубокого истерического припадка. Пан кивнул лаборанту, а тот, осторожно взяв руку Нины выше локтя, на мгновение прикоснулся к ней губчатым раструбом пневмошприца.

— Я же говорю — не надо.

— Ничего страшного, Нина, это обычный тоник. Помолчите минут пять. Придите в себя. Потом расскажете.

— Уисс....

— Помолчите. Уважьте старика.

Нина медленно сняла с головы увядшую корону и протянула Толе. Снова вздохнула и откинулась в кресле. Большая чайка промчалась у самого бушприта «Дельфина». Нина следила из-под полуприкрытых век за полетом до тех пор, пока чайка не превратилась в точку на небе, и закрыла глаза.

Кто-то тронул Карагодского за плечо. Академик оглянулся — радист указывал ему на дверь, шепча:

— Вас вызывают, Вениамин Лазаревич... Срочно... Искал вас в каюте, как всегда, а вы здесь, оказывается...

— Кто?

— Из Д-центра...

Академик недовольно поморщился: всегда так, в самый интересный момент у кого-то из службистов Д-центра возникает идея, о каковой надо немедленно доложить начальству.

Он вышел за радистом, стараясь ступать тише.

Вернулся он довольно быстро, рассерженный и потный, — видно было, что кому-то за тысячи миль отсюда основательно досталось. Нина по-прежнему сидела с закрытыми глазами — то ли дремала, то ли просто отдыхала, думала о чем-то.

— Что стряслось в вашем хозяйстве? — заинтересовался Пан.

— А, чепуха... Лишняя иллюстрация к тому нашему разговору, только на этот раз с неприятными вариациями... Дельфины угнали большой косяк тунца, ну и...

— Как угнали?

— Рыборазведчик обнаружил сегодня утром в Атлантике огромный косяк, который гнали дикие дельфины. База «Поиск двенадцать дробь пятьсот двадцать восемь» выслала им на встречу отряд рабочих дельфинов-загонщиков и флотилию международной рыбокооперации... Короче, дельфины взбунтовались — и ручные и дикие — и оставили рыбаблей с носом. И как всегда в таких случаях, там был дельфин со знаком на лбу. Что я вам говорил, а?

— Сочувствую рыбаблям, но на месте дельфинов поступил бы так же. Из принципа. Ну и все?

— А вам мало мятежа? Ведь это первый случай в таких масштабах! Только дело этим не кончилось — рыбаки перекошматили дельфинов.

— Не понимаю...

— Что же непонятного? Рыбари обозлились и обстреляли дельфинов пиропатронами. Без злого умысла — хотели распугать. А того не учли, что напуганный огнем дельфин инстинктивно уходит под воду, и не всплывет он, пока есть пламя... Скорей задохнется под водой...

— И много дельфинов погибло?

— Рабочих — сорок. А диких — кто их считал. Но я там дал разгон: дельфинологу Комову объявил выговор и на неделю отстранил от работы. Это он придумал с пиропатронами. Мальчишка, два года как институт кончил... Но энергичный

парень, из него толк выйдет... Такие-то вот наши земные мелочные заботы, Иван Сергеевич...

Нина открыла глаза:

— Так вот почему удушье... Они задыхались под водой... И гибли... Чтобы спасти людей...

— Нина, вам плохо? — кинулся к ней Пан.

— Ничего, Иван Сергеевич... Я просто устала... Теперь я все поняла... Все-все. Я расскажу. Обязательно расскажу. Только не сегодня, ладно? Я очень устала. Завтра утром, ладно?

— Конечно, Нина, конечно! — воскликнул Пан с деланным энтузиазмом. — Отдохните, выспитесь хорошенько... А наше любопытство за ночь только крепче станет. Итак, завтра утром...

Окончание в следующем выпуске

Х. ПЕНТЕКОСТ

И ПУСТЬ Я ПОГИБНУ...

Повесть

Бар и закусочная О'Коннела на Третьей авеню были расположены в длинном узком помещении, откуда практически нет никаких других выходов, если не считать, конечно, дымоходы. Бэкстер хорошо знал это и потому, увидев входящего с улицы Джона Спенса, продолжал спокойно сидеть.

Нет, Бэкстер не испугался, увидев Спенса. Ведь хуже того, что он сделал себе сам, никакой Спенс ему натворить

бы не мог. Бэкстер сглотнул слюну и ощутил неприятный вкус во рту. Никто не мог испугать и Спенса, работника ФБР. Все было просто: Спенс — это его бывший друг и настоящий любовник Пенни. Поэтому если у кого-то и должно было возникнуть чувство вины или страха, так это у Спенса. Да, у Спенса и у Пенни!

Спенс остановился у бара и заговорил с барменом Деннисом. Потом он посмотрел в ту сторону, где за столом сидел Бэкстер, и направился к нему. Этот путь показался Бэкстеру вечностью. Остановившись около стола, Джон Спенс какое-то время молча стоял рядом.

— Привет, Поль, — сказал он спокойно.

Бэкстер поднял на него глаза. Вблизи было видно, что лицо Спенса покрыто какими-то красными пятнами.

— Если ты пришел со своими советами, — заметил Бэкстер, — то можешь убираться вон! Я в них не нуждаюсь.

Спенс отодвинул стул напротив Бэкстера, сел.

— Поль, ты плохо выглядишь, — сказал он.

— Да, я плохо выгляжу. Я плохо себя чувствую. Я вообще плохой, — отрезал Бэкстер. — И хватит об этом. Слушай, Джон, давай лучше махнем по рюмочке, а? — Он заглянул в пустой стакан из-под виски, стоящий перед ним, слегка постучал им по столу с тем, чтобы услышал Деннис. Спенс слегка прищурил глаза:

— Ты когда-нибудь бываешь достаточно трезвым, чтобы хоть что-нибудь воспринимать?

— Нет, никогда, — ответил Бэкстер. — Во всяком случае, за исключением тех дней, когда не на что. Потому что, когда я ясно воспринимаю все окружающее, Джон, то не могу четко на это реагировать. Тебе понятно, о чем я говорю? Был рад с вами увидеться, всего хорошего, — язвительно добавил Бэкстер.

Спенс сидел неподвижно. И тут вдруг Бэкстер сильно стукнул пустым стаканом по столу.

— Черт возьми, что же нужно сделать, чтобы ты, Деннис, подошел сюда! — заорал он.

Сидящие в баре посетители повернулись в их сторону.

— Не надо волноваться, господин Бэкстер, — сказал Деннис, подходя к столу. — Вы ведь не один. Что, повторить?

— Двойной, со льдом.

— А что будет ваш приятель?

— Если мой приятель и хочет что-то выпить, — сказал Бэкстер, — то пусть сам и заказывает.

Спенс отрицательно покачал головой, и Деннис удалился.

— Ну что, — снова начал Бэкстер, — наверно, принес

Х. Пентекост — известный американский писатель, один из немногих мастеров наиболее сложного жанра приключенческой литературы — короткой детективной повести. Предлагаемая читателям повесть была написана автором в 50-х годах.

бумаги для развода. Я ведь никогда не стоял тебе поперек дороги, не так ли? Давай вытаскивай их, я подпишу.

— Пенни не согласна на развод, — промолвил Спенс мрачно. — Пенни решительно намерена, да поможет ей бог, быть до конца с тобой, Поль. Уж если Пенни любит, то до конца жизни. Но ведь и ты, Поль, должен что-то для этого сделать! — Голос Спенса дрогнул. — Или ты должен начать свою жизнь сначала, или уж лучше тебе совсем исчезнуть.

— Мне очень жаль, но я не в силах ускорить свою смерть, — ответил Бэкстер, однако почувствовал, как сильно бьется в груди его сердце. Пенни хочет быть до конца с ним! Да, если она любит, то любит. Пенни! Пенни, дорогая, любимая!

Как больно было вспоминать прошлое: те давние дни, когда он с Пенни и Спенсом, который обычно прихватывал с собой какую-нибудь девочку, отправлялись в субботу или воскресенье на океанское побережье. Тяжело было вспоминать и все то, о чем они говорили: Спенс рассказывал об училище ФБР, которое он тогда только что окончил, Пенни мечтала об их будущем. Он рассказывал о своей работе газетного репортера, о повести, над которой он работал ночами. Это был изумительный, разноцветный мир, без тревог и опасений. Да, именно цветной и обманчивый.

— Вот ваша порция, господин Бэкстер, — бармен поставил на стол двойную порцию виски.

Бэкстер торопливо взял стакан, выпил половину.

— Скажу тебе честно, — сказал Спенс. — Я далек от мысли делать что-нибудь исключительно для тебя, Поль. Мне жаль, конечно, но это так. Но, тем не менее, для Пенни, да, для Пенни я сделаю все, чтобы ей в этом помочь.

— Конечно, — грустно промолвил Бэкстер. — Я бы тоже!

Все было так, как будто Джон Спенс был его, Бэкстера, отзвуком, отголоском. Когда-то Бэкстер чувствовал то же самое и уже произносил эти слова — «Для Пенни я сделаю все». Но потом оказывалось, что какая-то неодолимая, всепоглощающая сила заставила его отойти от этих слов. Его все больше охватывало чувство разрыва с Пенни. Почему? Отчего? Как-то психиатр, к которому он обратился в момент сильного отчаяния, объяснил ему причину такого его состояния. Он как будто сейчас слышал этот спокойный, ровный голос:

— Все это не так трудно объяснить, господин Бэкстер. Еще в детстве вы оказались в самом центре отвратительного и мерзкого бракоразводного процесса, который со всеми подробностями обсуждался во многих газетах. Как и любой другой ребенок, вы старались удержать родителей от развода, но это было бесполезно. Родители вас бросили, практически предоставив самому себе, а затем отправили сначала в пансион, а потом в закрытый колледж. С тех пор вас не покидает это ощущение отверженности. У вас возникла боязнь привыкания ко всему тому, что вам нравится, из-за страха потерять это. Именно поэтому вы не в

состоянии создать что-нибудь стоящее для вашей газеты — где-то вы понимаете, что такая попытка может кончиться неудачей и вас уволят. Только поэтому вы боитесь ответственности брачных уз и отцовства. Вы чувствуете, что можете не оправдать надежд и быть отвергнуты тем человеком, которого любите больше всего на свете — вашей женой. Поэтому вы считаете, что лучше даже не пытаться искушать себя ни одним из этих соблазнов. Лучше бежать от них.

Слова, слова... Точно и научно подобранные слова. И тем не менее в них был страх, временами такой сильный, что просто необходимо было немного выпить, чтобы избавиться от этого страха. Но постепенно эти желания возникали все чаще и чаще, пока все, что имело для него какое-нибудь значение, не исчезало в пьяном угаре.

— Поль, я хочу предоставить тебе одну возможность. Пенни считает, что все складывается так безнадежно только потому, что у тебя нет случая показать себя. И вот я позволил себе не согласиться. Думаю, что и ты не откажешься, во всяком случае, не должен отказываться, если я предоставлю тебе такой случай. Если я окажусь прав, то уж Пенни будет доверять мне. Если же ошибусь, ну что ж, тогда Пенни сможет получить то, что она так хочет.

— То есть...

— Тебя, — ответил Спенс.

Сердце Бэкстера сильно забилося.

— Что же это за возможность?

— Этот случай, — начал Спенс, — самая грандиозная сенсация, которая когда-либо попадала в руки журналиста. Если эта новость будет в твоих руках, Поль, то ты сможешь продать ее любой газете или агентству новостей в нашей стране. За эту сенсацию ты сможешь запросить любую сумму, чтобы с лихвой окупить все свои старания и труды.

Поль Бэкстер открыл глаза и сразу же закрыл их — в окно светило такое яркое солнце, что было больно смотреть. Некоторое время он не мог понять, где находится, потому что дома в его спальню солнечный свет не попадал. Нестерпимо болела голова, словно в затылок вонзили что-то острое. Он почувствовал запах свежего кофе, и уже от одного этого запаха его чуть не вырвало. Он смахнул со лба крупные капли пота. Потом его стала бить дрожь. Он-то знал, что избавиться от этого можно только одним, давно испытанным способом. Он попытался облизать губы, но язык был сухим и горячим.

Бэкстер снова открыл глаза и тут понял, что находится в спальне Спенса. Он увидел его аккуратно выглаженные костюмы, висящие в открытом шкафу, галстуки на перекладине, туфли на полках в стороне. Спенс был всегда очень опрятен. Бывало, они подшучивали за это над ним. Потом он увидел на письменном столе фотографию Пенни в тонкой кожаной раме. Острая боль еще сильнее пронзила голову.

Фотография его Пенни на столе у Джона Спенса!

Внезапный ужас охватил Бэкстера. А вдруг где-то здесь, именно в этой квартире находится и сама Пенни! Он провел пальцами по небритому подбородку. Она не должна видеть его таким! Он закрыл глаза и почувствовал, как спазма рыданий стягивает горло. Господи, да ведь она уже сотни раз видела его таким еще задолго до того, как он наконец, стыдясь себя, ушел от нее.

В дверях появился Джон Спенс.

— Извини, что разбудил, — начал Спенс. — Я должен рассказать тебе обо всем до моего ухода на работу.

— Ты... у тебя случайно не найдется чего-нибудь выпить, а, Джон? — спросил Бэкстер.

— Нет, — резко ответил Спенс. — Да даже если бы и было, то я все равно не дал бы тебе. Ты должен быть совершенно трезвым, чтобы понять все, что я скажу. После этого можешь напиваться до одурения, но лучше в каком-либо другом месте.

Бэкстер отправился в ванную и подставил голову под струю холодной воды. Боже, как ужасно он выглядел!

Спенс уже сидел за столом в маленькой кухоньке. На столе были ветчина, яйца и кофе. Спенс просматривал свежие газеты. Взглянув на вошедшего Бэкстера, он показал на дымящуюся чашку с томатным соком.

— Выпей вот это.

Бэкстер сел за стол. Подняв чашку, сделал глоток. Горячий сок обжигал рот. Поставив чашку, он схватился за край стола, чтобы унять колотившую его дрожь.

— Ты, конечно, знаешь, кто такой голландец Хейден? — спросил Спенс.

— Убийца, грабитель, похититель людей. Человек, который способен на самые гнусные преступления.

— Сегодня он в нашей стране, так сказать, враг номер один, — сказал Спенс. — В настоящее время он находится здесь, в Нью-Йорке.

— Какая честь для Нью-Йорка! Уж не хочешь ли ты, чтобы я взял у него интервью? В этом и заключается сенсация? Конечно, Джон, я...

— Нет, — ответил Спенс. — Я хочу, чтобы ты был свидетелем нашей расправы над ним.

Бэкстер покачал головой.

— Я не следил за газетами уже несколько недель и не очень в курсе событий... Ты хочешь сказать, что он был арестован, осужден и теперь будет...

— Я хочу сказать, что он будет убит на Девятой авеню между девятью и десятью часами вечера при выходе из ресторана. Если ты до этого времени еще сможешь быть трезвым, то будешь единственным журналистом, который увидит все собственными глазами.

— Но откуда ты знаешь, что он будет...

— Это я должен его убить, — ответил Спенс.

— Слушай, Джон, подожди минутку...

— Дай мне досказать тебе, — прервал его Спенс, — у нас не так много времени. — Впервые он посмотрел на

Бэкстера открытыми, ясными, честными глазами. — Самой последней операцией Хейдена было ограбление банка в штате Индиана. Местная полиция схватила его, но он сумел скрыться, убив двух охранников и местного шерифа. Теперь за раскрытие этого ограбления взялись мы, работники ФБР. Но Хейден как в воду канул. И вот четыре дня назад нам удалось напасть на его след. Теперь-то мы получим его как на блюдечке.

— Каким же образом? — спросил Бэкстер.

— Есть одна женщина, — ответил Спенс. — Она нам все рассказала. Хейден сделал себе пластическую операцию, а чтобы его не узнали по отпечаткам пальцев, он обработал их каким-то кислотным раствором. Здесь, в Нью-Йорке, он живет уже три месяца и продолжает спокойно руководить своей бандой.

— Наверно, для него подобная пластическая операция равносильна самоубийству, — заметил Бэкстер. — Ведь он был очень симпатичным парнем, настоящий красавец.

— Это его и погубило, — сказал Спенс. — Слишком запоминающаяся внешность да еще такая известность. У него слава, как у голливудской звезды. Поэтому единственным выходом для него было изменить до неузнаваемости свое лицо или из-за этого погибнуть.

— Странно, почему же эта женщина так предала его?

— Я думаю, что надоели его издевательства над ней. На нас она вышла окольными путями, это длинная история, и не стоит ее рассказывать. Сегодня вечером она обедает с Хейденом в этом самом кабачке на Десятой авеню. Перед тем как выйти, она даст нам условный сигнал.

— Так именно ты и должен будешь убить его?

Спенс пожал плечами.

— Мне сдается, что он не даст нам близко подойти к нему и взять его, не открывая пальбы.

— Ты что, уверен, что все на мази?

— Конечно, мы уже несколько раз проверили и перепроверили, — ответил Спенс. — Она сообщила нам фамилию того, кто делал пластическую операцию. Этого человека мы взяли, и он, чтобы выкрутиться, все выложил. Теперь, Поль, слушай внимательно. Все, что я говорю, совершенно секретно. Если кто-нибудь узнает о том, что я тебе рассказал, меня вышибут с работы, а может быть, даже будут судить. Все это я тебе говорю только по одной причине.

— Пенни?

— Только из-за нее. Так вот, напротив этого ресторана есть коричневое трехэтажное здание. С его крыши ты сможешь увидеть все. Если ты еще будешь трезвым и сможешь все хорошо разглядеть, а затем еще и описать, то у тебя в руках будет верный шанс пробиться в люди. В этой папке куча материалов и подробностей о прошлом Хейдена, всякие фотографии, сообщения, — продолжал Спенс. — Можешь сидеть здесь и читать это все, твой материал должен получиться захватывающим. На этом листке записан

адрес здания, на крыше которого ты будешь сидеть. Здесь показано, как пробраться на крышу. Вот, собственно, и все, что ты должен сделать, Поль. Остальное решай сам.

Над коричневым зданием, высоко в небе, на крыше соседнего дома светились яркие электрические огни: реклама автомобильных покрышек. Они зажигались и гасли через определенные промежутки времени, своей монотонностью чем-то напоминая гигантский пульс. На какое-то мгновение на крыше воцарялась тьма, затем сразу становилось светло как днем.

Поль Бэкстер присел около ограждения у края крыши, всматриваясь в улицу внизу. Стояла теплая августовская ночь, но Бэкстеру все равно было холодно и зябко. Он переживал самые жуткие в своей жизни дни. И вспышки рекламы были в этом смысле своеобразной символикой — сначала свет, потом тьма. Светлые промежутки были наполнены надеждой, темные внушали ужас. Какое-то мгновение он уверял себя, что Джон Спенс, несмотря на свою жестокость, был его самым прекрасным другом, лучшего нельзя было и желать. Но уже в следующее мгновение он проклинал Спенса, как мучителя и садиста. Спенс был, конечно, уверен, что Бэкстер сорвется. Видимо, Спенс даже хотел, чтобы так и случилось. По его мнению, Бэкстер скорее всего должен был отправиться в бар О'Коннела, напиться до чертиков и забыть обо всем на свете.

Потом он стал думать о Пенни и о том, что произойдет, если он, несмотря ни на какие трудности, все-таки справится с таким заданием. Если бы он смог опять добиться работы, и Пенни помогла бы ему, то он мог бы вновь поверить в себя. Ведь Пенни готова шагать с ним до конца жизни. Где же конец этой жизни? А конец, видимо, заключался именно в этом конкретном провале, в его неспособности воспользоваться предоставившейся возможностью. И Спенс это хорошо знал. Поэтому-то он и взялся оказать такую «услугу».

Черное и белое, свет и тьма, ритмичные повторяющиеся движения, подобно глухим ударам его сердца, со всех сторон, снова и снова, да и нет...

Пока Бэкстер кое-как держался. Около семи вечера он уже ехал через весь город к дому на Десятой авеню, из последних сил сдерживаясь, чтобы не зайти в какое-нибудь питейное заведение. Сотни раз он уговаривал себя, что одна рюмочка совсем не повредит, зато прекратится эта постоянная дрожь. Но он продолжал держаться.

В двадцать минут восьмого он уже был на крыше того самого коричневого дома, устроившись в углу на самом краю. Примерно в восемь тридцать стемнело, и электрические огни начали вспыхивать и гаснуть.

Без десяти девять по крыше, покрытой толем, раздался скрип шагов. Он спрятался еще глубже в тень, поглядывая через плечо назад. Какой-то человек сначала походил по крыше, а потом медленно подошел к ее краю. При вспышке

света рекламных огней было видно, что человек этот довольно хорошо одет. Видимо, один из осведомителей Спенса.

Чтобы лучше видеть происходящее на улице, Бэкстер слегка приподнялся. Над входом в ресторан мерцала желтая реклама «Монахан» — скорее всего это был ресторан для состоятельных клиентов. Бэкстер опять поймал себя на том, что он думает об искрящейся галерее бутылок за стойкой бара.

Он взглянул на часы. Было без двух минут девять. Бэкстер хорошо помнил план Спенса, набросанный на листках бумаги в досье. Около девяти часов вечера некая Флоренс Кнэпп, бывшая опереточная танцовщица, должна вместе с голландцем Хейденом выйти из «Монахана». Выйдя на улицу, она притворится, что оставила какую-нибудь вещьцу в ресторане, куда затем и вернется. В этот момент Спенс и его люди приблизятся к Хейдену.

В темноте Бэкстер не мог видеть этих людей, но знал, что Спенс и дюжина сотрудников были расставлены в подъездах домов по обеим сторонам улицы, блокируя все входы и выходы, охраняя все переулки между домами. Один из сотрудников должен подойти к Хейдену и приказать ему садиться. Если он окажет хоть какое-то сопротивление, то будет убит на месте.

Бэкстер снова взглянул на часы. Три минуты десятого. Он почувствовал, что вся его спина стала мокрой от пота. Что, если Флоренс Кнэпп где-то допустила ошибку! Вдруг Хейден оказался хитрее! НЕУЖЕЛИ ВЕСЬ ЭТОТ НЕСКОНЧАЕМЫЙ ДЕНЬ ПЫТОК ОКАЖЕТСЯ НАПРАСНЫМ!

Дверь «Монахана» открылась, и из ресторана вышли двое — мужчина и женщина. Бэкстер впился руками в ограждение крыши, подался вперед. Вот мужчина остановился в поисках такси. Женщина что-то сказала ему и пошла обратно в ресторан. Вот он закуривает сигарету. Даже с высоты здания было отчетливо видно пламя спички. Затем из соседней двери показался еще один человек. Бэкстер сразу же узнал высокую угловатую фигуру. Это был Джон Спенс.

Какое-то мгновение Спенс напоминал актера, выходящего из-за кулисы на сцену. Он быстро приближался к Хейдену. Вдруг Хейден резко поднял голову. Видимо, Спенс назвал его по имени. Бэкстер видел, как тот схватился за карман. В это же мгновение с разных сторон раздалось несколько выстрелов. Хейден приподнялся на носки, издал громкий гортанный крик, потом медленно развернулся и рухнул на землю лицом вниз. Из засады вышли люди, окружили распростертое на земле тело. Джон Спенс стоял не двигаясь, глядя на убитого.

Бэкстер полез в карман за платком и в этот момент услышал звуки, от которых ему стало не по себе. Это был алчный, злорадный смех. Он повернулся и взглянул на того, другого человека, который тоже находился на крыше. Смеялся именно он, глядя на происходящее на улице. Вдруг он повернулся и заметил Бэкстера. Несколько се-

кунд они стояли, уставившись в темноте друг на друга. Потом снова зажегся свет рекламных огней.

Леденящий ужас охватил Бэкстера. Страх был настолько силен, что он чуть не потерял сознание. Вновь воцарилась темнота. Но он уже не мог не только сдвинуться с места, но даже открыть рта. Как только он увидел, что этот человек сделал к нему первый шаг, он ясно понял, что одной ногой стоит в могиле. Именно в этот момент Бэкстер узнал этого человека. Бэкстер понял, кто этот человек, несмотря ни на что: ни на реальность всего происходящего, ни на ужас всего случившегося на улице, невзирая на все факты, изложенные в досье Спенса.

Огни зажглись снова, высвечивая еще раз лицо человека, не поврежденное никакой пластической операцией; Бэкстер прекрасно знал это лицо, особенно после того, как он на протяжении нескольких часов изучал все то, что с ним было связано.

— Не шевелись, братец, если не хочешь, чтобы я раскроил тебе череп, — сказал голландец Хейден.

Инстинктивное, неосознанное стремление Поля Бэкстера к бегству, видимо, и спасло ему жизнь. Как только свет рекламы погас, он резко повернулся и в паническом порыве перевалился вниз через ограждение крыши. Это произошло совсем не потому, что он решился на верную смерть. Им владела единственная мысль — быстрее удрать от этого голландца Хейдена; и уж лучше разбиться о мостовую, чем быть живым здесь, на крыше дома.

Однако судьба уготовила ему более легкую участь. Случилось так, что Бэкстер прыгнул во двор, где метрах в двух от земли была крыша гаража. Бэкстер и упал на эту крышу, покрытую гравием, ободрал себе ладони, больно вывихнул ногу, оцарапал лицо.

Но, даже лежа здесь, он продолжал закрывать голову, опасаясь, что Хейден пустит ему вдогонку несколько пуль. Но выстрелов не было: ни сразу, ни в следующие секунды, показавшиеся ему вечностью. Бэкстер начал медленно оценивать происшедшее: так начинает вращаться мотор, долгое время находившийся в замерзшей смазке. Ведь Хейден и не будет стрелять! Он не осмелится, потому что кругом стоят люди Джона Спенса и полицейские. Однако он, конечно, постарается помешать Бэкстеру убежать.

Складывалась какая-то невероятная ситуация. Одно было очевидно — Спенса надули. Голландец Хейден вовсе и не менял свое лицо. Он не обедал в «Монахане» с Флоренс Кинзип. Человек, убитый на улице, был подставным лицом, которого обманным путем вместо Хейдена затащили в ловушку.

Становилось ясно, для чего это было сделано. Теперь, когда дублер Хейдена был убит, настоящий Хейден мог жить спокойно и без всякой боязни. Теперь-то Хейден мог

считать себя совершенно свободным, если бы не одно маленькое обстоятельство. Этим обстоятельством было присутствие Бэкстера на крыше дома. Хейден не мог не поддаться искушению собственными глазами засвидетельствовать свою казнь; но вдруг оказалось, что еще один человек был очевидцем всего происшедшего. Если Бэкстеру удастся скрыться, то Хейден не сможет чувствовать себя полностью свободным, до конца спокойным, не бояться опасности. Кроме того, горькая ирония создавшегося положения усугублялась еще и тем, что Бэкстеру было совершенно безразлично, поймают или нет самого Хейдена. Он хотел только одного — убежать отсюда в какое-нибудь безопасное место, например, в бар О'Коннела на Третьей авеню.

Бэкстер поднялся. Правая нога сильно болела, но на нее можно было все-таки слегка опереться. Он заковылял к небольшому возвышению в центре крыши, которое напоминало верхнюю часть шахты грузового лифта; там же он заметил и пожарный выход. К счастью, дверь оказалась открытой.

Вот наконец и лестница. Бэкстер спустился на первый этаж, который был сплошь заставлен машинами. Пока ему не встретился ни один человек. Прихрамывая, он направился к выходу. У главных ворот стояло кресло, на котором было сложено старое одеяло. Бэкстер понял, что это место ночного сторожа. Держась в тени, он пошел к выходу. Метрах в десяти от выхода он увидел человека, разговаривающего с группой женщин. Они посматривали в ту сторону, где был убит мнимый голландец Хейден.

Бэкстер почувствовал реальный выход из создавшегося положения. Он ведь может обратиться к любому полицейскому и все ему рассказать или забраться куда подальше и сначала привести свои разбитые нервы в порядок. Потом он сможет связаться со Спенсом. Да, это потом. Все это надо сделать потом. А сейчас, пока он не успокоится, ему не стоит ни с кем говорить. Да, и сначала надо еще как-то выбраться отсюда. Может быть и так, что голландец Хейден стоит где-нибудь здесь, за углом, прячется в парадном напротив или сидит в одной из машин, стоящих у тротуара.

Тут Бэкстеру пришла в голову прекрасная идея. Люди всегда оставляют ключи в машинах, хранящихся в гаражах, для того, чтобы в случае необходимости машину можно было передвигать с места на место. Необходимо только выбрать такую машину, на которой можно быстро выехать за ворота гаража, тогда он будет спасен. Постояв у дверей, он вернулся в гараж. Прямо напротив выездных ворот стоял черный лимузин. Бэкстер сел за руль. Его трясло с головы до ног, пока он изучал приборный щиток, разыскивал кнопку стартера, ключ зажигания, педаль газа. Все должно сработать с первого раза.

Проехав около шести кварталов к центру города, он старался все время забирать правее к Бродвею и, только

остановившись на красный свет у Восьмой авеню, подъехал к тротуару и вышел из машины. Через пять минут он уже смешался с толпой людей, шагающих по Бродвею.

На этой улице не было ничего, что хоть чем-то напоминало о голландце Хейдене, и от этого Бэкстеру стало легче. Но как только он расслабился, то понял, что неизменно устал. Физические и психические нагрузки измотали его вконец. Казалось, что до бара О'Коннела еще шагать сотни миль. Конечно, он мог бы остановиться и выпить необходимый ему стаканчик где-нибудь в другом месте, но бар О'Коннела казался ему недосыгаемым оазисом безопасности. Как только он доберется туда, с ним уже ничего не случится. Люди искоса поглядывали на него, когда он, пошатываясь, шел через город. А он просто не отдавал себе отчета в том, как выглядит со стороны: лицо и руки в кровавых ссадинах, брючина разорвана, весь костюм выпачкан в грязи и гудроне.

И как раз в тот момент, когда уже не было никаких сил сделать ни ярда, он увидел тусклые огни над баром О'Коннела. Пошатываясь, ввалился в бар.

— Боже мой, господин Бэкстер, какой ужас, как вы выглядите! — вскричал Деннис. — Что случилось?

— Деннис, ради бога, дай лучше выпить!

Вот уже второй раз подряд пробуждался Поль Бэкстер с самыми жуткими ощущениями и каждый раз не в своей собственной квартире. Открыв глаза, он лежал без движений в полутьме, пытаясь представить, что происходило в моменты забытья.

Постепенно все прояснялось. Он уже понял, что лежит на старом кожаном диване в служебной комнате Пэта О'Коннела, которую все, оптимистично шутя, называли «кабинетом». Он не помнил, как попал сюда, но, судя по тонким полоскам света, пробивающимся сквозь ставни на окнах, понял, что, видимо, уже наступило утро.

Он попробовал повернуться и застонал от боли. Все тело было в ссадинах от вчерашнего падения. Встав, он заковылял к двери.

— Деннис! Деннис!

Через минуту появился Деннис.

— Который час? — спросил Бэкстер.

— Четыре часа дня, господин Бэкстер. Вы проспали почти четырнадцать часов. Думаю, что вам это только на пользу.

— Сейчас мне бы лучше пару глоточков спиртного.

— Я так и думал, — ответил Деннис. Он полез в задний карман и вытащил фляжку виски. — Я догадывался, что вам сейчас здорово не по себе.

Бэкстер взял бутылку, вытащил пробку. Пока он пил, в его голове крутились бессвязные мысли. Но, по мере того как по телу разливались волны тепла, мысли принимали стройные очертания.

— Деннис, у вас есть газеты? Сегодняшние газеты.

— Конечно, — ответил Деннис. — Сейчас принесу. Масса интересного. Вчера вечером агенты ФБР схватили голландца Хейдена. На Десятой авеню. Пристрелили его ко всем чертям.

Бэкстер облизал пересохшие губы.

— Разрешите мне самому посмотреть газету, Деннис. Между прочим, нет ли у вас бритвы?

Деннис принес газету, бритву и ушел. Бэкстер опустился на край дивана. Да, мрачная картина. Вот фотография Хейдена, «взятая из картотеки хирурга после пластической операции». Потом шла фотография того, второго типа, лежащего в пыли с открытым ртом, из которого текла струйка крови, застывшие глаза были широко открыты. Под фотографией была подпись: «Конец безумному бандиту».

Может быть, и так, подумал Бэкстер. Вполне может быть, что этот мертвый человек действительно сумасшедший бандит, но ведь это не голландец Хейден. Бэкстер было потянулся за бутылкой, стоящей около него на полу, но был настолько поглощен чтением, что до бутылки так и не дотянулся. В газете пелись дифирамбы специальному агенту ФБР Джону Спенсу. Тут была также и фотография почти обнаженной Флоренс Кнэпп, той девицы, которая выдала агентам Хейдена. Была и фотография хирурга, который «под страхом смерти делал пластическую операцию голландцу Хейдену».

Бэкстер сидел и, хмурясь, рассматривал эти фото. Где-то внутри негодовал Бэкстер-журналист. Эти фотографии, говорил он про себя, жуткое недоразумение. Они, по сути, второе недоразумение в этом разыгранном праздничном представлении, которое должно было убедить общественность в том, что голландец Хейден мертв.

Первой ошибкой и недоразумением было фатальное желание Хейдена присутствовать на своей собственной казни, в результате чего он и был обнаружен. Эти фотографии уже вторая ошибка. Ведь даже Джон Спенс должен был почувствовать здесь подвох. Например, эта девица не только позволяет всем себя фотографировать, но и сообщает свою фамилию! У Хейдена ведь масса дружков, и если бы он действительно был убит, то они уже давно бы свели счеты со всеми предателями, а тут эта девица, позирующая перед камерами, сообщает не только свою фамилию, но даже и адрес отеля, где она живет! Довольно любопытная смесь, если только, конечно, не знать, что Хейден на самом деле не убит. Его дружки и пальцем ее не тронут да сами вдоволь посмеются над тем, что Спенс, даже не подозревая, убил совсем другого человека.

В этот момент Бэкстер почувствовал, что и на нем лежит определенная доля ответственности за все происходящее. Он обязан явиться к Спенсу и доложить ему обо всем.

Включив электробритву, он стал бриться, глядясь в пыльное зеркало на стене. Бутылка виски так и осталась стоять едва отпитой на полу у дивана.

На столе у секретарши Спенса раздался звонок. Она повернулась к Бэкстеру, сказала:

— Вы можете зайти, господин Бэкстер.

Спенс просматривал какие-то бумаги и даже не взглянул на вошедшего Бэкстера. Он молчал. Бэкстер стоял прямо напротив стола Спенса, пытаясь вытащить из кармана сигарету, но сильная дрожь мешала ему сделать это.

— Привет, герой-победитель, — почему-то грустно произнес Бэкстер, когда молчание стало уже невыносимым.

Наконец-то Спенс взглянул на него. Его серые глаза были усталыми.

— Ну что ж, и это дело ты прошляпил, — сказал он безразличным тоном.

— Я прошляпил?!

Спенс показал на кипу газет, лежащих на столе.

— Сначала я подумал, что ты почему-либо не успел в утренний выпуск. Потом вспомнил, что у тебя есть связи в нескольких дневных газетах. Но ведь ты упустил все на свете. И теперь остается только взглянуть на тебя, чтобы убедиться, что ты опять был пьян.

— Нет, ты послушай! — едва сдерживаясь, начал Бэкстер, и от гнева дрожь стала еще сильнее. — Я был там, на крыше. И все видел. И знаю, что...

— Но ты не смог до конца оставаться трезвым и все описать.

— Может быть, дашь и мне возможность высказаться? — закричал Бэкстер. — Я действительно напился. Сознаюсь. Но напился я только потому, что это была единственная возможность отделаться от чувства страха.

— Могу себе представить.

— А испугался я только потому, что Ты все прошляпил.

Брови на лице Спенса взлетели в неподдельном удивлении.

— Вчера вечером вы взяли совсем не голландца Хейдена, — продолжал Бэкстер. — Вы ухлопали подсадного человека. Такое сообщение я, конечно, не мог послать в газеты, не разбив одновременно твои шансы, которые со всей очевидностью говорили за то, что Хейден все-таки схвачен. Я понимаю, мне надо было явиться сюда значительно раньше, но, по правде говоря, я действительно напился и только потому, что до смерти испугался.

Спенс вздохнул.

— Давай забудем об этом, Поль. Сейчас я не нуждаюсь и не хочу слышать никакие фантастические объяснения.

— Но, черт возьми, послушай же! — вскричал Бэкстер. — Я был там, на этой крыше! Еще за несколько часов до того, как вы прокрутили весь ваш спектакль. И за весь день я ни грамма не выпил. Ни грамма! Это ты понимаешь? Так вот, без чего-то девять на крышу поднялся еще кто-то. Какой-то мужчина. Я тихонько лежал в углу, потому что не хотел, чтобы в последнюю минуту меня оттуда выставили. Я видел, как из «Монахана» вышли этот парень и девица. Видел, как ты приближался к нему. Видел, как

он вытащил пистолет. Даже видел то, как ты и твои мальчики пристрелили его. Разве это было не так?

— Это со всеми подробностями описано во всех наших газетах, — устало произнес Спенс.

— Да, теперь послушай то, о чем не было написано в газетах! — ответил Бэкстер. — Когда тот парень был убит, я услышал чей-то смех. Так это смеялся человек, который был на крыше. Я повернулся, чтобы посмотреть на него. Яркие огни рекламы то вспыхивали, то гасли. И вот когда огни зажглись, я разглядел его лицо. Это был голландец Хейден! Не было никакой пластической операции. Ничего! Они надули тебя, Джон. Ты попался на их удочку.

— Представляю, — уныло заметил Спенс, — как здорово вы с голландцем Хейденом над всем этим посмеялись.

— Если бы я быстро не смылся, — ответил Бэкстер.

— Ха! Так Хейден и отпустил тебя!

— Я перепрыгнул через ограждение и свалился вниз.

— Упал с третьего этажа на улицу, чудом остался жив только для того, чтобы рассказать мне эту сказку.

— Я упал на крышу гаража. Поэтому получилось, что падал я всего около двух метров. Для меня это окончилось довольно благополучно.

— Ну и что же дальше? — спросил Спенс. В его голосе звучала теперь едва скрываемая злоба.

— Решив, что Хейден постарается помешать мне скрыться, я пробрался в гараж, украл машину и удрал оттуда. Машину я бросил около Восьмой авеню и побрел в бар О'Коннела. Мне бы надо было связаться сразу с тобой, Джон, но я был чертовски измотан. Мне было очень страшно. Потом я выпил немного и, веришь, только час назад встал.

— Может быть, ты тогда скажешь, кто этот человек, которого взяли мы?

— Черт возьми, откуда я знаю? Но я уверен, что это не Хейден. Слушай, Джон, это настоящая сенсация. Но, приличия ради, я должен был придержать этот материал, пока у тебя не созреет какой-нибудь план.

Спенс долго молчал, потом, откинувшись на спинку кресла, посмотрел на Бэкстера грустно и укоризненно.

— Поль, у нас с тобой было пари, — сказал он. — Я знаю, все шансы были против того, чтобы ты выиграл. Может быть, ты и был там, на крыше. Может быть, ты действительно видел, как мы брали Хейдена. Но это такая фантастическая отговорка...

У Бэкстера пересохло во рту.

— Ты мне не веришь?

— Я думаю, Поль, что тебе не стоило придумывать все это.

— А я говорю тебе, что Хейден жив! Он стоял на крыше того дома. Я видел его!

— Ну ладно, хватит. — Спенс отодвинул назад кресло, встал, всем своим видом показывая, что Бэкстер может уходить.

— Джон, выслушай меня, — проговорил Бэкстер. —

Это правда, клянусь тебе. Хейден жив! — На его лице выступила испарина. — Джон! Разве тебе не кажется странным, что эта девица Кнэпп создала вокруг себя такую рекламную шумиху? Ты думаешь, банда Хейдена не может ее поймать?

— Какая банда? — возразил Спенс. — Мы их всех взяли.

— Если бы Хейден был действительно убит, они бы расправились с ней.

— Конечно, конечно, — ответил Спенс. — Это ее проблема.

— Джон, я говорю правду! — взмолился Бэкстер. — Ты же знаешь, что бы ни происходило, я никогда не лгал.

— Будем считать это фантастическим происшествием, — заметил Спенс. — Из всего этого получился бы занимательный роман. Почему бы тебе не попробовать? — Его голос звучал насмешливо.

Слезы навернулись Бэкстеру на глаза. Его голос дрожал:

— Стало быть, ты не возражаешь, если я передам о случившемся в газеты?

— Нет, — ответил Спенс, — не возражаю. Но лучше не старайся, Поль. А теперь извини меня, я должен идти. У меня свидание.

— С ней?.. С Пенни?

В голосе Спенса появились железные нотки:

— Теперь это уж совершенно не твое дело, Поль.

Бэкстер ехал в вагончике метро из центра города, покачиваясь в такт поезду. Все, что произошло в офисе у Спенса, казалось ему совершенно неправдоподобным. Где-то он еще мог предположить, что Спенс побранит его за такую долгую задержку со всеми известными ему фактами, но он совсем не ожидал, что его можно обвинить во лжи. Ведь действительно ни Пенни, ни кому другому он никогда не говорил неправду. Как только он вспоминал холодные, недоверчивые глаза Спенса, его одновременно обуревали и гнев и собственная беспомощность.

Да провались все это! В конце концов, и этот голландец Хейден не его забота. Уж если Спенс хочет жить как заблуждающийся ангел — это его личное дело. Конечно, когда-нибудь Хейден появится снова, и тогда-то уж Спенсу nepоздоровится. А он, Бэкстер, может подождать, думал он про себя.

Потом он представил себе Джона Спенса и Пенни. Через несколько минут они, видимо, должны встретиться, и Спенс, конечно, расскажет ей о случившемся, и она, конечно, тоже подумает, что именно он все прогляпал, и что только для того, чтобы хоть как-то оправдаться, он докатился до этой глупой выдумки. Теперь это будет концом всему. Ведь все дело заключалось в том, что он не смог выдержать испытание. А если Пенни бросит его, если она перестанет его ждать...

Он вышел из метро на Центральном вокзале и направился было в сторону Третьей авеню, в бар О'Коннела. Но тут он вспомнил, что каждый день приблизительно в 6 часов в Балтиморский бар заходит его старый друг, редактор раздела городских новостей Сэм Кэви со своими «мальчиками», чтобы выпить рюмочку перед отходом поезда на Уестчестер. Бэкстер взглянул на часы, было всего пять минут шестого. У него еще есть время перехватить Сэма Кэви и рассказать ему всю эту историю. А уж Сэм-то лучше кого другого знал, что Бэкстер честный журналист, во всяком случае, всегда был таким и никогда не подтачивал факты.

Бэкстер быстро направился через все здание вокзала к Балтиморскому бару. Он вошел в бар — длинное овальное помещение, до отказа забитое рабочими-сменщиками. Как только он почувствовал запах спиртного, его лицо судорожно передернулось. «Нет, все это потом». Он медленно пробирался между столиками бара, разыскивая Сэма. Наконец он увидел его. Обойдя вокруг стола, он подошел ближе и тронул Сэма за рукав пальто. На лице Сэма появилось выражение безразличия.

— Привет, Поль, — сказал он.

— Сэм, можно с тобой минутку поговорить с глазу на глаз?

Кэви какое-то мгновение колебался, потом пожал плечами и отошел от своих друзей.

— Вот свободный столик, — заметил Бэкстер.

— Видишь ли, у меня действительно нет времени, Поль. Мне надо успеть на поезд, — сказал Кэви. Затем добавил слегка смущенно: — Если тебя устроит пара сотен...

— Я пришел к тебе не для того, чтобы выпрашивать деньги! — отрезал Бэкстер.

— Извини, Поль, но я слышал, что...

— Я пришел предложить тебе самую крупную сенсацию, которую ты когда-либо публиковал в своей газете. Когда я расскажу тебе все, ты наверняка никуда не захочешь ехать. Присядем.

И Бэкстер начал торопливо рассказывать. Слова так и вылетали из него. Во время своего рассказа он стал замечать, как на лице Кэви вновь появилось безразличное выражение. Испугавшись, он стал более внимательно выбирать слова. Не дослушав до конца, Кэви встал.

— Сэм, осталось совсем чуть-чуть. Пожалуйста, сядь и дослушай!

Но Кэви уже быстро шел прочь. Бэкстер догнал его, схватил за руку. Кэви резко высвободился.

— Прекрати-ка эти штучки. А то я тебя быстро выкину отсюда за уши.

Бэкстер оторопело опустил на стул. Официанту, подошедшему принять заказ, он отрицательно качнул головой. Затем поднялся и через боковую дверь вышел на Мэдисон авеню. Как все ужасно! Как все глупо! Как же должен поступить человек, который говорит совершенно очевидную,

чистейшую правду, а все люди смотрят на него так, будто он преследует какие-то корыстные цели?

Он повернул направо. Бар О'Коннела находился именно в этом направлении. Ему необходимо все спокойно обдумать. Может быть, поговорить с Деннисом? Вот Деннис бы ему поверил. Уж, во всяком случае, Деннис бы сказал, что верит ему. Хотя вообще-то Деннис никогда не верил никаким разговорам. Да и что за польза от того, что Деннис ему поверит?

Может быть, заявить в полицию! Но если Спенс не поверил ему да Сэм Кэви не внял его рассказу, что можно ожидать от твердолобого дежурного сержанта?

Пенни! Только Пенни хорошо знала эту его черту, именно то, что он никогда не лгал. Бэнкстер резко остановился и посмотрел по сторонам. Он увидел лавчонку на углу Лексингтон авеню и быстро зашагал туда, шаря по карманам в поисках мелочи. Войдя в помещение, он направился к телефонной стойке, расположенной в глубине лавки, с трудом поборол дрожь в пальцах, опустил монету в автомат и только с третьей попытки ему все-таки удалось набрать правильный номер телефона.

— Пенни!

Он ясно слышал ее порывистое дыхание.

— О, Поль, это ты!

— Пенни, Джон у тебя?

— Да.

— Значит, ты уже все знаешь... Послушай, Пенни. Все, что я говорил Джону, все до единого слова правда.

— Поль, я...

— До единого слова, слышишь, Пенни! Разве я когда-нибудь говорил тебе неправду?

— Я думаю, что нет, Поль. Но...

— И каждое слово во всем этом тоже правда. Я был там. Видел стрельбу на улице. Потом я увидел Хейдена. Он был совсем рядом со мной там, на крыше.

— Я знаю, тебе кажется, что это правда, Поль. Я уверена, что ты был там. Я уверена, ты думаешь, что видел Хейдена. Но...

— Пенни, я действительно видел его. Перед этим я весь день изучал его фотографии. Я видел его много раз по телевизору. Да если бы это был не Хейден, то зачем бы ему грозить мне пистолетом?

— Милый Поль... — ее голос дрожал.

— Пенни, тут совершенно все ясно! Ведь это не... ну не галлюцинация! Я же не придумал все это. Я ВИДЕЛ ЕГО! Ты должна мне поверить.

— Все это хорошо, Поль. Я...

— Перестань! — прервал он резко.

— Я не понимаю тебя, Поль.

— Хватит меня успокаивать! И перестань разговаривать со мной так, будто я маленький ребенок, которому приснился плохой сон! Ведь все это было на самом деле.

Он бросил трубку на рычаг. Значит, так! Она все еще

верит, что он ХОТЕЛ БЫ говорить правду, но теперь он уже не в состоянии отличить реальность от вымысла. Теперь стало ясно, о чем она думала.

Бэкстер в изнеможении прислонился к стене телефонной будки. Теперь получается, что он лишил Пенни всего, что только можно было у нее взять, именно поэтому она ему теперь и не верит: это значит, что у них больше нет ни любви, ни надежды. Эх, старина Бэкстер! Как жаль, что все так случилось! Его слова были всегда лишь только векселями, а теперь надо мыслить реальными категориями. Очнись, Поль. Это всего-навсего дурной сон.

— Я видел голландца Хейдена, клянусь богом! — вскричал он. — И я докажу это.

Он выбежал из телефонной будки, весь обливаясь потом.

На углу Третьей авеню Бэкстер на какое-то мгновение остановился, задумавшись. Бар О'Коннела был совсем рядом отсюда. А учитывая его разбитое состояние, этот бар был бы хорошим местом, где можно было провести пару часов, размышляя о деле. Но там наверняка придется разговаривать с людьми, а дело-то как раз и заключалось в том, что он должен все решить самостоятельно. И он повернул обратно по направлению к кирпичному дому с меблированными квартирами, в одной из которых жил он сам.

По дороге он остановился у винно-водочного магазина и купил пинту кукурузного виски. Когда он пришел домой, было уже жарко. Он снял пиджак, галстук, налил полстакана виски, поставил его на столик, закурил сигарету. Затем лег на кровать и, положив руки под голову, задумался.

Значит, так: если возникла какая-то проблема, то ее сначала необходимо разобрать детально. Хейден жив. Вчера вечером он еще был в Нью-Йорке, и можно спорить на что угодно, что он еще здесь. Хейден, видимо, чувствует себя очень спокойно. Все газеты фактически признали, что он убит. Он скорее всего решил, что человек, который оказался с ним на крыше, не узнал его, иначе что-нибудь уже давно бы просочилось в газеты. Учитывая это, он считает себя в полной безопасности.

И что же из этого следует? Надо бы проделать несколько детективных уловок и попытаться обнаружить его. Затем вызвать полицейского и заявить ему: «Вот это голландец Хейден. Как видите, он оказался живым». А полицейский на это посоветует заниматься и дальше газетными новостями, а сам вдоволь посмеется с Хейденом. «Вы действительно похожи на голландца, сэр, — скажет он ему, — но не надо ругать несчастного бездельника за то, что ему все что-то кажется».

Нет, просто обнаружить и заявить на него на улице, в ресторане или ночном клубе — этого явно недостаточно. Вот если бы обнаружить Хейдена в действии, где-то заставить его схватиться за оружие, как-то загнать его в такое место, где его легко будет арестовать, снять с него отпечатки пальцев... Но как?

Выход только один. Надо вынудить Хейдена к действиям

в тот момент, когда тот будет перед Спенсом и его людьми. Но в таком случае могут и тебя пристрелить. Точно при таких же обстоятельствах уже погиб похищенный ребенок, больше десяти невинных прохожих да эта «подсадная утка» на Десятой авеню. Поэтому если сегодняшняя ночь для него вопрос жизни или смерти, если Пенни, Спенс и все остальные считают его ходячим истеричным идиотом, то нет и смысла во всей этой жизни. Вопрос только в том, как заставить Хейдена действовать на глазах у Спенса?

Догорающая сигарета обожгла пальцы, и Бэкстер от неожиданности уронил на пол окурок. Он поднял сигарету, посмотрел на стакан с виски, который так и остался стоять нетронутым на туалетном столике. Ничего, говорил он себе, можно и подождать, пока все не разрешится. Его ум должен быть абсолютно ясным. Это казалось довольно странным, но еще два дня назад ему бы даже в голову не пришло, что с этим можно и подождать.

Теперь-то, конечно, дело прошлое, но тем не менее Спенс мог бы более настороженно отнестись к этой девице, Флоренс Кнэпп. К этой Флоренс Кнэпп, позирующей фотографам с платьем, задранном выше колен. К Флоренс Кнэпп, бойко заявляющей, что она живет в отеле «Чандлер» и надеется устроиться на какую-нибудь хорошую работу в городе. Спенс должен был почувствовать, что все это кем-то ловко подстроено. Да, Флоренс Кнэпп!..

Бэкстер продолжал лежать, хмуро уставившись в потолок, постукивая незажженной сигаретой по тыльной стороне руки. Флоренс Кнэпп!..

Он встал, подошел к зеркалу трюмо и взглянул на себя. Провел пальцем по щекам. Электробритва Денниса хорошо бреет. Расстегнув рубашку, он снял ее, затем открыл средний ящик комода. Подумав, выбрал синюю рубашку и галстук в горошек. Аккуратно завязывая галстук, он заметил, к своему удивлению, что пальцы его теперь совсем не дрожали. Причесавшись, он надел пиджак и приспустил на один бок шляпу с загнутыми полями.

Погасив за собой свет, он вышел из квартиры. Вытащив брелок с ключами, чтобы закрыть дверь, он долго и внимательно их разглядывал. Вот два ключа, которыми он на протяжении нескольких месяцев совсем не пользовался. Один от квартиры Пенни. Закрыв дверь, он стал спускаться вниз.

Там, в закрытой комнате, на столике так и остался стоять нетронутый стакан с виски.

Когда-то «Чандлер» был одним из самых популярных отелей. Колонны вестибюля до сих пор украшали лепные ангелы, играющие на арфах, однако позолота во многих местах уже облупилась. Когда Бэкстер вошел в отель, часы, висевшие над конторкой дежурного администратора, показывали десять минут восьмого. Бэкстер подошел к окошку дежурного.

— Мне бы хотелось поговорить с мисс Флоренс Кнэпп по внутреннему телефону, — сказал Бэкстер. — Дайте, пожалуйста, номер ее комнаты?

— Вы ее знакомый?

— Конечно!

— Не могли бы вы назвать свою фамилию?

— Послушайте, я прошу вас дать мне только номер ее комнаты.

— Нет, я не могу это сделать, вот если вы назовете себя, тогда другое дело, — ответил клерк.

Молодой человек поднялся из-за своей конторки.

— А, так вы журналист! Мисс Кнэпп нас строго предупредила — никаких репортеров! Она очень просила.

— Может быть, как-нибудь договоримся? — спросил Бэкстер.

— Попробуйте, — с тенью презрения ответил клерк. — А вообще если вы хотите увидеть мисс Кнэпп, то вон она с каким-то господином спускается по лестнице.

Нахлобучив поглубже шляпу, Бэкстер повернулся. А что, если с ней Хейден?.. Нет, так быть не может. Они не рискнут появиться вместе на людях.

Это действительно был не Хейден. Бэкстер узнал в ее попутчике известного бродвейского журналиста. Видимо, за свою биографию мисс Кнэпп собирается содрать с какой-нибудь газетки солидный куш. Естественно, что свою жизнь она постарается представить в самом занимательном виде — здесь-то уж она даст волю фантазии.

Бэкстер проследил, как они вышли из отеля и сели в такси. Ему не хотелось следить за ними. У него было время ждать. Ему необходимо поговорить с мисс Кнэпп только наедине и так, чтобы их никто не прерывал.

Флоренс Кнэпп выглядела почти так же, как на многочисленных своих фотографиях. Конечно, она не могла не знать о тайных планах Хейдена. Она участвовала во всех операциях по похищению людей, многочисленных убийствах, да и в этом убийстве на Десятой авеню. Однако, несмотря на всю ее красоту и сверкающее великолепие белых волос, от нее веяло холодом и смертью. Бэкстера охватила знакомая дрожь. Если он не проявит максимальной осторожности в этой игре, то эта улыбающаяся блондинка может очень хорошо посмеяться и на его похоронах.

К моменту возвращения Флоренс Кнэпп, а она вернулась гораздо раньше, чем он ожидал, во рту у Бэкстера совсем пересохло, язык словно распух. Нервы его были напряжены до предела. Звуки музыкального автомата в баре стали похожи на гудки сирены, но он сидел, сжав что есть мочи подлокотники кресла, и в трансе повторял про себя всякие стихи, вспоминал имена товарищей по колледжу и прочую чепуху с тем, чтобы только отключиться от звуков музыки, призывного звона стаканов, взрывов смеха.

И вот минут десять первого ночи через вращающуюся входную дверь появилась Флоренс Кнэпп. Ее сопровождал все тот же репортер. Бэкстер поднялся из кресла. И в этот момент у него родилась идея. Если репортер станет подни-

маться с Кнэпп по лестнице, то он пойдет за ними следом. На его счастье, дежурный клерк куда-то отошел.

Однако репортер стал прощаться, после чего Флоренс Кнэпп быстро зашагала через вестибюль к лестнице.

— Мисс Кнэпп, можно поговорить с вами одну минутку, — голос Бэкстера был хриплым и сухим.

В глазах девицы чувствовалась затаенная враждебность.

— Нет, — ответила она и хотела обойти Бэкстера, но он преградил ей путь.

— Это очень важно.

— Вы что, репортер? Я же сказала всем журналистам, что для них я уже выделила один день.

— Нет, я не журналист, — ответил Бэкстер. — И не коллекционер автографов. Я должен непременно поговорить с вами.

— О чем же?

— О голландце Хейдене.

— Послушайте, я уже вам ответила...

— Мне надо знать, как связаться с голландцем, — произнес Бэкстер как можно спокойней.

Флоренс Кнэпп взглянула на него с неподдельным удивлением. Ее пальцы нервно сжимали сумочку. «Значит, попал в цель», — подумал Бэкстер.

— Да кто же вы, черт возьми, уж не новоиспеченный ли Джек Потрошитель? — спросила она грубо. — Или вы не читаете газеты? Так знайте, голландца Хейдена вчера вечером убили полицейские.

— Так и убили? — Бэкстер оглянулся по сторонам. В фойе они были совершенно одни. — Дело в том, что именно я был в тот момент на крыше, — добавил он.

Флоренс Кнэпп открыла уже было рот, чтобы ответить что-нибудь, но замолчала. Она только слегка прищурила глаза. Эти глаза что-то судорожно анализировали и как бы вновь внимательно разглядывали Бэкстера.

— Ну хорошо, я согласна, давайте поговорим. Может быть, зайдём в бар?

— Нет.

— Где же тогда?

— Нам надо уйти из этого здания. Будем ездить в такси вокруг дома. Мне бы не хотелось, чтобы вы просигналили своим друзьям или показали меня кому-нибудь из тех, кто потом сможет опознать меня при встрече с голландцем.

Ему стало ясно, что такая догадливость ей совсем не понравилась.

— Вы ведь тоже в этом замешаны, — сказал он. — Кроме того, я думаю, что сотрудники ФБР вряд ли обрадуются, если узнают, что все рассказанное вами — сплошная ложь. А уж они-то знают, где и как вас разыскать.

— Хорошо, пошли.

Они сели в такси, стоявшее около отеля. Бэкстер сказал водителю, чтобы тот какое-то время поездил вокруг дома. Затем он проверил, плотно ли закрыта стеклянная перего-

родка между задним, пассажирским, и передним сиденьем водителя.

— Ну так как с моим предложением, мисс Кнэпп?

— Мне кажется, что вы не совсем нормальный человек, — начала она. — Я даже не совсем понимаю, о чем конкретно идет речь. Голландец Хейден умер вчера вечером.

— Зачем же тогда вы пошли со мной? — спросил Бэкстер. — Я не так глуп, чтобы этого не понять. Я никому, конечно, не сказал о том, что случилось вчера вечером, — он слегка улыбнулся. — Вы еще больше удивитесь, если я расскажу о закулисной стороне всего дела. Смеем вас заверить, что это в точности совпадает со всем тем, что знаете и вы. Потому что вам точно известно, что произошло на самом деле.

— Зачем вам понадобилось связываться с Хейденом? — спросила она уже более свободно и непринужденно.

— Разве по мне не видно, что я несколько поиздержался, — ответил Бэкстер.

— Это скорее похоже на вымогательство.

— В таких случаях я всегда говорю: живешь сам и дай жить другим.

— Даже если бы я знала, где голландец, то уж не думаете ли вы, что я вам рассказала бы об этом, — сказала она. Бэкстер заметил, как она поежилась. — Мне ведь тоже хочется жить.

— Нет, я даже и не рассчитывал, что вы мне расскажете, как найти его. Но я хотел бы очень надеяться, что сегодня вечером вы передадите Хейдену мою маленькую записку. Мне хотелось бы, чтобы вы рассказали ему о нашей встрече и о том, что я хочу его видеть.

— А если он согласится, то как я свяжусь с вами? — спросила Кнэпп.

— Не делайте из меня идиота, — ответил Бэкстер. — Записка будет следующего содержания. Я хочу видеть Хейдена завтра днем в 16.15. Он должен прийти туда, где буду я, и там мы поговорим.

— А где будете вы?

— Завтра я пришлю письмо с нарочным, в котором будут подробные указания насчет того, как Хейден найдет меня. Вы получите письмо без пятнадцати четыре. До встречи со мной у Хейдена будет ровно полчаса.

— А если он не согласится?

— Тогда в четыре тридцать я иду в ФБР, — сказал Бэкстер, стараясь придать своему голосу максимум непринужденности. Конечно, ни она, ни Хейден не могли знать, что в ФБР уже зло посмеялись над ним. — И передайте Хейдену, что он может явиться и не один, но пусть обязательно придет сам лично. Потому что еще до нашей встречи на условленном месте я буду знать, идет он сам или подослал кого-либо из своих мальчиков. Пожалуйста, не забудьте напомнить ему об этом.

— Хорошо, я все передам ему, — ответила Кнэпп. Она

враждебно смотрела на него, стараясь раскусить его замысел.

— Ни с кем другим, кроме Хейдена, я не стану разговаривать, — твердо сказал Бэкстер. — И еще передайте ему, что нам есть о чем поговорить, прежде чем он постарается пристрелить меня. В отличие от вашего приятеля на Десятой авеню есть такие люди, сама смерть которых уже говорит сама за себя.

— Что вы имеете в виду? — спросила девушка.

— Вашего вчерашнего приятеля, с которым вы обедали, — ответил Бэкстер. — Ведь он так и не смог высказаться, потому что не знал всего того, что должно было случиться. И действительно, нетрудно представить себе такую ситуацию: вот парень, которого разыскивает полиция, ему делают пластическую операцию, обрабатывают раствором его пальцы, сам Хейден помогает ему всеми силами, вы любезно кокетничаете с ним, а ему и невдомек, что судьба его уже решена. На свой счет у меня нет никаких иллюзий, мисс Кнэпп. Но мне бы не хотелось оказаться на месте этого парня. Если уж это и случится, то все, что я вам говорил, станет достоянием гласности.

Девушка молчала.

— Ну так как, мисс Кнэпп?

— Хорошо, я передам ваше письмо. Но больше я не могу вам ничего обещать. Вы пришлете мне свою записку без пятнадцати четыре, да?

— Да, ровно без пятнадцати, — сказав это, Бэкстер опустил стеклоперегородку. — Пожалуйста, выпустите меня здесь, а даму отвезите обратно в «Чандлер».

Машина остановилась у тротуара. Бэкстер вынул деньги, протянул водителю.

— Этого должно хватить и на чаевые. — И, повернувшись к Кнэпп, добавил: — Спокойной ночи.

Взглянув на него, она слегка покачала головой: «Играешь с огнем, братец».

Бэкстер еще раньше определил, что они находятся около станции метро «Центральный вокзал». Он быстро спустился в метрополитен, сделал несколько ложных пересадок, пока не убедился, что Флоренс Кнэпп не следит за ним. Затем доехал до Лексингтон авеню и только после этого через весь город поехал домой.

Открыв дверь, он зажег свет и некоторое время постоял, глядя на свои ключи. Два ключа были особенными. Из них один от квартиры Пенни. Его взгляд упал на стакан с виски, стоящий на тумбочке у кровати. Про себя он подумал, что у него все-таки есть сила воли отказаться от спиртного. Ему еще надо было кое-что сделать. И он не мог полагаться на то, как он будет чувствовать себя после выпитого.

Он достал из стола коробку с писчей бумагой, ручку, чернила. Сел за стол, закурил сигарету и, немного подумав, написал крупным, разборчивым почерком:

«Восток, 37-я улица, дом 125. Нажмите на кнопку против таблички без фамилии. Поднимитесь на лифте на пятый этаж. Дверь квартиры будет открытой».

Сложив бумагу, он вложил ее в конверт. Заклеив его, надписал: «Отель «Чандлер», Флоренс Кнэпп. Передать лично». Он снова взглянул на стакан с виски и взял другой лист бумаги. Долго сидел в раздумье, курил, наконец начал писать: «Милая, дорогая Пенни...»

И он детально, со всеми подробностями описал все, что произошло с ним, начиная со своей встречи с Джоном Спенсом в баре О'Коннела и кончая разговором с Флоренс Кнэпп.

«Если план, который я теперь разработал, удастся, — писал он, — то вы с Джоном сможете убедиться в том, что я говорил правду. Если же все кончится неудачей, то по крайней мере ты будешь знать, что я не лгал. Сейчас мне трудно передать тебе все то, что я чувствую. Вряд ли я смогу выбраться из этой истории живым. Ты спросишь, страшно ли мне? Если хочешь знать правду, то очень. Но ведь у меня нет другого выхода. Ты, наверное, думаешь, что же все-таки со мной случилось? Почему в этой ситуации я могу смотреть в лицо опасности и не бежать, как мальчишка, от той ответственности, которая связана, например, с работой, женитьбой? Неужели, правда, есть то желание смерти, о котором часто говорят герои боевиков? Мне же страшно хочется жить, я даже не могу высказать, как сильно это желание. Тем не менее мне кажется, несмотря на всю дикость и невероятность этого, что перед лицом такой реальной опасности все остальное выглядит детской забавой. Интересно, как ты думаешь, если я останусь жив и окажусь прав, то сможешь ли ты... Да, действительно, мы очень много фантазировали в прошлом. Теперь настало время посмотреть, что из этого получится. Может быть, я увижу тебя еще до того, как ты получишь это письмо, а может быть, голландец Хейден к этому времени уже пристрелит меня. Но в любом случае знай, что я всем сердцем люблю тебя, дорогая Пенни, и что мы еще будем счастливы, я очень хочу надеяться».

Когда он кончил писать, в окно уже светило утро.

Бэкстер проснулся около полудня. Чувствовал он себя довольно бодро, чего с ним давно уже не бывало, но, как только он начал собираться с мыслями, его сердце учащенно забилося. Через четыре часа пятнадцать минут ему снова придется встретиться лицом к лицу с голландцем Хейденом, и скорее всего это будет конец.

Одевшись, он вышел из квартиры и направился в угловой кафетерий. У почтового ящика на мгновение задержался в нерешительности, затем опустил письмо к Пенни. Завтра утром, когда все уже будет так или иначе кончено, она должна получить это письмо.

Он заказал кофе и апельсиновый сок; выпив все это, ему

захотелось еще грудинки, яиц, жареного хлеба и кофе. Давно уже он так вкусно и аппетитно не завтракал! Плотный завтрак перед смертью! Видимо, ощущение неминуемой смерти делает пищу более привлекательной. Может быть, это подсознательное стремление к покою перед лицом опасности? А ведь он так боялся, так сильно боялся!

Позавтракав, он закурил сигарету, словно это был самый обыкновенный день. Продолжать сидеть в этом кафе не было никакого смысла, он поднялся и вышел. Пройдя дальше по Лексингтон авеню, он зашел в почтовое отделение. Там оформил доставку письма Флоренс Кнэпп в отель «Чандлер».

— Пожалуйста, имейте в виду, — попросил он служащего отдела доставки корреспонденции, — это письмо необходимо вручить без пятнадцати четыре. Я готов внести дополнительную плату, лишь бы твердо знать, что письмо будет вручено вовремя. От этого может зависеть жизнь человека.

Служащий удивленно взглянул на него.

— Моя жизнь, — добавил Бэкстер.

В четверть третьего Бэкстер был уже около недавно отремонтированного дома на 37-й улице. Это был оштукатуренный в светло-голубой цвет дом, на котором ровные ряды окон были похожи на застекленные решетки.

Бэкстер вошел в вестибюль, остановился около медной таблички — указателя номеров квартир и фамилий жильцов. Против каждой таблички была маленькая кнопка звонка. «Квартира № 5 — Джон Спенс». Бэкстер нажал на кнопку, некоторое время подождал ответа. Но ждал он в общем-то просто так, на всякий случай, потому что был уверен — Спенса нет дома, если только ему дали отгул за вчерашний героический день. Вряд ли, скорее всего для того чтобы окончательно закрыть дело Хейдена, надо еще оформить кучу всяких бумаг. Бэкстер ухмыльнулся, представив Спенса в ворохе бумаг.

Достав ключи, он кончиком одного из них вынул из таблички-указателя картонку, на которой значилась фамилия Спенса, и сунул ее в карман. «Нажмите на кнопку против таблички без фамилии». Он снова взглянул на свои ключи — вот два ключа, которые принадлежат совсем не ему: один от квартиры Пенни, другой ему года два назад дал Джон Спенс, когда они хотели писать большую статью о работе ФБР. Ключом Спенса он открыл дверь, ведущую в дом. Коридор вел к маленькому лифту на двух человек, в котором Бэкстер стал подниматься на пятый этаж. Лифт поднимался, сопровождаемый какофонией жужжащих, щелкающих звуков. Наконец-то на пятом этаже дверь лифта открылась, и Бэкстер вышел на лестничную клетку.

Квартира была светлой, солнечной. Окна оказались открытыми, отчего по квартире гулял прохладный ветерок. Какой образцовый порядок! Добрый старина Спенс! Он ведь разозлится как черт, если на его чистом сером ковре появятся капли крови.

До назначенной встречи была масса времени — почти

два часа. Присев на подоконник, Бэкстер закурил. Теперь ему можно было сделать еще один важный шаг, но его надо сделать только в самый последний момент, иначе Спенс может все испортить. Глядя на светлую дымку тумана над городом, он вспомнил, что Пенни очень нравился этот вид из окна, когда они впервые оказались в этой квартире. Бывало, они любили забираться на крышу дома и там разыгрывали предполагаемые семейные сценки, которые должны были происходить за тысячью светящихся окон перед их глазами. Могли ли они предположить, думал он, что именно он, журналист-неудачник, будет когда-нибудь сидеть в квартире своего приятеля в ожидании смерти, которая явится в образе человека, «кончину» которого только что приветствовала вся страна? Неплохой сюжет для детектива. Добрый старик Спенс. Всего небольшая детективная повесть!

Ровно в тринадцать Бэкстер позвонил в управление, где работал Спенс, и попросил его к телефону.

— Господин Спенс нет, мистер Бэкстер, — ответила секретарша.

— А когда он должен быть?

— Он передал, чтобы его сегодня не ждали.

— Чт о?!

— Я думаю, он вряд ли сегодня будет.

У Бэкстера пересохло во рту.

— Послушайте, я нахожусь в его квартире. Это очень важно. Мне необходимо с ним связаться до четырех часов дня.

— Ничем не могу вам помочь, мистер Бэкстер. Господин Спенс даже не сказал, куда он ушел.

Голос Бэкстера дрожал:

— Если он все-таки придет, оставьте записку или передайте, что я ему звонил и что голландец Хейден будет в его квартире ровно в четверть пятого.

— Голландец Хейден?

— Не удивляйтесь. И передайте все слово в слово. Кстати, скажите ему, что если он не придет сюда в четыре пятнадцать, то всю его квартиру разделают под орех.

Секретарша разговаривала с ним настолько спокойно, насколько может себе позволить человек, вынужденный разговаривать с лунатиком.

— Я передам, мистер Бэкстер, как только господин Спенс придет. Но я не уверена, что сегодня он будет. На сегодня у него нет ничего срочного.

— Ну что же, тогда считайте, что это была просто шутка, — закончил разговор Бэкстер и вдруг почему-то рассмеялся.

Сейчас это казалось безумием, но раньше ему даже в голову не приходило, что Спенс может и не быть в управлении. Наоборот, он всячески оттягивал звонок с тем, чтобы у Спенс уже не оставалось времени хоть что-нибудь изменить. Ведь Спенс ему не верил и поэтому, разрабатывая план, он решил, что наиболее эффектно эта операция

пройдет именно в квартире самого Спенса. «Журналист, над которым посмеивался агент ФБР, устраивает преступнику засаду в квартире этого агента». Но он-то ведь рассчитывал найти Спенса, готового в любую минуту прийти на помощь.

Оставался только один выход — бежать из этой квартиры. Бэкстер рванулся было к двери, но на полпути остановился. Если Хейден получил записку, то он, конечно, явится сюда. Если в квартире никого не будет, то он станет ждать в коридоре. И что будет потом, когда Спенс придет домой... Конечно, Хейден будет чертовски рад, застав Спенса без охраны. Нет, Бэкстер не позволит, чтобы это случилось. Он не может допустить, чтобы Спенс попал в такую ловушку. Нет, бежать сейчас невозможно. Надо доводить начатое до конца. Во всяком случае, необходимо учитывать сложившуюся ситуацию.

Двадцать минут четвертого. Он был на грани отчаяния. Может быть, еще удастся остановить доставку письма! Пальцы едва подчинялись ему, когда он искал в телефонной книге номер почтового отделения по доставке корреспонденции, расположенного на Лексингтон авеню. Вот этот номер. Спокойно, мальчик. Спокойно! Он медленно и осторожно набрал номер. К телефону подошел клерк.

— Скажите, как обстоит дело с письмом в отель «Чандлер»?..

— Это письмо, мистер Бэкстер, уже ушло. У рассыльного была и другая корреспонденция, поэтому он ушел раньше. Можете не сомневаться, оно будет доставлено точно в указанное время.

— Я не хочу, чтобы его вручали! Можно ли остановить доставку?

— Даже не представляю, как это можно сделать, мистер Бэкстер. Я...

— О господи, да пусть уж будет как есть!

Бэкстер стоял у телефона, дрожа всем телом. Отель «Чандлер»!!! Может быть, ему все-таки удастся предотвратить вручение письма Флоренс Кнэпп. И снова невыносимо трудный поиск нужного телефона в справочнике, затем неуклюжий набор цифр.

— Отель «Чандлер»? Дежурного администратора, пожалуйста. — Что же они так медленно, побыстрее. — Администратор? Слушайте меня внимательно. Сейчас разносчик корреспонденции принесет письмо для вручения мисс Флоренс Кнэпп. Так знайте, это ошибочная доставка. Надо, чтобы письмо не вручали.

— А кто это говорит?

— Видите ли, это письмо послал я, — сказал Бэкстер. — По ошибке. Для меня очень важно, чтобы письмо не вручали.

— Поймите меня правильно, сэр, но боюсь, что без дополнительной информации об этом я не могу взять на себя такую ответственность.

— Так ведь это же я послал письмо! Понимаете, я...

— Вы утверждаете, сэр, что это именно вы послали пись-

мо, а как я могу быть в этом уверен? Боюсь, что не смогу взять на себя такую ответственность...

— Ну хорошо, ладно, — хрипло ответил Бэкстер.

С лица его струился пот и ручьями стекал за воротник. До чего же ловко все складывается, чертовски ловко. Если уйдет он, то могут убить Спенса. Если он останется, то он же может и умереть. А что, если... Ведь все агенты ФБР должны иметь в доме оружие. Если он найдет пистолет, то по крайней мере не будет чувствовать себя как зверь в ловушке. Тогда можно будет еще побороться.

Поиски Бэкстер начал с письменного стола, затем приступил к комоду, секция за секцией, все больше приходя в отчаяние. Он перешел в спальню, распахнул настежь шкаф и стал выбрасывать из него рубашки и всякое белье. Где-то же у агента ФБР должно быть оружие.

Наконец-то! Пистолет лежал в нижнем ящике комода в коробке, которую он чуть было не выбросил. Пистолет был автоматическим, в коробке лежали патроны. И хотя Бэкстер никогда в своей жизни не стрелял, однако знал, как заряжается пистолет. Заряженная обойма легко вошла на свое место, и пистолет удобно лег в ладонь. Он поднял пистолет, прицелился, вспомнив, как это делали в кино. Вот так он чувствовал себя значительно лучше, почти прекрасно.

Бэкстер снова вернулся в гостиную. На все эти звонки и поиски оружия ушло слишком много времени. Ведь уже без пяти четыре! Он опять позвонил Спенсу в управление.

— Нет, он не приходил, мистер Бэкстер. Я же вам говорила, что сегодня, видимо, он не будет.

Пенни! Может быть, он у Пенни? Бэкстер набрал ее номер, но никто не ответил. Может быть, в этот момент она катается где-нибудь в машине Спенса. Да и черт с ними! Пусть он сдохнет! Теперь главное — удрать отсюда.

Однако Бэкстер почему-то не спешил уходить. Он стоял у окна и смотрел вниз, на улицу. Один раз он даже подошел к окну, выходящему во двор, и заглянул туда. Во дворе кто-то стоял под бело-зеленым солнечным зонтом, очень милым и веселым. Он снова подошел к окнам на улицу. Теперь его сердце колотилось так сильно, что в голове гудело как в морской раковине.

Десять минут пятого... Одиннадцать минут пятого... Тут он увидел, как на той стороне улицы прямо перед домом затормозил серый «седан». Из него вышли четыре человека. Они остановились, рассматривая дом. Двое из них перешли улицу и по проходам между домами направились во двор. Двое других пошли к дому. В одном из них Бэкстер узнал голландца Хейдена.

В квартирный коридор солнечный свет не попадал, и коридор был сравнительно темным. Поэтому входящий с лестничной клетки человек должен был оставаться в тени. Находившийся в комнате оставался на свету и был хорошо виден.

Едва передвигая ноги, Бэкстер встал прямо напротив входной двери, взвесив на ладони пистолет. Затем слегка

согнул руку в локте, так, чтобы дуло пистолета было направлено чуть вверх. Теперь он будет ждать звуков лифта.

Раздался бой стоявших на камине часов. Едва слышный звон показался ему оглушительно громким. Что же будет? Прошла минута, вторая, пятая. В одно из этих жутких мгновений ему стало казаться, что те два человека во дворе взбираются в квартиру по пожарной лестнице, чтобы взять его с тыла. Потом он вспомнил, что пожарная лестница проходит по уровню окон лестничной клетки. Значит, все они должны быть по ту сторону входной двери.

— Что же вы не идете, грязные убийцы? Что же вы не идете? — шептал Бэкстер сквозь зубы.

И как будто в ответ на его желание раздался жужжащий, щелкающий звук поднимающегося лифта.

Тонуший человек запоминает все, самые мельчайшие подробности. Точно так же и погибающий человек тоже помнит все. Но Бэкстер почувствовал, что с ним происходит что-то неладное. Сопровождая звуки движущегося лифта, в его голове снова и снова возникали мысли о чем-то возможном, вероятном. Ну, например, у него могла бы быть жена, семья. На работе он мог бы быть более удачлив, иметь успех. Он мог бы никуда и не уходить! А теперь, когда ему действительно надо было бежать отсюда, он почему-то неподвижно стоял в позе дуэлянта-неудачника прошлого века в ожидании смерти.

Вместе с тем подсознательно Бэкстер чувствовал и едва ощутимое недоумение. Почему же Хейден так долго не поднимается? Ведь наверняка он приехал сюда заранее, чтобы вовремя попасть на встречу, но почему-то задерживается уже больше чем на десять минут. Наверно, проверяет, подумал Бэкстер, нет ли где засады, чтобы не случилось чего-нибудь непредвиденного. На этот раз уже не будет ни крыши гаража, ни другой возможности спастись. Уж на этот-то раз Хейден хочет бить наверняка.

Послышалось равномерное постукивание и щелканье движущегося лифта. Раздался характерный металлический стук. Теперь надо сосчитать до шести, и послышится хлопок закрываемой двери лифта. Вот дверь закрылась. Теперь должны быть слышны шаги. Должны же быть шаги. Но Бэкстер их почему-то не слышал. Наверно, у него в голове так сильно гудело, что казалось, вместе с этими звуками вздымалась вся комната.

Но шагов все равно почему-то не было. А потом случилось нечто еще более поразительное. Ручка двери бесшумно повернулась. Похолодевшая рука Бэкстера еще сильнее сжала рукоятку пистолета. «Входи же, Хейден, пора кончать все это!»

Внезапно дверь резко распахнулась. На какое-то мгновение Бэкстер увидел в дверном проеме очертания высокого человека в шляпе с загнутыми полями. Бэкстер медленно навел пистолет на уровень фигуры и замер. Когда он нажал на курок, человек в дверном проеме что-то громко прокри-

чал и плашмя рухнул прямо на ковер в коридоре. Он опять нажал на курок, но выстрела больше не последовало. Ни единого звука, ни щелчка.

— Поль, ради бога, прекрати это! — вскричал Джон Спенс, лежа на полу в неудобной позе.

Значит, он, Бэкстер, был жив. Он так и стоял, твердый, непреклонный. Правда, все, что было с ним уже после этого, Бэкстер не помнил: как Джон Спенс поднялся с ковра, медленно провел и усадил Бэкстера в кресло, осторожно взял у него пистолет.

Взглянув на пистолет, Спенс как-то странно, почти истерично захохотал.

— Дурачок ты деревенский, — заговорил Спенс. — Неужели ты не понял, что это немецкий трофейный спортивный пистолет? Память о войне.

— Там, во дворе, — едва прошептал Бэкстер. — Еще двое из них во дворе.

— Их уже взяли, — хмуро ответил Спенс. — Всех взяли, и Хейдена тоже. Все благодаря тебе.

— Мне? — Бэкстер облизал сухие губы. — Почему мне?

— Хочешь выпить? — спросил Спенс. — Наверняка ты тут весь исстрадался в ожидании того, когда придет Хейден и стукнет тебя.

Бэкстер отрицательно покачал головой.

— Лучше расскажи мне, что же произошло.

Спенс достал две сигареты, одновременно прикурил их и одну протянул Бэкстеру.

— Это все Пенни, — начал Спенс. — В основном Пенни. Это она все время повторяла, что ты говорил правду, во всяком случае, тебе казалось, что ты говоришь правду. Пенни все время настаивала, что ты не стал бы выдумывать невесту что только для того, чтобы оправдаться перед нами. Тут-то я и начал кое-что прикидывать. Да, ты был прав насчет этой девицы Кнэпп. Уж слишком демонстративно выдавала она свои старые связи и делишки. А сегодня с утра я со своим сотрудником еще раз побывал на Десятой авеню. Мы проверили твою версию об украденной автомашине. Оказалось, что все было действительно так, как ты и говорил. На крыше мы обнаружили следы твоего падения. Так твою версию стала приобретать реальные черты. Тогда я решил побеседовать и с Флоренс Кнэпп. Мы с сотрудниками подъехали к отелю «Чандлер». И перед самым нашим носом от отеля отъехал серый «седан». Вроде бы швейцар успел разглядеть гостя. «Если бы я не знал, что он убит, — заявил швейцар, — то мог бы поклясться, что один из мальчиков в этой машине — голландец Хейден. Наверно, это его двойник».

— Мы не стали дожидаться, Поль, встречи с Кнэпп, а поехали за этим «седаном». Можешь себе представить мое удивление, когда их машина остановилась здесь, почти напротив моего дома. Мой сотрудник взялся за тех людей во дворе. А я ждал Хейдена с его приятелем внизу, в холле.

— Именно так это и произошло?! — вырвалось от удивления у Бэкстера.

Спенс улыбнулся.

— Да, именно так. По всему было видно, что они нас совсем не ждали. А теперь ты, Поль, рассказывай! Да, позвольте, какого черта ты делаешь в моей квартире?

Бэкстер все по порядку рассказал ему.

— Похоже, Джон, что и у меня теперь есть своя сенсационная новость, — закончил Бэкстер. — И уж этого у меня никто не отнимет.

— Если хочешь, можешь прямо сейчас продиктовать по телефону в редакцию, — заметил Спенс. — А хочешь, запиши на мой магнитофон. Думаю, что здесь гораздо удобнее, чем в твоей берлоге.

— Нет, я лучше пойду домой, — ответил Бэкстер с легкой ухмылкой.

Спенс все понял, и в глазах его появилось тоскливое выражение.

— Всего хорошего вам... Обоим.

Перевел с английского Е. ЛИСИЦЫН

ИСТРА ЕР ПРИЗРАКОВ

Фантастический рассказ

1

-Одно за другое, — сказал Призрак.
— Но почему именно кровь? — пролепетал старик.
— Только одну-две капли, — настаивал Призрак.
— словно бы я продал душу черту, — сетовал старик. Ему показалось, что он слышит смех. Но тишину алхимической лаборатории нарушало только его собственное хриплое дыхание. Тишина и тени.

Одна из этих теней была плотнее других и двигалась не в согласии с пляской языков пламени в очаге. И она говорила, хотя голоса не было слышно, только в мозгу старика возникали образы, которые он воспринимал как вопросы и ответы. Вот и сейчас...

— Не будь глупцом, старик, зачем ты мне нужен? Но я соберу тебя заново, дай мне лишь несколько капель крови, и по рукам!

Старик тревожно шевельнулся, ибо такие слова, какими говорил с ним Призрак, он слышал в юности, когда грязным, оборванным подростком бегал по деревенским улочкам. Рядом с его докторским званием эти слова были, как дьявольские рога рядом с митрой епископа.

— Ты боишься, — прозвучало у него в голове. — Но сейчас ты боишься меня, а этого не нужно. В другое время ты боишься людей, жизни, болезней, нищеты и бога. Кстати, как ты себе его представляешь? Седобородым старцем? Волосатый антропид... Брр, какая гадость!

Старик при таком кощунстве возвел взгляд к потолку. А голос продолжал:

— И негигиеничная к тому же. Мог бы ты, например, представить себе, какие твари копошатся в этой бороде? Что ты так вздрогнул? Ты боишься его?!

— Его нет, — прошептал старик, сжимая руки. — Но боюсь за себя...

— Почему? Ты ведь хочешь помолодеть, если я правильно тебя понял?

— Да, я хотел бы... Я всю жизнь служил...

— Кому?

— Науке.

— Вот как?

— Я искал смысл жизни.

— Чего?

— Жизни. Она слишком коротка. — Старик подошел к огню, погрел озябшие руки. — Когда мне было десять лет, я поступил в школу. Сколько лишений, сколько голода и холода я натерпелся, пока в двадцать лет стал бакалавром, а в тридцать доктором медицины и магистром свободных искусств! Мне уже шестьдесят, и вся жизнь прошла! — вскричал он, показывая суставы, изуродованные болезнью. — Жизнь кончается, и приходят болезни. Люди просят у меня помощи, я их вылечиваю, и они думают, что я знаю все. Но жизнь кончается и для меня, а я ничего не выполнил!

Призрак молчал.

— Я хотел бы начать заново. Получить еще одну возможность, дабы избежать ошибок и искушений...

— Возможность? — засмеялся Призрак. — Но ты только снова растратжишь свою жизнь, хоть и по-другому. А искушения по силе обратно пропорциональны возрасту. Если ты помолодеешь, тебе станет труднее преодолевать их. Но пусть будет так; я сделаю все, что могу.

— Правда?! — радостно вскричал старик и упал на колени перед высоким Призраком, черневшим среди толстых фолиантов, разбросанных по полу лаборатории. Призрак появился тут недавно, в зловещий час между полночью и пением петухов, когда мрак слабеет, а рассвет еще не наступил.

— Мне нужна твоя кровь, — сказал Призрак.

— Ты убьешь меня, — простонал старик. — Если я умру, что со мною будет?

— Умрешь, забудешь все.

— Буду низвергнут в ад...

— Тело истлеет, и ты забудешь.

— Тело — да, но душа — нет. Душа бессмертна.

В мозгу у него зазвенел смех.

— Душа? А что это такое? Туманное понятие. Не обоснованное научно, идеализированное представление. Дуализм тела и души? Глупости. Эта теория давно отринута, о ней не беспокойся. В конце концов речь идет для тебя о теле, об этой жалкой оболочке, истощенной немощами и старостью. Решай сам.

— Я сделаю все, чего ты хочешь, господин, — смиренно сказал старик.

Рисунки Ю. КОШЕЛЕВА

— И дашь мне крови?

— Да.

Легкий укол, и прозрачный шприц наполнился темной жидкостью.

— Так! — удовлетворенно прозвучал голос. — Вот видишь, а я у тебя не прошу ничего, кроме позволения служить тебе семь месяцев. Ну разве я не добрый? Скажи сам.

Старик долго еще стоял на коленях перед опустевшим углом, не сводя взгляда с двойной пентаграммы на стене. И когда видение исчезло, он знал, что это не было сном.

2

Дворец вонзался в сумерки острыми башенками. Тень от него падала на беспорядочно разбросанные, кое-как построенные дома и домишки, где грязь, бедность, алчность и распутство раскрывали свои недолговечные цветы. Святой орден умел выбрать себе место. Эти серые, покрытые холодным потом стены излучали страх. Люди избегали приближаться к ним.

В узких кривых переулках мелькала сгорбившаяся фигура. Все время оглядывалась. На тихий стук приоткрылась маленькая дверца.

Страж кивнул головой и поднял фонарь. Они шли по длинным коридорам, звук шагов падал в пустоту и пробуждал гулкое эхо. В тесной келье стояли стол, два кресла, на стене чернело распятие. У стола человек в черно-белой рясе. Под сверкающими глазами темные круги. Он без улыбки обернулся к вошедшему.

— Именем Иисуса, — прошептал посетитель. Голос не повиновался ему.

Монах указал на кресло и коротко произнес:

— Аминь.

Посетитель заикался и беспокойно ерзал на месте. Большое гусиное перо в руке монаха шевелилось, когда он записывал сказанное.

— Я мыслю о спасении его души, — говорил худощавый юноша и грязными пальцами разглаживал край плаща.

— Понимаю.

Взгляды их встретились, но юноша быстро опустил глаза перед холодным пламенем в глазах монаха. Доминиканец улыбнулся, словно желая смягчить отрывистость слов. По лицу его паутиной разбежались тени.

— Кто ты, сын мой?

— Алоиз Вагнер, бакалавр здешнего университета...

Глаза монаха устремились куда-то вдаль.

— ...и послушный сын матери-церкви, ваша святость, — добавил посетитель.

— Итак, в чем дело?

Юноша приоткрыл рот, как пойманная рыба, и тотчас же снова закрыл. Монах был вынужден повторить вопрос.

— Я служу у ученого доктора Фауста, ваша святость.

— Об ученом докторе Фаусте сведения у нас не из лучших, — произнес монах, покачав головой. — Он смеется над

чистилицем, над учением святых отцов, сомневается в непорочном зачатии, позволяет себе насмешки... Знаю, знаю, — быстро добавил он, приподняв руку, словно отвечая на невысказанное возражение. — Это выдающийся ученый, но его знания подозрительно блестящи — не по-человечески. А это ведет к гордыне и к отрицанию ведущей роли церкви. Кроме того, он не ходит в храм и сторонится людей: нет ли в этом чего-то нежелательного? Что ты об этом думаешь, бакалавр?

— Конечно, так, ваша святость, но...

— Но что? — приподнял брови монах.

— Меня тревожит другое.

— Что же?

Посетитель огляделся.

— Мы здесь одни, — произнес монах.

Посетитель наклонился через стол и прошептал:

— За последний месяц у доктора отросли волосы.

Лысина Фауста была любимым предметом шуток всего рода, и инквизитор это знал. Но он даже не улыбнулся.

— Должно быть, доктор натирался какой-нибудь дьявольской настойкой.

— Теперь у него короткие жесткие волосы, — продолжал Вагнер, — но он изменился не только в этом. Он держится как молодой, пополнел и... — он запнулся. — Ему нравятся женщины.

Доминиканец быстро перекрестился, чтобы скрыть улыбку.

— Утлый сосуд человек, — прошептал он.

Бакалавр откашлялся.

— По ночам у него в лаборатории слышатся странные звуки. Он говорит вслух...

— Сам с собой?

— Нет, словно отвечает кому-то или спрашивает его.

— А этот кто-то, — медленно произнес монах и бородкой пера пощекотал Вагнеру кончик носа, — этот кто-то молчит? Значит, это наверняка не женщина.

— Нет, господин. — Бакалавр явно был в отчаянии.

— Тогда кто же?

— Не знаю. Говорит или отвечает только доктор. А потом некоторое время ничего не слышно. И снова только его голос.

— Гм, — покачал головой монах. — А что он говорит?

— Плохо было слышно... что-то о молодости и крови... и об аде.

— Так он не уверен в существовании ада? — холодно спросил монах. — Или, как многие другие, ищет его уже здесь, на земле?

— Н-не знаю, нельзя было расслышать.

— Почему же ты пришел?

Вагнер съехался.

— Я верный сын церкви, ваша святость. Я ближайший ученик доктора Фауста и многому от него научился. Но я никогда не одобрял его еретических мыслей, терпел и страдал молча. Вот уже десять лет, как я сдал бакалаврский экзамен, а кошелек у меня пуст. Я хотел бы служить церкви на более высоком

месте. Думаю, что заменил бы и доктора Фауста, если бы церковь решила...

— Понимаю, — произнес монах, и в лице у него появилась жесткость. — То, что ты сказал, это важное подозрение.

— Это ради спасения его души...

— Связь с демонами и иными слугами сатаны, — продолжал доминиканец, — есть тяжкий проступок против бога и церкви. Обдумай свои слова, прежде чем я позову писца.

— Я уже все обдумал.

3

— Проснись, — произнес Фауст. — Проснись и забудь. — Он провел рукою по лбу спящего.

Бледные веки дрогнули, по худому лицу пробежал трепет.

— Где... я? — пробормотал Вагнер, обводя взглядом лабораторию, колбы, реторты.

Толстый палец больно потыкал его в плечо. Он вскрикнул. Румяное лицо учителя улыбалось, но в глазах улыбки не было.

— Убирайся! — прошипел доктор. — Убирайся и не показывайся мне на глаза! И не пускайся больше на свои хитрости. Я обо всем узнаю и везде тебя разыщу. — Он грозно нахмурился.

Бакалавр медленно вставал с кресла. Дверь распахнулась, и мощный пинок придал телу легкость перышка. Он очутился на мусорной мостовой перед домом — в ссадинах, окровавленный, слыша смех окружающих.

— Ты больше не ученик доктора Фауста. У кого язык доносчика, тот недостойн тайных знаний. Убирайся!

Преследуемый мальчишками, несчастный убежал.

— Ты совершил ошибку. Теперь он пойдет и расскажет им.

Фауст махнул толстой рукой, поросшей черными волосами.

— Он ничего не скажет. Этот дурак, трусливый и жадный дурак. На донос у него не хватит храбрости. Этого урока ему довольно, сюда он теперь явится не скоро. Отцы-инквизиторы не похвалили бы его, узнай, что он проболтался.

— Ты отважен.

За последнее время доктор сильно изменился. Лицо у него округлилось и от избытка крепких напитков покрылось сетью лиловых жилок, живот и руки потолстели, голова покрылась густыми волосами. Голос погрубел, а в глазах появился небрый блеск.

— Я не знал, что ты умеешь гипнотизировать, — добавил Призрак.

— Что это такое?

— Искусственный сон, в который ты погрузил своего помощника.

— Ах, это! — махнул рукой Фауст. Он указал на блестящий кристалл на столике перед креслом. — Это делает камень. Венецианцы гранят их, а потом заявляют, что привезли из северных стран. Потому-то и требуют за них такие нехристианские деньги. Хитрость в том, что камень отшлифован и собирает лучи света в одну точку. Глаза утомляются, и человек

засыпает. Во сне он расскажет все, что знает, и запомнит все, что я ему прикажу. Это замечательная вещьца. Мне подарил ее один богатый еврей, которого я вылечил от тяжелой болезни.

— Гипноз, внушение, постгипнотический приказ. Интересно! — сказал Призрак. — Но в Эрфурте жить тебе больше нельзя. На твоём месте я бы показал этому городу пятки. Чем скорей, тем лучше.

— Чепуха, — пробурчал Фауст, осушил кубок и громко икнул. — Но воздаю честь твоему искусству, дьявол. Волосы у меня отросли, весу прибавилось, да и в постели мне не скучно. — Он хихикнул. — Только вот тут, — он постучал себя по лбу, — тут не очень изменилось. Ну словом...

— Словом, — прервал его Призрак, — я приготовил отцам-инквизиторам для костра хорошо откормленного, обремененного грехами доктора Фауста, первоклассное жаркое! Скоро это так и будет.

Доктор с проклятием вскочил, выломал дверцы шкафа и начал швырять в сумку свои вещи. Широким жестом обвел комнату, приборы, книги, колбы, реторты.

— Чтобы ты не называл меня неблагодарным, все это я отдаю тебе. Делай что хочешь.

Призрак не шевельнулся.

— Что мне вещи? Я служу тебе.

Фауст тяжело рухнул в кресло. Протянул руку за кубком, заглянул в его пустоту и с досадой отбросил. Потом застонал.

Призрак холодно смотрел на него.

— Я погиб, — жаловался Фауст, — совсем погиб. В старости у меня был ревматизм, но зато меня уважали. Теперь я не могу появиться в университете, ибо никто не поверит, что это я. Не могу пойти туда, я изменился. Это ты меня изменил, дьявол! — вскричал он и ударил себя в грудь. — Этого доктора никто не позовет, все хотят Фауста, славного доктора Фауста. А когда прихожу я, спускают на меня собак. Ученики меня покинули, а этот подлый Вагнер предал. Хорошо же ты мне помог, только это и правда!

— Тебе нужно сменить климат, — заметил Призрак.

— Добрый совет дороже золота.

— Можешь иметь и золото, технически это не проблема.

Фауст встал и неспешно увязал сумку.

— Спасибо, я уже обжегся один раз.

В окно упал ответ заката.

— Мы должны выйти, пока ворота не заперты. Скорей...

В дверь загрохотали удары.

— Именем Иисуса! — прогремел грубый голос.

Фауст побледнел, перебросил сумку через плечо и выбежал маленькой дверцей во двор, а оттуда в переулок, в сгущающиеся тени. Стены стояли черные, их высокие зубцы вонзались в карминовое небо, как острые зубы. Фауст проскользнул в ворота как раз вовремя, даже не заметив изумленных взглядов, с которыми стража заперла за ним ворота.

Позже их приоткрыли еще раз перед хромым монахом, чье лицо скрывал капюшон черной рясы.

Итак, они шли через поля и леса, через деревни, где жили оборванные крестьяне и голодные псы; мимо городов с оборонительными башнями, мимо замков, бойницы которых шурились с высоты холмов. Шли в тени буковых лесов, где пели птицы, шли по вересковым пустошам, где свистел ветер и падал туман. Мокли под дождем, сохли на солнце, по утрам цепенели от росы.

Фауст шел один, так как Призрак держался далеко позади и его не было видно. Только мысли Призрака вмешивались в мысли доктора, спрашивали и отвечали. Он был словно муха, которую отогнать невозможно, словно похмелье после ночного кутежа. Доктор ненавидел его и немного боялся.

Когда наступал вечер, Призрак приходил и вливал ему в уста прохладную жидкость, которая утоляла голод и жажду, так что ему не приходилось выпрашивать себе пропитание, когда кончились деньги. Он должен был быть благодарным Призраку, и это было горько.

Иногда, беседуя с ним, Фауст забывал об окружающих и начинал кричать, а то и ворчал себе в бороду, так что люди обращались на него и постукивали себя по лбу.

Встречались им и всадники в пестрых одеждах, рыцари с расписными щитами, неуклюжие деревенские повозки, странствующие подмастерья и нищие, актеры и монахи, евреи в долгополых кафтанах с желтым кружком, кареты с резными столбиками и цветными занавесками. Когда подошли к югу, к Чехии, пахло на них душным зноем.

Здесь они увидели первых беглецов.

Богато украшенные повозки, а в них люди в парче и бархате. С лиц у беглецов глядел загнанными глазами страх. За ними толпы сельчан в лохмотьях, некоторые гнали тощую скотину. На спинах у сгорбившихся женщин кричали голодные дети.

— Что случилось? — спрашивал себя Фауст.

— Что случилось? — спрашивал Призрак.

— Они бегут от чумы, — ответил доктор, обменявшийся с беглецами парой коротких фраз.

— А! — сказал Призрак. — Это болезнь, да?

— Это смерть, — скорбно ответил Фауст. Он сильно переменялся, но ненависть к болезни у него осталась. К болезни, с которой человек не может бороться, против которой бесполезны все снадобья и мази. — Ее переносит воздух, — добавил он. — Откуда-то с юга и всегда вот в такую погоду.

— Почему же они бегут, если болезнь все равно настигнет их?

— Потому что города, в которых она появилась, запирают свои ворота; а люди считают, что лучше убежать, чем оставаться в ловушке вместе с чумой.

Призрак помолчал немного. Вокруг них колыхались хлеба, а вдали оседала пыль, поднятая толпой. Фауст повернул к югу.

— Ты не боишься?

— Боюсь, — ворчливо ответил он. Спихватился, хотел сказать, что он врач, но укрылся за улыбку. — Чума, может быть, и

настигнет меня, но там, дома, в Эрфурте, мне бы от костра не уйти. И потом, — усмехнулся он, — я надеюсь отчасти, что Костлявая выберет тебя, и тогда мне будет спокойней.

В мозгу у него раздался гармоничный аккорд, эквивалент смеха.

— Сильно же ты ненавидишь меня, — заметил Призрак. — Но это не довод.

«Нет, — мелькнуло у Фауста в голове, — это не довод». Он стиснул кулаки. Еще больше, чем Призрака, он ненавидел болезнь — то, чего нельзя понять и что поэтому страшнее. Призрак в конце концов такой, каким и должен быть, дабы в мире сохранялось равновесие: это зло против добра. Но безоглядно разящая смерть приводила Фауста в бешенство. Он видел уже много умирающих, но ничто и никогда не возмущало его так, как эти бессмысленные эпидемии, убивающие без разбора калек и здоровых, молодых и старых, опустошающие целую страну, словно серп ниву.

— Да, — сказал Призрак, — понимаю.

«Конечно, — подумал Фауст, — ты меня понимаешь. Ты знаешь, я не герой, и то, что гонит меня все ближе к чуме, это не героизм, а бешенство. Ибо против этой слепой смерти никто ничего не может сделать...»

— Никто? — прозвучало у него в мыслях.

Он удивленно огляделся. Увидел пыльную дорогу под белесым небом, волнующиеся нивы и даль, трепещущую в солнечном зное.

— Никто, — пробормотал он, прислушиваясь.

— Может быть... — продолжал Призрак, — может быть, средство найдется.

— Средство от чумы?

— Ну да, при некоторых условиях.

— Знаю, — горестно сказал Фауст, — ты ничего не даешь даром. У тебя ведь договор, подписанный моей кровью.

— Кровь была мне нужна, чтобы тебя вылечить, — оскорбленно отозвался Призрак. — Ты начинаешь наскучивать мне. Зачем мне глупец, играющий в лекаря, но не имеющий никакого понятия об эпидемиологии, о гигиене?

— Так почему я тебе так нужен? Почему ты выбрал именно меня?

Призрак засмеялся.

— Я скажу тебе, почему. Может быть, потому, что ты так похож на человека.

— А ты, кто ты сам? — повторял доктор, но все тише и тише.

Призрак молчал. «Боже, иметь средство, чтобы излечивать от черной смерти... Слава, деньги почести... Нет, — оставил себя доктор. — Слава, чтобы до него дотянулась рука инквизиции? Деньги, чтобы у него их отняли ненасытные князья или лесные разбойники? Почести, чтобы завистники могли очернить его? Нет, пусть будет что-нибудь другое. Он продался дьяволу, но пусть теперь дает дьявол».

— Какие же это условия? — нерешительно спросил он.

Призрак оживился. Его мысли искрились жадностью.

— Ты не боишься?

— Боюсь, — вырвалось у Фауста. Но он тут же добавил: — Я хотел бы иметь это средство. Чего ты хочешь?

— Крови больного!

— Так кто же ты? — спросил с досадой доктор. — Дьявол или вампир? За чем ты гоняешься — за кровью или за душами?

— Мне нужна кровь, чтобы найти причину болезни.

Доктор махнул рукой.

— Там, куда мы идем, больных будет с избытком.

— Ты не понял. Мне нужна твоя кровь, потому что ее состав я хорошо знаю. Как и тебя самого.

Доктор остановился. Его пронзило холодом. Даже в этом полуслепленном зное он почувствовал, как по спине у него струится холодный пот.

— Мне нужно, чтобы ты заразился чумой. Во всем опыте нет ничего опасного, это только дело техники.

— Очень благодарен.

— Как только я узнаю, в чем дело, я тебя вылечу. Это неопасно, поверь мне. Если бы ты знал хоть что-нибудь о микробах и защитных веществах, было бы легче. Но сейчас тебе остается только довериться мне.

Фауст знал, что Призрак никогда не говорит попусту. Мысленно он видел, как исцеляет больных и воскрешает мертвых. Видел, как оживают посиневшие лица матерей, как они ласкают плачущих детей окоченевшими пальцами.

Они шли среди трепещущих воздушных зеркал: мрачный Фауст впереди, а далеко за ним Призрак в монашеской рясе.

5

В Праге им пришлось подкупить содержателя гостиницы, чтобы он дал им комнату. Когда потом начала косить смерть, он узнал, что Фауст врач и посещает чумные больницы. Он поднял крик и хотел выгнать обоих, но смерть была быстрее и замкнула ему уста раньше, чем он успел выполнить свое намерение.

Призрак не очень тревожил доктора. Часто исчезал подолгу, и Фауст не знал, куда. Потом таинственно появлялся снова, и Фауст не знал, откуда. Доктор вскоре перестал замечать, здесь Призрак или нет: все равно они были связаны неразрывно. Чума косила широкими взмахами, и больницы были переполнены. Над кострами за городом, где сжигали трупы, столбами поднимался дым. Это была война, упорная и отчаянная. Призрак ждал.

И дождался.

Однажды на пути в больницу Фауст упал. Лицо у него почернело, из распухших губ вырывалось хриплое, зловонное дыхание. К счастью, его узнали, и только потому он не очутился в яме или на костре за городом, среди безымянных трупов. Люди в капюшонах и масках, собиравшие больных и мертвых, принесли его в гостиницу и бросили на кровать.

И тут подошел Призрак и набрал шприцем крови, как в первый раз. И снова исчез.

И снова появился. С лекарством, которое впрыснул в кровь.

Фауст выздоровел.

По городам, где властвовала черная смерть, распространялись слухи о чудесном враче из Праги. Слухи были необычайные. Говорили, что в гостинице, где он живет, слышатся странные звуки и светятся таинственные огни. Кое-кто видел рядом с доктором какого-то незнакомца в монашеском капюшоне, с бледным лицом.

В более спокойное время загадочным пришельцем из Эрфурта заинтересовалась бы инквизиция. Но в эти мрачные дни люди оступели, и бог значил для них не больше, чем дьявол.

И помогал не бог, а загадочный доктор.

Сначала он излечивал бедняков, у которых ничего не было, кроме лохмотьев, грязи и чумы. Потом стали приходить богатые горожане и дворяне. На гордых лицах у них была маска заискивающей улыбки, а руки, отягченные полными кошельками, дрожали.

Он принимал их охотно. Да, вот случай! Сначала, правда, он отказывался, не хотел обращать на себя внимание, но страдания этих людей были велики, а слышать благодарности так сладко. Он знал, что лекарством обязан Призраку и что Призрак приносит его откуда-то из адской кухни, но это уже не имело значения. Разве он не подписал договора с дьяволом?

Потом Фауста вызвали к заболевшему архиепископу. Осыпали подарками и почестями. Он принял предложенный ему дворец, принял гражданство и звание личного врача князя церкви. Архиепископ, вырванный им у смерти, кротко увещевал его порвать союз с дьяволом и выманивал сведения о таинственных силах, дающих человеку сверхъестественное могущество.

К городу стала возвращаться жизнь. Ученики Фауста — теперь их было у него много — возвращались из ближних городов и стран, приносили неизрасходованные лекарства и деньги, если только не исчезали с ними навсегда.

Это было время, когда он ощутил гордость силой. У него была роскошь, были женщины... но он чувствовал, что все это не то, о чем он мечтал, когда просил дьявола о молодости. Тогда он мечтал о знании...

И до появления Призрака Фауст был известным ученым. Но то, что он знал, было обрывками и жалкими суевериями, опровергаемыми каждодневной действительностью. После колдовского лечения тело у него помолодело, но разум, отягощенный ненужными знаниями, не был способен воспринять ничего нового. Доктор не мог понять, что болезнь — это не кара божья, а битва человеческого организма с незримыми врагами. Он подозревал, что Призрак скрывает от него изготовление лекарства, чтобы крепче связать с собою. Много пил.

6

Однажды вечером, когда доктор потягивал красное вино, в комнату вбежал Призрак. Был это весьма телесный призрак с отчаянием во взгляде.

Он без приглашения схватил кубок и осушил его несколькими глотками.

— Я в ловушке, — произнес он. Потом налил еще вина, снова выпил. — Ты должен мне помочь.

— Я тебе? — изумился Фауст. Только теперь он заметил, что Призрак говорит, как все люди. — С каких пор дьяволу стала нужна помощь?

— Дьявол помог бы себе и сам, — вздохнул Призрак, — но я-то не дьявол!

Фауст ошеломленно глядел на него.

— Так ты все это время водил меня за нос?

— Глупец! — воскликнул Призрак. — Ты давно уже мог бы догадаться и сам!

— Так, значит, ты не дьявол, — произнес Фауст и отпил вина. — Ну что ж, — задумчиво продолжал он. — У меня насчет ада всегда было собственное мнение... но когда ты появился так неожиданно и начал вести себя по всем правилам, то, признаюсь, меня это сбilo с толку. Особенно когда я тебя слышал вот здесь, — он постучал себя по лбу, — а ты даже рта не открывал.

— Телепатия, — ответил Призрак. — Ты был единственным, с кем я мог наладить контакт... Словом, у тебя есть такая способность. Существо, умеющее объясняться лишь членораздельными звуками, считается у нас преддверием к человеку. Тот, кто не может узнать мыслей другого, должен по необходимости быть подозрительным. А подозрительность жестока.

— А мое омоложение?

— Обычная гормональная терапия, — махнул рукой Призрак.

— А чудесные средства против черной смерти?

— Грибки, убивающие микробов. Впрочем, я о них немного знаю, я не специалист.

— Напротив, ты величайший целитель под солнцем! — пылко возразил Фауст.

— Куда там, — устало произнес Призрак. — Я только ввел образец крови в анализаторы, а они подали синтезаторам команду изготовить оптимальные смеси антибиотиков и все такое... Обыкновенная автоматика.

Фауст потянул из кубка.

— Где это делалось?

— Вот в том-то и дело... Дома. — Призрак говорил медленно, с трудом: то ли с непривычки, то ли под действием напитка. Он отхлебнул снова и dokonчил: — В моей лаборатории.

— Не понимаю.

— И не пытайся, не сможешь. Принимай все так, как я скажу. Я прибыл сюда из 2525 года, то есть из времени, которое будет через тысячу лет. Я историк. Только поэтому я и могу с тобой разговаривать, никто другой из нас не смог бы. Телепатия — это проще и устраняет множество недоразумений. Мне как историку хотелось проверить, как было дело и в этой фаустовской истории.

— В фаустовской истории? — изумился Фауст.

— Это легенда, и никто не может ее объяснить. Гёте создал из нее одно из величайших произведений литературы. Разве ты не знаешь? Ах, конечно же, он родился еще не скоро. Многие философы ломают себе головы над тем, что за этой повестью скрывается, не инопланетные ли пришельцы? Ну а когда

один мой друг изобрел машину времени, способ, чтобы вернуться в прошлое, то я уговорил его, чтобы он позволил мне первому испытать ее.

Фауст икнул и снова выпил. Призрак чокнулся с ним и продолжал:

— Сам я в принципах путешествий во времени не разбираюсь, это область математики и физики, а я в них никогда не был силен. Знаю только, что для активизации веществ, позволяющих переходить из одной эпохи в другую и обратно, нужно немного ртути.

— Ртути? — прошептал Фауст.

— Она была у меня в строго отмеренных дозах в запаянных ампулах. Достаточно было разбить ампулу и накапать ртути в аппарат.

— И это все?

— Да, все дело в точности дозировки. Стоит чуть ошибиться, и очутишься на несколько десятков или сотен лет ближе или дальше. — Он схватился за голову и застонал. — Проклятая моя рассеянность, она меня погубила! Я проверил: оказалось, я взял в лаборатории только одну ампулу и ту израсходовал. И теперь сижу тут узником вашей грязной, темной эпохи...

— Ну, — возразил несколько уязвленный Фауст, — время наше может быть и грязным и темным, но в ртути у нас недостатка нет. Мы лечим ею кое-какие болезни, и в аптеке еще должно оставаться немного...

— Потому-то я и пришел, — смиренно сказал Призрак. — С просьбой. Не знаю, правда, удастся ли мне на глаз отмерить нужную дозу, чтобы вернуться с минутной точностью, но рискнуть придется. Для меня главное — вырваться из этого проклятого средневековья, а там я уж справлюсь. Ты не сердись на меня?

— Друг! — вскричал Фауст, раскрывая объятия. — За что? За то, что ты вернул мне молодость, что спас от болезни, что дал мне богатство и славу? — Он запнулся, опустил голову на руку. — Послушай, мой благодетель, — заговорил он медленно, устремив на собеседника пристальный взгляд, — ты говорил, что повесть о Фаусте известна и в ваше время?

— Как чисто фольклорный курьез, не больше, — поспешил возразить Призрак.

— Все равно. — Доктор махнул рукой. — Можешь ты мне сказать, как там, в этой повести, с Фаустом получилось дальше?

Призрак медленно поднял кубок к губам.

— Ну знаешь ли...

— Чем кончилась повесть о докторе Фаусте, говори! — настаивал его собеседник.

Призрак всплеснул руками.

— Послушай, нам с тобой все это время было неплохо. Оставим эту историю в покое, ладно? В конце концов это только сказка, и когда я кое-что проверил, то убедился, что все это вымысел и совпадение имен. Дай мне ртути, и я здесь больше не появлюсь.

— Пока не скажешь, как с Фаустом кончилось, я тебе ртути не дам.

Призрак с трудом перевел дыхание.

- На твоём месте я бы подумал...
- Да, но ты-то не на моём месте.
- Хорошо. Но я скажу тебе, когда получу ртуть. Скажу перед тем, как уйти. Согласен?
- Согласен.

7

В лаборатории доктора Призрак извлек из кармана продолговатую коробочку с красной кнопкой на крышке. Отвинтил кнопку и осторожно, стараясь не пролить, накапал серебристую жидкость в отверстие. Руки у него слегка дрожали не то от волнения, не то от вина, но в конце концов кнопка снова была на своём месте, и Призрак нажал пружину. Из боковых стенок коробочки выскочили две изогнутые проволоки, описали дугообразную траекторию, направленную вверх, где их концы сомкнулись как раз над центром кнопки. Получился круг около метра в диаметре, зеленовато-фосфоресцирующий. Фаусту показалось, что предметы по ту сторону круга потемнели и погасли. У доктора пересохло во рту.

— Дозу я отмерил наугад, — сказал Призрак, — но прибор настроен на мою лабораторию в XXVI веке независимо от того, где я нахожусь в вашей эпохе. — Он указал на темное отверстие между светящимися проволоками. — А вот это путь. Надеюсь, я не очень ошибся. В самом худшем случае я окажусь там немного раньше и добавлю ртути. Но это уж мое дело. Жаль, — вздохнул он, — нам с тобой тут было интересно. Желаю тебе счастья, так как мы видимся в последний раз.

— В последний раз, — прошептал Фауст. Он вдруг почувствовал себя очень одиноким. — погоди, дьявол, — сказал он ласково и схватил Призрака за рукав. — Ты еще не сказал мне, чем там кончилась фаустовская легенда...

— Подумай лучше, — предостерег Призрак.

— Нет, — хрипло ответил Фауст.

— Как хочешь. — Призрак печально улыбнулся. — Его унесли черти, только дыра от него осталась. — Он отвернулся и быстро шагнул в фосфоресцирующий круг.

Фауст был ошеломлен. После двух кувшинов мозельвейна его слегка покачивало, но тут он очнулся.

— Неправда! — вскричал он. — Ты сам мне сказал, что ты не дьявол. погоди! — И, не задумываясь, кинулся вслед за Призраком в круг, начавший уже гаснуть. Он почувствовал сильный толчок, услышал грохот рушащихся стен. Потом потерял сознание.

8

— Ты бы вызвал «скорую», — сказала седовласая дама и приложила к носу платочек.

Где-то в темноте пробило полночь.

Ее муж потрогал концом трости одного из валявшихся.

— Набрались оба порядочно, пахнет от них за сотню шагов. — Он наклонился к пьяному. — Эй, вам плохо?

На бородатом лице блеснули мутные глазки.

— Друг, дьявол, — забормотали спекшиеся губы.

Старик отшатнулся.

— И не стыдно вам так наливать? — укоризненно спросил он.

— Где я, где?

— Слушай, Ярушек, — сказала седовласая дама своему мужу, когда он вышел из телефонной будки, откуда вызывал «скорую». — Ты заметил, как они были одеты? Штаны такие узкие-узкие, и каждая штанина другого цвета. Не знают уже, что на себя напялить! А борода... Ну можно ли молодому человеку носить на лице такой веник?

— Видишь ли, сейчас февраль, кругом маскарады... Они и не выдержали. Эх, вот когда мы были молодыми... — Он погрузился в воспоминания.

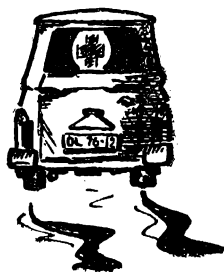
* * *

Неизвестно, чем кончилось дело с обоими путниками. Известно лишь, что их отвезли в участок и что уровень алкоголя у них в крови оказался значительно выше нормы. Ну а если оба они, проспавшись, настойчиво твердили, кто они и откуда, то не трудно угадать, куда они попали.

Всего вероятнее, в Бохницкой лечебнице стало на одного Фауста и одного Мефистофеля больше. Второй из них все время домогается получить продолговатую коробочку с красной кнопкой на крышке и немного ртути. Что ж, фантазии у сумасшедших бывают разные.

Лично я сомневаюсь, чтобы у них была надежда вылечиться.

Перевела с чешского З. БОБЫРЬ

На I—IV стр. обложки — рисунок А. ГУСЕВА.

На II стр. обложки — рисунок Ю. МАКАРОВА к повести Вячеслава Назарова «Зеленые двери Земли».

На III стр. обложки — рисунок А. ВИНОГРАДОВА к рассказу Х. Пентекоста «И пусть я погибну...».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. КАЗАН-
ЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Ю. ПЕРЕСУНЬКО

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.
Тел. 251-15-00, доб. 4-10.

Сдано в набор 14/V 1977 г. Подп. к печ. 20/VI 1977 г. А00681
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8.4). Уч.-изд. л. 12,1.
Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 950.
Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Сущевская, 21.

Виктор ВУЧЕТИЧ — Долгий путь на Баргузин
Вячеслав НАЗАРОВ — Зеленые двери Земли
Х. ПЕНТЕКОСТ — И пусть я погибну...
Вацлав КАЙДОШ — Игра с Призраком

Цена 40 коп.

